

СЕРИЯ
КОЛЕКЦИОННО
19/2018

18+

В ОБЪЯТИЯХ

ВРАГА

Эмма Ноэль

Я стала случайным свидетелем убийства моей семьи. Их было четверо. Четверо мужчин, расстрелявших мою семью в упор. В тот день я тоже умерла... и возродилась заново. Теперь смысл моей жизни — месть. Я должна их убить, и не имеет значения, какой ценой. Я буду притворяться, лгать, играть в предложенную ими игру, играть в кошки-мышки, чтобы воспользоваться любой возможностью и нанести ответный удар. Вот только кто из нас действительно окажется хищником, когда один из них заберёт меня в своё логово? Он — мой кот, а я его послушная мышка. Но смогу ли я его переиграть и поменяться с ним ролями? Когда игра перестанет быть игрой? И вправе ли мышка влюбиться в кота? Ненавижу... или люблю?..

Эмма Ноэль

В объятиях врага

Наши дни

— Руки убрал! — рявкаю с вызовом, хоть я и стою зажатая между стеной и крепким мужчиной.

— Иначе что? — его губы растягиваются в лукавой улыбке.

Между тем моя маленькая подружка уже нацелена дулом на его хозяйство. Мужчина нависает надо мной, хищно улыбаясь. Но я не отвожу взгляд, чтобы не выдать своего страха. А у самой коленки дрожат. Их там четверо, а я одна. Влипла по самые уши.

— Отстрелю яйца и скажу, что так и было! — говорю, и уверенности моему голосу не занимать. Это единственное, что мне остаётся — притворяться смелой.

— Вот этим? — глаза мужчины хитро сузились, а я понимаю, что я в ловушке. Тьма его взгляда обволакивает меня, делая слабой и незащитной перед его решимостью.

Мгновенное движение — и мой пистолет уже в его руке, а я — в прямом смысле прижата к стене. Чёрт! Моё оружие!

— Не на того ты нарвалась, мелочь, — я съёжилась, когда эта скала нависла надо мной.

А в следующее мгновение я уже пытаюсь отбиться, уравнивать шансы, треснув его коленом по яйцам. Боже, я как букашка против него. Мужчина словно предугадывает все мои действия. Он блокирует моё колено, а свободную руку резко запускает между моих ног и приподнимает меня над полом. Он словно хочет показать, что я всего лишь хрупкая девчонка, которую он может одной левой уложить. Всё, что мне остаётся, пока он целится моим же пистолетом мне в голову, это молить бога о скором и безболезненном конце...

— А теперь, крошка, ты раздвинешь ножки и обслужишь нас по высшему разряду, — мужчина сжимает мои щеки пальцами, заставляя смотреть ему в глаза. Говорить я не могу, потому что он слишком больно сжимает моё лицо, поэтому я только скулю как щенок, которому наступили на лапку. — А после ты расскажешь, какого хуя ты здесь делала, и кто тебе помог. А потом снова нас порадуешь своими дырочками... И заметь, от этого будет зависеть, насколько быстрой и лёгкой будет твоя смерть.

Блять...

— Нет, — шиплю сквозь стиснутые зубы, когда мужчина отпускает моё лицо. — Я здесь случайно. Не трогайте меня, — понимаю, чушь несую. Но стоит мне признаться, что я пришла их убить — и я тут же подпишу себе смертный приговор.

Мужчина делает шаг в сторону. Кладёт мой пистолет вне зоны моей досягаемости. Свой он оставил в другой комнате на столе. Я в панике поглядываю то на дверь, то на окно... но последний этаж... а там, где-то за дверью, ещё трое... Мужчина резко приближается ко мне, как сильное животное пугает более слабое одним только своим видом. Одной рукой подхватывает меня, перебрасывает через плечо и швыряет на кровать. Да, это гостиничный номер, и весь отель принадлежит этим мужчинам. Так что я сама себя загнала в ловушку. Но у меня и выбора-то не было на самом деле.

Через секунду мужчина наваливается сверху. За рьяное сопротивление получаю пощёчину. Тыльной стороной ладони. С размаха. Чувствую привкус крови во рту. А спустя секунду жгучую боль. Он растёгивает мои штаны. Я снова предпринимаю отчаянную попытку освободиться. И снова получаю удар по лицу. Остаётся только скулить, умолять и повторять, что я здесь случайно. Что это ошибка. А пистолет — исключительно для

самозащиты.

— О вас ходят такие слухи, что надо быть полной идиоткой, чтобы прийти к вам без оружия, — объясняю, оправдываюсь, едва не рыдая. Просто пытаюсь понять, вдруг слезами получится растрогать подонка.

Мои штаны вместе с бельём неумолимо опускаются ниже колен. Ноги обездвижены моими же джинсами. Руки — его прочной ладонью. Кричать нет смысла. Он расстёгивает ширинку и освобождает возбуждённый член. Из кармана вытаскивает конвертик с презервативом и отрывает краешек зубами.

— Это не слухи, крошка, — говорит он, сплюнув оторванный уголок на пол. — Это все чистая правда.

И смеётся. Он доволен. Он радуется, что смог скрутить слабую девушку и теперь может причинить ей боль. Может играть с ней. Может делать всё что угодно. Он отвратителен. Он жесток. Он червь, заслуживающий смерти.

За его действиями я наблюдаю безразлично, хоть где-то в глубине души и испытываю ужас от происходящего. Но не из-за того, что он планирует сделать со мной. Меня убивает понимание, что моя месть вот-вот превратится в мой полный крах. Меня изнасилуют, устроят пытки, получают нужную им информацию, кто я такая и что здесь делаю, а потом просто убьют.

Это полный пиздец...

Глава 1

Прошлое. Около года тому назад

Мой брат засранец. Вот всегда так говорила. А сейчас, узнав, что он связался с людьми, которые барыжат наркотой, я готова его придушить собственными руками! Он на два года старше меня, а такое впечатление, что старшая здесь я. Уже университет должен заканчивать, на последнем курсе учиться, а он то травку курит, то в какие-то мутные дела влезает. И мечтает о том, что когда-нибудь купит собственный остров. Разбогатеет и купит остров. Ага, конечно.

Вот только мой брат Макс никак не может врубиться, что наркотой он себе выстелит дорогу в ад. Или в тюрьму. Или прямо в деревянный макинтош! Дурак!

Нет, он не злой. Макс хороший парень. Но наивный. Доверчивый. Вот знаете, есть такая категория людей, у которых совсем нет собственной воли. Ни мнения, ни воли. Вот так и мой брат. В какую компанию попадёт, так и плывёт по общему течению. Нет у него стержня.

Обежала всех друзей, а Макса так и не нашла. Не знаю, где он шляется последние несколько дней. В общежитии не появлялся. В родительском доме тоже. Родителям, конечно, я ничего не рассказала. Не хочу их лишний раз травмировать. Попробую сама вставить брату мозги на место. Надеюсь, получится. Вот только сначала надо найти засранца.

А спустя несколько дней он появляется сам.

Приходит попросить денег. И на что ему могли понадобиться деньги? Оказывается, его «взяли в дело», а он прогорел. Не продал ничего, спустил всё на ветер. А теперь должен вернуть деньги. А денег нет. Делок хренов. Ох и повезло мне с братцем.

Когда он назвал сумму, у меня глаза на лоб полезли. Мне что, почку продать, чтобы помочь ему??? Или сразу обе. Откуда у меня возьмутся такие деньжищи???

Пожалуй, я слишком люблю своего брата. Любила... Или я тоже была слишком наивной. Потому что я прятала Макса у себя в общежитии. Ну да, понимаю, не самое лучшее место, чтобы скрыться от криминальных авторитетов. Но он говорил, что его так называемые партнёры не знают о сестре, а учимся мы в разных районах, в разных корпусах, хотя и одного учебного заведения. И в придачу я реально пыталась придумать, где найти хотя бы часть денег, чтобы помочь брату.

Тем временем мой брат тупо отсиживался в моей комнате общежития. А я из кожи лезла, чтобы помочь ему. Но что я могу? Я студентка, связей у меня нет. Богатых друзей тоже. Кое-как удалось наскрести копейки, которые я и отдала Максиму в надежде, что хоть на время от моего брата отстанут и перестанут ему угрожать.

Мне было страшно. Я боялась за брата, за себя, за родителей. Я боялась, что эти подонки что-то сделают с Максом, и родители не выдержат такого удара. Я боялась, что сама не выдержу. Вот и делала всё от меня зависящее. Но этого оказалось слишком мало.

Говорят, о мёртвых вспоминают либо хорошее, либо вообще ничего. Пусть Макс меня простит, но хорошего о нём я ничего сказать не могу. Его вины в случившемся не меньше, чем тех четырёх подонков, которым я желаю смерти. Именно Макс привёл их к нам. Именно Макс влез в мутные дела, ставшие катастрофой, изуродовавшей мою жизнь и искалечившей душу. Именно Макса я буду тихо ненавидеть всю свою жизнь, хоть и люблю его. Именно из-за его глупости все началось.

Забрав у меня всё, что я смогла наскрести, брат исчез. Сказал, что одолжит ещё у друзей, знакомых, с миру по нитке, и вернёт долг. Я верила ему. Это же мой брат! Как я могла ему не верить? Несколько дней я его не видела. У нас начались каникулы после сессии, и я вернулась к родителям. Решили отпраздновать успешно сданные экзамены. Утром я приняла душ и сидела с мамой на кухне. Мы болтали о том о сём, когда прозвучал вопрос, которого я больше всего боялась:

— А как там Максим? Как у него дела? Он тоже сегодня приедет?

Я едва не поперхнулась кофе. Хорошо, что мама стояла ко мне спиной и не видела выражения моего лица.

Ну вот почему мои родители спрашивают, как дела у Максима, не у собственного сына, а у меня? Разве это я его должна опекать? Не наоборот? Он ведь старший брат!

— Мам, я не знаю. Почему бы тебе не позвонить и не спросить у него самой?

Мне надоело его прикрывать. Пусть сами разбираются со своим оболтусом.

— Я звонила, — мама оторвалась от нарезки филе и посмотрела на меня с такой тоской, что мне стало стыдно за свои слова, — но он не отвечает на мои звонки, — мама снова повернулась ко мне спиной и продолжила заниматься приготовлением завтрака. Мне показалось, или на её глазах блеснули слезы? Вот только не надо плакать из-за этого засранца!

— Мамуля, — я подошла и обняла её со спины. Мама задрожала под моими объятиями.

Всё же плачет. Ну вот почему у таких хороших родителей вырос такой бестолковый сын? В чем они провинились? Меньше всего мне сейчас хотелось, чтобы мама плакала и переживала. Она не заслуживает такого отношения. Я Максима прибью! Мог бы и навестить родителей, уделить им хоть толику своего драгоценного внимания. Пускай бы соврал, что у него все хорошо, но поберёг бы нервы родителей.

— Не расстраивайся ты так, — говорю маме, отчаянно пытаюсь придумать хоть что-то, чтобы её утешить. — У него просто возраст такой, пойми. Девчонки да развлечения на уме.

Черт, я нагло вру собственной матери о своём брате. Больше ни на что фантазии не хватило. Не скажу же я ей, что он употребляет наркотики, влез в торговлю и нахватался баснословных долгов. Черт!

Но сейчас, когда уже слишком поздно что-то исправить, я думаю, что стоило обо всём рассказать родителям. Сразу рассказать, едва сама узнала. Возможно, так бы я смогла их уберечь.

Мама, как ни странно, после моих слов успокоилась. Мы приготовили всякого вкусенького, пока ждали отца с работы. Вечером все вместе, как примерная семья, сели за стол. Это не был грандиозный праздник, просто несколько моих любимых блюд, и только в семейном кругу. Во время ужина я видела, как нервничал папа. Мама уже успокоилась и держалась молодчиной. А вот папа постоянно вертел в руках телефон. И несколько раз выходил покурить с телефоном в руках. Думаю, он звонил Максусу. Но не дозвонился...

Такая у нас была идеальная семья. Почти идеальная. Потому одной детали в этом пазле катастрофически не хватало — моего брата. Но он всё же пришёл. К моему большому сожалению и отчаянию, преследующему меня до сих пор.

Мы уже наелись до отвала и сели смотреть телевизор. Помню, какой-то сериал показывали, но мы не смотрели, мы болтали, будто как минимум год не виделись. Возможно, выпитая бутылка вина так расслабила и настроила на лёгкую беседу. Я рассказывала всякие приколы из студенческой жизни. Весело было. Последние несколько

часов нам было весело...

И вот открылась дверь.

Не знаю, почему папа не закрыл входную дверь. Обычно он закрывает. Кажется, что всё в тот день пошло не так, как должно было. Все летело кувырком. Все шло под откос.

Ввалился мой братик. Глаза навывкате. Зрачки то сужаются, то расширяются. Он под наркотой. Лицо перекошено. Там смешались страх, эйфория, безумие, в глупой улыбке изогнулись губы.

Моя челюсть отвисла. Как сейчас помню, что в тот момент подумала, что на моем лице написано всё. И что я знаю о его проделках. И что я прикрывала его. И что я верила в его исправление, а он меня подвёл. Больше всего стыдно было перед родителями. Стыдно так, словно это я припёрлась в неадеквате, а не Макс. Будто это я накосячила и опозорила их. Но это была не я! Однако с этим глупым чувством вины мне теперь мириться, пока не сдохну.

— Макс, — пробормотала я неуверенно, глядя на этого придурка.

Родители, будто сговорившись, одновременно обернулись в мою сторону.

— Привет, семья! А что вы тут без меня празднуете? — Макс сделал несколько неуверенных шагов внутрь.

С чего он взял, что мы празднуем? И что ему мешало быть в это время с нами, а не привести смерть с косой за собой на короткой цепи, пустив её в пляс?

— Макс, как ты мог! — воскликнула я, не в состоянии сдержать слёзы, и бросилась в ванную.

Я убежала. Но не потому, что хотела скрыть слезы или умыться лицо. Я банально сбежала. Сбежала от правды, от боли, от проблем. От всего, что на меня давило. И от взгляда родителей. Мне было стыдно смотреть им в глаза. Стыдно, ведь я чувствовала себя соучастницей преступления.

И я до сих пор виню себя в том, что убежала тогда. Лучше бы осталась с ними и поделила их участь. Тогда мне бы не пришлось жить с этим грузом. Мне не пришлось бы лелеять в себе ненависть и учиться направлять её в нужное русло. Я ненавижу этот мир. Я ненавижу злую судьбу, погрузившую меня с головой в дерьмо. Я ненавижу тех четырёх подонков. Иногда я ненавижу Макса. Но прежде всего — ненавижу себя. Я убежала. Убежала тогда, когда моя поддержка была нужна родителям. Убежала тогда, когда должна была быть там, с ними.

Иногда мне кажется, если бы я осталась там, я бы, возможно, смогла что-то изменить. Я бы смогла помочь. Я бы отвлекла беду. Любая мелочь могла изменить ситуацию. Да что угодно. Я до сих пор так думаю.

Но я ничего не сделала. Ничем не помогла. Ничего не изменила.

Потому что меня там не было.

Потому что я сбежала.

Потому что я думала только о себе. О своём эгоизме и чувстве стыда.

Теперь мне остаётся избегать собственного взгляда в зеркале, ведь я не могу посмотреть себе в глаза, и искать мести.

Тогда я видела свою семью в последний раз.

Через несколько минут или секунд, после того как я спряталась в ванной, я услышала шум. Не подозревая, что там происходит, перебрав в голове несколько ленивых вариантов, я выглянула посмотреть, не решил ли папа надавать тумаков Максиму. И застыла.

Моим спасением стала темнота. И шок. Я потеряла дар речи. Я не стала кричать или

визжать. Я превратилась в тень. Слилась с темнотой. А гостиная, где мы с родителями ужинали и смотрели телек, была залита ярким светом.

Их было четверо. Я успела зафиксировать в памяти лицо каждого. Я видела, как один обошёл моих родителей, лежавших в странных позах, словно они внезапно уснули прямо там, на полу. Они лежали, прикасаясь друг к другу. Мама положила голову на плечо отца, а папа прислонился лбом к ней. Я залюбовалась, ведь мой мозг отказывался принимать реальность.

Из шокового состояния меня вывел голос брата:

— Нет, в доме больше никого нет.

Последнее, что я зафиксировала в памяти — это холодный взгляд незнакомца, направившего оружие на Макса. Холодный, равнодушный взгляд... И в то же время полный ярости и ненависти, презрения. Контраст льда и пламени. Контраст боли и выдержки. Это не человек. Это зло во плоти. Меня охватило чувство, будто меня мгновенно погрузили на глубину и лишили возможности дышать. Выбили весь воздух и сжали лёгкие. Были только страх, отчаяние и непонимание происходящего.

Часть мозга понимала, где правда. Часть моего сознания мгновенно поняла ужасную реальность. А другая часть сделала меня слепой. Чтобы защитить меня и не позволить впасть в панику. Начни я паниковать тогда, обрекла бы себя на такую же смерть.

Я часто думаю, что лучше бы я тогда умерла.

Сейчас я понимаю, что Макс меня спас. Он погубил нашу семью. По его вине умерли родители, некуда от правды деться. Но меня он смог спасти. Только со временем я поняла, почему меня никто не искал. Да, некоторые мои вещи были в доме, но я могла в это время гулять с друзьями. Я иногда приходила к родителям, но я не жила с ними. Очевидно, Макс преподнёс всё так, чтобы убийцы решили, что посуда на столе и бокал — его. Они решили, что в доме было трое: мои родители и Макс. Поэтому меня никто и не пытался искать.

Я тихо отступила назад в спасительную тьму. Раздался выстрел, после которого моё сердце пропустило удар и взвыло от боли. Заскулило жалостливо. Я прикрыла рот рукой, запрещая себе издать хотя бы звук. После тихо зашла в комнату родителей. Я вылезла через окно и сбежала. Я бежала долго и далеко, пока у меня оставались силы. Бежала от смерти и правды. Тогда я не была готова принять страшную реальность.

Следующие несколько недель моей жизни выпали из памяти.

Глава 2

Наше время

Мне крышка...

Мужчина по имени Борис, а для меня просто мразь, растягивает одной рукой презерватив по члену, второй удерживая мои руки. Его ноги поверх моих, а на лице хищный оскал.

— Пожалуйста, не надо, — я понимаю, что бесполезно умолять, но... Это правильное поведение. Я должна просить о милосердии.

До сих пор не могу поверить, что мой план оказался настолько провальным. Хотя плана как такового и не было. Последняя фаза — скорее импровизация. Отомстила, называется. Ни одного из них не убила. Но зато принесла им свеженького мяса, чтобы они могли вволю потрахаться, а потом убить меня. Надо было на себя ещё бантик повесить.

— Ты мне ещё спасибо скажешь, что я буду первым. Потом поймёшь, когда придёт очередь Алекса. Будешь выть от его члена, шлюшка. Только не от удовольствия, — донеся «хорошую» новость, Борис расхохотался.

Алекс — это Александр. Да, я знаю каждого из них по имени. Я подготовилась, не получается, что плохо. И подробности о размере его члена меня не обрадовали. Меня и этот заставил втиснуться в кровать и скулить, как щенка. Я точно как собачонка в сравнении с этими четырьмя. Четырьмя сильными, возбуждёнными, агрессивными мужчинами.

Остаётся надеяться только на одно — что я выдержу и найду другой способ убить их. Пускай после. Пускай сейчас я ничего не изменю и не смогу избежать печальной участи. Главное — выжить. Один за другим они заплатят за свои поступки. Особенно...

Владимир?..

Дверь открывается, и на пороге возникает Владимир. Это он целился в моего брата. Это он убил мою семью. Их было четверо, но курок спустил именно он. Он должен заплатить за смерть моей родни собственной жизнью. Око за око. Зуб за зуб. Я должна выжить. Должна выдержать. Чтобы убить его. Убить их всех.

— Слезь с девчонки, — говорит Владимир, а я удивляюсь. Он хочет сам быть первым?

Подонок. Ненавижу его всем своим несчастным, растоптанным и вырванным из груди сердцем.

— Какого чёрта я должен с неё слезать? А что мне с этим делать?! — возмущается Борис, взглядом указывая на свой стояк.

Что с этим делать? Да подавись ты им! Или сам себе отсоси.

Борис с вызовом смотрит на Владимира. С вызовом и ненавистью. Но то, что я вижу в глазах Владимира... это значительно опаснее. Страшнее. Это всеобъемлющая тьма и безапелляционная власть. Он вожак. Он лидер. Не знаю, кто из них главный, но уверена, что с мнением этого мужчины считаются они все. И если Владимир чего-то хочет, он это получает. Не сомневаюсь.

— Потому что ты здесь не один. Нас четверо. И каждый захочет получить свой кусочек сладенького. Но зная тебя, — Владимир хмыкает с явным подтекстом, — не все проститутки удерживают. А эта — явно не шлюха.

— С чего ты взял? — огрызается Борис, продолжая меня держать. Но под стальным взглядом Владимира он отступает. Это я понимаю по следующему вопросу и его уже

расслабленным рукам. Мужчина меня удерживает, но уже не с таким рвением. — Она мне яйца отстрелить пыталась!

— Но не отстрелила же, — улыбается Владимир, будто злорадствуя.

— И что ты предлагаешь? — спрашивает Борис, но всё ещё не отпускает меня. Продолжает держать руками. Давит весом своего тела.

— Мы сыграем в карты, — Владимир вальяжно опирается на дверной косяк и скрещивает руки на груди. Поза хоть и расслабленная, но закрытая. — Ставкой будет она, — мужчина кивает в мою сторону.

Они решили поставить меня на кон? Чтобы определить, кто будет первым?

— А победитель заберёт девку себе, — продолжает Владимир. Снова удивляюсь. Так меня получит кто-то один из них?

— Что значит себе? — возмущается Борис. — А как же?..

— Никак. Проститутку позовёшь, — отрезает Владимир, в мгновение оказывается рядом и стаскивает насильника с меня за шиворот. — Кончай этот балаган. А ты, — бросает на меня ледяной взгляд, — поднимай свою задницу и раздевайся. Посмотрим, стоит ли приз игры.

Что значит раздевайся? Я не буду стоять перед ними голышом!

Борис довольно скалится, увидев мою реакцию. Я быстро натягиваю штаны и забиваюсь в угол. Борис тоже приводит свой пах в надлежащий вид — снимает неиспользованный презерватив и застёгивает ширинку.

Эти мужчины не имеют ни принципов, ни морали. Они делают то, что им заблагорассудится. Они берут то, что хотят. И я — слабая девушка. Дура, которая сама припёрлась в звериное логово. Что я могу противопоставить им?

Владимир хватает меня за шиворот и тащит в другую комнату. Там на меня пялятся ещё две пары голодных глаз. И хотя я пока что одета, чувствую себя совершенно голой среди толпы. Хочется закрыться. Скрыться. Скользкие взгляды блуждают по моему телу, трахают мысленно во все дыры. А я представляю, как отрезаю им яйца...

Владимир силой опускает меня на колени. Я не сопротивляюсь. Это не имеет смысла. Возможно, если вести себя тихо, не провоцировать и не привлекать внимание, мне всё же не придётся унижаться перед ними.

Это не потому, что я стесняюсь своего тела. Я горжусь своей фигурой. Я стройная, хрупкая, кому-то может показаться, что даже слишком. Но мне нравится то, что я вижу в зеркале.

— Иван, раздавай карты. Приз не должен долго ждать. По крайней мере, я долго ждать не могу. Сегодня чешется в одном месте, — Владимир смеётся. Холодно, злобно, разрезая своим смехом тишину, будто острым лезвием.

По выражению лиц мужчин понимаю, что пока Борис там со мной возился, остальные здесь уже обо всём договорились. Бориса просто поставили перед фактом.

Борис обращается ко мне:

— Тебе нужно особое приглашение? — фыркает. — Снимай одежду. Если не хочешь, чтобы мы прямо сейчас устроили тест-драйв, — его губы растягиваются в кривой улыбке, но глаза остаются холодными.

Борис напрягает, но не так сильно, как Владимир. Трудно понять, что происходит в голове этого человека. Борис — примитивный и похотливый, наглый и болтливый. Александр — грубый, жестокий, кровожадный. Иван — молчаливый и непредсказуемый,

причудливый в своих извращённых фантазиях. А вот Владимир — тёмная лошадка. Его невозможно прочесть. Его взгляд не выражает ничего. Абсолютно ничего. Там только тьма и пустота. Словно тело без души в красивой оболочке.

Я поднимаюсь с колен, снимаю блузку, обувь и джинсы. Остаюсь в одном белье. Владимир поднимает брови и недовольно хмыкает, потому что я останавливаюсь, надеюсь, что этого достаточно. Другие только наблюдают, раскинувшись в креслах, расставленных вокруг стола. Даже Борис, к моему удивлению, замолкает.

Владимир поднимается с кресла и подходит ко мне вплотную. Сердце бьётся в безумном ритме. Но это только рефлексы, верно? Мужчина смотрит на меня сверху вниз. Нависает надо мной. Он высокий и крепко сложенный. У меня ноги дрожат, аж коленки подкашиваются. Это только рефлексы, повторяю себе...

Но его взгляд... Есть там нечто похожее на любопытство. И тревогу... И... сочувствие?.. Что он во мне увидел? Я вижу, что он хочет меня, но не так, как другие. В остальных чувствуется спортивный интерес и банальное желание потрахаться. Лёгкая добыча взбудоражила незапланированный аппетит у мужчин. Но Владимир... В его взгляде читается гораздо больше.

Или мне всего лишь показалось?

Показалось. Через секунду взгляд его голубых глаз снова покрывает арктический лёд. А ещё через мгновение я понимаю, что от одного его взгляда, от этой эмоциональной карусели я чувствую... возбуждение. Безумная пульсация внизу живота отдаётся в голове громким звоном. Я морщусь, потому что чувствую отвращение к самой себе. Как меня может возбуждать мужчина, убивший всю мою семью? В моем сердце, в моей голове и в моем теле есть место только для ненависти. А если моё тело хочет сильного мужчину... такого мужчину, как он... значит, моё тело мне враг.

Я прекрасно отдаю себе отчёт, что женщины любят сильных, властных мужчин. Что это примитивные инстинкты, заложенные природой — выбирать сильного, выбирать лидера. Выбирать того, кто станет идеальным кандидатом для продолжения рода. Но не в подобной же ситуации! Я не мужика для зачатия ребёнка пришла сюда искать! Я пришла отомстить, и каждый из этих подонков настоящая тварь, мразь, скрывающаяся за привлекательной обёрткой, прикидывающаяся волком, в то время как в душе они все шакалы.

Я люблю Владимира и подвисяю в собственных мыслях, в безумных сомнениях. А он до сих пор чего-то ждёт от меня. Он не говорит ни слова, но мне хватает одного его взгляда, чтобы понять, что я должна раздеться полностью. И внезапно... в его ледяных глазах я нахожу островок, где я могу укрыться. Стена, за которой я чувствую себя в безопасности. Мне нужно всего лишь представить, что этот человек не убивал мою семью.

Мне нужно представить, что я его вижу впервые. Представить, что Владимир — обычный незнакомец. Обворожительный загадочный незнакомец. А ещё, глядя в его голубую бездну, которую постепенно застилает тьма, я могу представить, что здесь больше никого нет, и я раздеваюсь только для него одного. Только для этого сильного, красивого мужчины, являющегося воплощением всех девичьих фантазий. Только для него я расстёгиваю бюстгалтер и отбрасываю верхнюю часть белья в сторону. Я не отрываю взгляда от его глаз, в которых разгорается... удивление и... лишь на мгновение — снова интерес, потому что потом там снова воцаряется вечная зима. Не прерывая зрительного контакта, спрятавшись за воображаемой стеной, я раздеваюсь полностью.

Я играю. Играю в чертовски опасную игру. Я заигрываю с этим мужчиной. Я заманиваю

его в сети. Я соблазняю его с одной целью — если мы останемся с ним вдвоём, даже если он меня трахнет, мои шансы убить его возрастут в четыре раза. Убить одного значительно легче. А что думает моё тело, реагирующее на Владимира дрожащими пульсациями, меня мало волнует. У меня есть цель, а цена и путь к этой цели не имеют значения. Если мне придётся притвориться похотливой легкодоступной девкой, я это сделаю. Если я должна стать собственностью одного из них, чтобы по очереди их уничтожить, я согласна. Любая цена, лишь бы моя мечта сбылась.

Кажется, зрелище мужчинам пришлось по вкусу, хотя и не очень впечатлило. Спустя мгновение их внимание уже сосредоточено на столе и раздаче карт. Чувствую ли я себя оскорблённой, так быстро утратив интерес мужчин к себе? Нисколько. Эти мужчины трахают отборных проституток. Для них голая девушка с хорошей фигурой — привычное дело. То, что всегда рядом, всегда доступно, всегда есть и будет. Ничего особенного.

Итак, что им нужно? Почему вдруг решили меня разыграть? Пожалуй, продолжение их интересует гораздо больше. То, что можно будет сделать потом. То, что победитель сможет со мной сделать всё что угодно, потому что я вторглась без разрешения на их территорию. Ну и, видимо, делиться неподготовленной к групповому сексу девчонкой им тоже не в кайф. Могу сломаться раньше времени.

Они в предвкушении. И только Владимир бросает на меня странные взгляды. Мне трудно понять, что кроется за его арктикой, но определённый интерес там присутствует. А ещё он смотрит на меня так, словно уже победил. Словно я уже принадлежу ему, стоит всего лишь немного подождать.

Рыбка клюнула?

Как только я чувствую небольшое облегчение и разрешаю себе расслабиться, как бодрый мужской голос заставляет меня снова превратиться в напряжённую струну.

— Чего стоишь? Ты хоть что-то умеешь? — Александр смотрит на меня внимательно. — Если ты думаешь, что всё самое страшное позади, глубоко ошибаешься. Тебе, дуре, хватило ума испортить отдых людям, перед которыми теперь нужно падать на колени и молить, чтобы мы были снисходительными. Поэтому думай, что ты сможешь предложить, чтобы у нас возникло желание оставить тебя в живых. Кроме своего тела, конечно.

Опять эти взгляды, сдирающие с меня кожу. Стою перед ними нагая, а теперь кажется, что они рассматривают мои внутренности. Они хотят напомнить, что меня ждёт? Да я и так помню. Предпочла бы забыть, не думать, но не могу. А хуже всего, что я попаду прямо в лапы одного из моих злейших врагов. Хорошо лишь то, что они не знают, кто я на самом деле. И, надеюсь, никогда не узнают.

— Иван вот любит эротические танцы, — продолжает Александр. Он уже не смотрит на меня. Взглядом сосредоточился на картах. — Любит, чтобы девушка была гибкой, как берёзка. Чтобы в позах причудливых трахать. А Борис любит хороший минет, — взгляд скользит по моим губам. — Подойди, — вдруг приказывает мужчина.

Я взглядом ищу спасения, только где ж его тут искать? На ватных ногах подхожу к Александру.

— Повернись, — раздаётся следующий приказ.

Не дожидаясь моей реакции, Алекс дёргает меня за руку и заставляет повернуться спиной. Я хватаю воздух рывками. Опять эти проклятые рефлексy. Не знаю, каким усилием воли держусь, чтобы не попытаться убежать или не впасть в истерику. Александр по-

хозяйски лапает мои ягодицы. Спиной чувствую, как он самодовольно скалится. Возникает неудержимое желание заскочить в душ, схватить мочалку и отмыть те места, к которым он прикасался.

— Я вот люблю, чтобы задница была упругой, — говорит с усмешкой и хлопает меня по ягодицам.

Непроизвольно вздрагиваю и делаю шаг в сторону. Поворачиваюсь к ним лицом и прикрываю руками срам в надежде, что они от меня отстанут.

— Руки опусти! — рявкает Борис. Я опускаю. Страх заставляет подчиняться.

Я как муравей, считающий, что ему под силу победить слона, кусая его за ногу, когда тот вторгся на его территорию. Я сама спустилась в ад, веруя, что я смогу одолеть этих четырёх великанов. Но что я против них? Я идиотка. Моя ненависть ослепила меня, и я не понимаю, что делаю. Не понимаю, кому перешла дорогу. Ну и чёрт с ним. Умру, но не отступлю.

— А может, всё-таки пустим её по кругу? — Борис скалится, словно предлагает друзьям распить бутылку водки. — Сыграем, чтобы определить очередность.

— Я не против, — отвечает Александр.

— Я тоже, — говорит Иван и даже не смотрит в мою сторону, словно я действительно вещь.

Только Владимир поднимает глаза и вдруг смотрит на меня. А я от этого взгляда словно влетаю на максимальной скорости в бетонную стену.

Хочется увидеть хоть лучик надежды в глазах мужчины, но его там нет. Меня ждёт очередной круг моего собственного изысканного ада.

Прошлое. Несколько месяцев тому назад.

Следующее моё воспоминание после смерти родителей — это больничная палата. Белый потолок и стены давили на меня со всех сторон. А внутри воцарились холод и пустота. Не знаю, как я там оказалась. Не помню. Врачи сказали, что я, потеряв сознание, упала посреди улицы. Кто-то вызвал “скорую”, и меня привезли в больницу. Диагностировали переутомление и истощение.

Один день я пролежала в больнице, пытаюсь привести в порядок мысли, собрать себя в кучу. Но разбитую вазу уже не склеить и не сделать такой, как прежде. Моя душа напоминала творение Франкенштейна — мёртвая и склеенная из неподходящих друг другу кусков. День я потратила на то, чтобы осознать реальность. Ещё один день, чтобы впустить в своё сознание воспоминания. Несколько же предыдущих недель я просто бежала от себя.

Я не смогла вспомнить, где я была и что делала до того момента, пока не оказалась на больничной койке. Говорят, это нормальная реакция на подобные события, защитная реакция на стресс. А у меня был шок. Я потеряла сразу трёх близких людей.

На следующий день меня отпустили домой. Состояние стабилизировалось. Самочувствие было нормальным. По крайней мере, внешне. Я поехала в общежитие. Учитывая обстоятельства, мне разрешили жить в университете несмотря на каникулы.

С того дня внешне я выглядела как нормальный человек. Я ела, пила, разговаривала, ничем не отличалась от других. Если не смотреть мне в глаза. Меня мой взгляд угнетал и пугал, остальные же вообще избегали встречаться со мной взглядом. И я их прекрасно понимаю.

В моих глазах поселилась смерть.

Обычно, когда смотришь в глаза человека, видишь там настроение, эмоции — душу. В моих же глазах была бездна. Она до сих пор там есть, но теперь я научилась её скрывать. И только человек, переживший невыносимое горе, узнает этот взгляд. Только тот, кто сам потерял душу в аду, узнает себе подобного. А остальные — с непониманием и страхом обойдут стороной.

Я стала отшельницей. Мой мозг выполнял только одну функцию: блокировал чувства. Пожалуй, это не лучший способ защититься от боли. Но все это происходило без моего участия, просто само собой. Такое решение приняло моё тело без моего участия и моего разрешения. Я превратилась в подобие человека. Я просто пародировала эмоции, копировала модель поведения в той или иной ситуации, но на самом деле ничего не чувствовала.

Началось обучение. Я ходила на пары. В стенах учебного заведения я общалась ровно столько, сколько этого требовала ситуация. Я никому не позволяла лезть к себе в душу. А эти взгляды, полные жалости и сострадания, вызывали лишь раздражение. Я не обращала на них внимания.

Похоже, люди вокруг чувствовали меня примерно так, как овцы почувствуют в своём стаде волка, пусть даже он будет в овечьей шкуре. Они не поймут, что среди них затесался хищник, но будут чувствовать неладное и избегать его компании. Люди меня избегали, и меня это вполне устраивало. Они понимали, что овца превращается в волка, хотя я сама этого ещё не осознавала. Я превращалась в хищника.

Обучение, общежитие и белый потолок. Я часами лежала и смотрела на потолок своей

комнаты. Мой мозг словно зачихнули в вакуум. Я включала рефлекс при необходимости, и так же при необходимости их выключала. Казалось, все было хорошо. Хорошо, учитывая обстоятельства и то, в кого я превратилась.

Нормальному человеку трудно понять, что происходило в моей душе. Мне самой часто сложно понять, почему я отреагировала именно таким образом. Думаю, обычно люди на потерю реагируют иначе. Да, горе ломает, что-то разбивает внутри, но постепенно человек привыкает, хотя на сердце и появляются рубцы, но снова становится тем, кем был до.

Я не стала. Я не просто потеряла часть себя. Я полностью умерла. Не физически конечно, а морально. Некоторое время я напоминала зомби. И чувствовала себя так же. А потом возродилась.

Переродилась уже другим человеком. Той, кому не место в этом мире. Такой, как и мои обидчики. Потому что только так я могла выжить. Я долго сопротивлялась и пряталась за стеной, которую сама вокруг себя выстроила. А потом я поняла, что пришло время встретиться лицом к лицу со своей болью. Я поехала в отчий дом...

Я долго стояла перед входом и рассматривала дом, в котором родилась и выросла. Я ничего не чувствовала. Словно это просто дом. Дом, с которым меня ничего не связывает. Но... стоило переступить порог — и воспоминания лавиной хлынули на меня.

Здесь мы с родителями сидели по вечерам и общались обо всём и ни о чем. А здесь я с восторгом и сумасшедшими от счастья глазами рассказывала о первой любви, а потом плакала на плече мамы от разочарования. А она меня успокаивала с нежной улыбкой и пила травяным чаем.

Я выглянула в окно своей комнаты. Вспомнила, как я играла во дворе, залезла на дерево, а потом не могла слезть и плакала. Испугалась. А папа принёс мне лестницу, потом взял на руки и отнёс в дом. Я тогда была такая маленькая, а папа такой большой и сильный. Мой герой. И никто никогда не сможет мне заменить надёжного папиного плеча и любящего мамино сердца.

Столько воспоминаний, радостных и грустных. Но они все мои, родные. И ничего уже не вернуть. Их не вернуть. Ни папу, ни маму, ни бестолкового брата. Они ушли навсегда. Умерли насильственной смертью. И в этом вина четырёх мужчин. Их лица навсегда врезались в мою память. Я ни одного из них не смогу забыть. Никогда. И никогда не прощу.

Я безвольной куклой упала на колени посреди родительской комнаты. Судорожно вздрагивая, я плакала. Хотя не проронила и слезинки. Я уже не могла плакать настоящему. Разучилась. Только выла, как раненый зверь. Я встретилась со своей болью. Приняла её и пропустила через себя. И почувствовала ещё большую пустоту. Сердце сжималось. В груди давил шипастый клубок, мешая свободно дышать.

Я чувствовала себя опустошённой и потерянной. Я не знала, как мне жить дальше. Как выжить? Зачем жить? Зачем мне жизнь, если сердце вырвали, разодрали в лохмотья, а потом зачихнули обратно? Я словно сломанная кукла. Изуродованная и никому не нужная.

У меня отобрали всё, что было дорогим моему сердцу. И в то время, пока я страдаю, не могу собрать себя воедино, убийцы живут дальше. И не просто живут — они наслаждаются жизнью. Я представляю, как те четверо смеются, и с глубокой ненавистью осознаю, что больше никогда не увижу улыбку моих родителей и брата. Думаю, что в то время, когда те отбросы лежат в тёплых кроватях, мои родные лежат в сырой земле. Они не одеялами укрыты и не видят снов. Их поедают черви, копошатся в их телах.

Пустые глазницы смотрели на меня с болью и требовали возмездия...

Тогда мне показалось, что я начинаю сходить с ума. Я видела полусгнившие тела родных словно наяву. Я слышала их охрипшие голоса, требовавшие справедливости, умолявшие о мести. Я понимаю, что это был плод моего воображения. Понимаю, что это бред, порождённый болью. Но тот момент стал для меня переломным. Во мне что-то изменилось. Сломалось окончательно. И ниточка, на которой я держалась — оборвалась. Я переродилась. Трансформировалась. Превратилась из человека в тень, цель которой простая — восстановить справедливость.

Я поняла, что мне есть ради чего жить. Я не хотела, чтобы подонков посадили за решётку. Возможно, это было бы правильно, но я догадывалась, что те, кто приходит в чужой дом и стреляет в людей в упор — они вне закона. Их не посадят. Иначе полиция уже бы нашла их и наказала.

Поэтому я решила, что должна найти способ расправиться с мерзавцами самостоятельно. Они должны заплатить за свои грехи. Око за око... А за смерть троих людей они должны заплатить собственными жизнями.

В тот момент я ещё не знала, кто они и где их искать. Но я знала, что я это обязательно выясню. У меня вся жизнь впереди. Я узнаю, чем они дышат и где их слабые места. Я узнаю о них всё, чтобы нанести ответный удар. Мне есть ради чего жить. Мне есть куда идти. Я убью их всех. Понятия не имею, как и когда, но я сделаю это. Не успокоюсь, пока они все не захлебнутся собственной кровью.

Я стану смертью.

Я стану палачом.

Я буду злым роком.

Я буду той, кто восстановит справедливость.

Потому что мне нечего терять.

Я сделаю это, пусть даже ценой собственной жизни.

Наше время

Владимир поднимает взгляд и смотрит на меня. Хочется увидеть там хоть что-то хорошее, но мои ожидания разбиваются о лёд равнодушия. Он только открывает рот, чтобы что-то сказать, а потом, словно передумав, поворачивается к остальным. Они ждут его решения.

Владимир откидывается в кресле. Одну руку опускает вниз, второй продолжая держать скрытые от других карты. Слегка улыбается. Надменно. Во взгляде жестокость, которая режет острее ножа. Вижу едва заметное движение под столом. Вижу только по той причине, что я стою. Остальные не обращают внимания, потому что стол закрывает им обзор. И Владимир в это время смотрит на собеседников, ничем не выдавая себя.

— Предлагаю вскрыть карты, — говорит Владимир, удивляя остальных мужчин.

— Но ты не ответил! — психует Борис. Глаза нервно бегают в поисках поддержки.

— Потому что я знаю причину, по которой вы все вдруг решили поделиться, — акцентирует внимание на последнем слове Владимир, изогнув губы в кривой ухмылке. Он бросает карты на стол, раскрывая их. — Потому что вы проиграли. Или я ошибаюсь?

Я обращаю внимание, что его вторая рука до сих пор под столом. И я начинаю понимать, что сейчас будет. Моё тело реагирует по-своему. Я делаю шаг назад, привлекая внимание внезапным движением всех, кроме Владимира. А Владимир тем временем улыбается так, словно именно этого и ожидал. Он словно заранее знал, что я так сделаю, и знал, как на этоотреагируют другие. Его рука спустя мгновение уже над столом. А в руке оружие, нацеленное на Бориса.

— А я делиться не планирую, — говорит Владимир. В его голосе стальная решимость. — Одевайся, — приказывает мне и встаёт, мгновенно ограждая меня от остальных мужчин.

Я стою растерянная. Я не хочу оказаться в его власти. Но ещё больше не хочу, чтобы мной воспользовались они все. Я надеялась, что попаду к одному из них и получу возможность его убить. Но что это будет именно Владимир... Что самый худший и самый опасный, самый непредсказуемый из этих четырёх так нагло заявит на меня права... Это неожиданно. И это не вызывает особой радости.

— Ты совсем спятил? — Борис удивлён. Вижу, что он нервничает. И понимаю, что он осознает своё поражение и против Владимира один не пойдёт.

— Он прав, Боря, — говорит Иван. — Мы проиграли. Нужно уметь с честью признавать своё поражение.

Александр молча кивает. Карты действительно проигрышные. Мне не надо разбираться в их игре, чтобы догадаться. Борис хотел схитрить, но не смог. И остальные его не поддержали.

— Убери оружие, — говорит Иван, глядя на Владимира. — Девушка твоя. Ты выиграл, — переводит взгляд на Бориса. — Да, Боря? — давит, чтобы уладить конфликт. Борис кивает в знак согласия, и Владимир прячет оружие.

Что бы ни происходило дальше, я не должна больше перед ними стоять в чём мать родила и унижаться. Я хватаю свою одежду и быстро одеваюсь. Все молчат, наблюдая за моими действиями. Мне снова неловко, словно мне душу вывернули наизнанку и

рассматривают, что там внутри, пристальным взглядом. Владимир направляется к выходу, кивая, чтобы я шла за ним. И я вынуждена идти, ведь бежать мне некуда.

— Вов, — обращается к моему «владельцу» Александр, бросая на меня раздраженный взгляд, — проблема исчерпана. Ситуацию решили, девушка остаётся тебе. Зачем куда-то идти? Мы же отдохнуть собирались, о делах поговорить...

Владимир замирает на мгновение. Губы напряжённо поджаты. По какой-то причине он не хочет оставаться, я это чувствую. Мечтает поскорее разобраться со мной?

— Мы уже всё решили и обсудили, — заявляет Владимир. — А я должен допросить девушку и выяснить, откуда она взялась.

— Помочь? — скалится Борис.

— Нет, — грубо отрезает Владимир, хватая меня за локоть и тащит к выходу.

Я сопротивляюсь. Инстинкты диктуют сопротивляться, бороться изо всех сил. Но куда мне с ним тягаться? Владимир перебрасывает меня через плечо и несёт к выходу. Вижу наглые рожи остальных мужчин. Они знают, что будет дальше. И я понимаю, что будет дальше. И хотя мне на самом деле почти наплевать, что со мной будут делать, но я должна имитировать страх. Главное, что я останусь с ним один на один. Я буду выжидать, терпеть, чтобы воспользоваться благоприятным моментом и убить одного из них. Самого важного. Моего наиглавнейшего врага. Возможно, мой провальный план не такой уж и провальный на самом деле?

Я колочу мужчину руками по спине и требую, чтобы он меня отпустил. Он только смеётся. Смеётся надо мной и моими слабыми попытками. Что ж, пускай смеётся. Посмотрим, кто будет смеяться последним. Посмотрим, кто здесь кот, а кто мышка. Этот мужчина физически притягателен, он вызывает дрожь в моем теле, так что сделать вид, что все идёт согласно его плану, будет несложно. Главное — чётко помнить, ради чего я здесь.

Пока Владимир несёт меня к автомобилю, в моей голове успевает созреть новый план. Сначала я буду сопротивляться: вполне логично в моём положении изображать испуганную недотрогу. Затем немного покорности, якобы из-за того же страха, если он будет давить на меня. И в конце концов притворюсь, что смирилась, и он мне даже симпатичен. А когда мужчина потеряет бдительность — я его убью.

Неплохой план, правда?

Конечно, если он не планирует убить меня раньше. Но я сделаю всё, чтобы соблазнить его. Может показаться, что сейчас, сопротивляясь и вырываясь, я делаю совершенно противоположное, но это не так. Мужчины не любят, когда добыча слишком лёгкая. Во всяком случае, такие мужчины, как Владимир. Он должен приручить, подчинить, может, даже сломить меня — именно тогда трофей станет для него ценным. Я — стану его ценным трофеем, чтобы найти его слабое место.

Владимир опускает меня в автомобиль. Точнее, заталкивает, потому что я продолжаю сопротивляться. За рулём водитель, а Владимир садится рядом со мной. Я упираюсь и отбиваюсь ногами, сопротивляюсь, словно фурия. Я играю свою роль, а он, видимо, свою. Мужчина перехватывает мои ноги и рывком подтягивает к себе. Не понимаю, как у него получается, но в результате борьбы я внезапно оказываюсь у него на коленях. Мужчина обхватывает меня поверх моих рук и прижимает к себе, прекращая все попытки сопротивления.

— Успокойся, — тихо говорит Владимир. Его дыхание на моей шее мгновенно разгоняет мурашки по всему телу.

Он не угрожает. Напротив, он пытается меня успокоить, и я теряюсь. Я ждала чего угодно. Я была готова к тому, что он меня ударит, будет угрожать, запугивать, но только не успокаивать... Не шептать мягко, словно я маленькое испуганное дитя, которому приснился кошмар.

Я застываю в растерянности. Его хватка тут же превращается в нежные объятия. Он ведёт рукой по моим волосам и шепчет возле моего лица:

— Не бойся. Я не сделаю тебе ничего плохого. Просто веди себя тихо.

Его слова действуют как гипноз. Я действительно успокаиваюсь, сидя на его коленях, в его объятиях. А потом засыпаю. То ли нервное напряжение и усталость сыграли свою роль, то ли этот мужчина на меня так влияет...

Просыпаюсь, когда он на руках выносит меня из машины. Просыпаюсь с жутким осознанием, что я уснула в объятиях врага. Совсем спятила?! Как можно было настолько расслабиться? Этот человек убил мою семью! Он преступник. Жестокая тварь без морали и принципов. Он монстр.

Притворяюсь, что до сих пор сплю, пока он несёт меня к многоэтажке в элитном районе. Мы поднимаемся в лифте. Он даже умудряется открыть дверь в квартиру, не выпуская меня из рук. Владимир заносит меня в комнату и бережно опускает на кровать. Он укрывает меня одеялом и оставляет одну.

Как только дверь закрывается, я поднимаюсь. Я не отдыхать сюда пришла. Нужно исследовать логово зверя. Выглядываю в окно — высоко, этаж десятый. Осторожно приоткрываю дверь. Слышу вдалеке разговор. Очевидно, Владимир разговаривает по телефону, потому что слышен только его голос. Подкрадываюсь немного ближе, но слышу только обрывки разговора...

— Я выясню... Да... Я найду способ... Расскажет, не сомневайся. Когда я буду заживо сдирать кожу, всё расскажет...

Слушать дальше не вижу необходимости. Я и так поняла, о чём идёт речь. Владимир с кем-то разговаривал. С кем-то, кто стоит над ним. И делился своими планами. Как он будет допрашивать, пытаться...

Значит, он просто меня обманывал и пытался усыпить бдительность? Хорошая попытка, только тщетная.

Конечно, они попытаются узнать, какого чёрта я к ним припёрлась, как прошла охрану, да ещё и с оружием, как прикинулась сотрудницей отеля и чего от них хотела. Честно — я не готова к этому разговору. Поэтому тихо возвращаюсь в комнату и ложусь в постель, чтобы Владимир не догадался, что я его подслушивала.

Через несколько минут дверь открывается, и я слышу шаги в мою сторону. Я не реагирую. Дышу медленно и ровно, словно сплю. Несколько секунд тишины. После шаги отдаляются к выходу. Дверь закрывается. И в этот момент я делаю самую глупую ошибку, на какую только была способна в этой ситуации: я оборачиваюсь, будучи уверенной, что Владимир вышел из комнаты. А он стоит у входа и смотрит прямо на меня. Он меня обманул и поймал с поличным.

Ледяной взгляд, режущий меня острым лезвием по живому. Смотрю в эту голубую пустоту, мгновенно темнеющую, поглощающую меня. Владимир делает шаг в мою сторону. Ещё один. И ещё, пока не оказывается надо мной. Ей-богу, как хищник. А я словно мышка, попавшая в его ловушку. И хотя я не очень боюсь и реагирую на него довольно-таки странно — я всё равно чувствую себя жертвой. Передо мной убийца. Человек без моральных

принципов. А я лежу и смотрю неотрывно в его жестокие глаза.

Но Владимир снова меня удивляет, путает все карты. Я жду разговора, жду агрессии, ожидаю допроса, издевательств и насилия... Но он делает глубокий вдох, задерживает дыхание на пару секунд, выдыхает и уходит. То есть? Он просто уйдёт? И ничего не будет? Я чувствую какое-то странное разочарование. Он ведь говорил о допросе и пытках... Или это у него такой изощрённый способ давить на психику?

И правда, чем не отличный способ сломать человека? Я жду боли, допросов, моё тело находится в напряжении, а мозг взрывается от ужасных мыслей, готовясь к худшему. Но ожидаемая стрессовая ситуация откладывается и откладывается. Поэтому я постоянно нахожусь в напряжении, не могу расслабиться и, наконец, в скором времени дойду до того состояния, когда сама прибегу к нему и всё расскажу, только бы прекратить это жуткое ожидание. На это он рассчитывает? Что я не выдержу напряжения? Сломлюсь, а он палец с палец не ударит? Психологическое давление?

И несмотря на мои атрофированные рефлексy, фокус Владимира работает. Я не могу уснуть, в любую секунду жду, что дверь откроется, и он вернётся, и совершит задуманное. Тело, несмотря на усталость, наготове. Мозг подаёт сигналы оставаться бодрой. Всю ночь я нахожусь в полудрёме, подсакивая от малейшего шороха. Каждый раз подрываясь в панике, осознаю, что я до сих пор в комнате одна, и не могу понять, это игры уставшего разума или я действительно слышала за дверью шаги?

И только под утро я сдаюсь и засыпаю от морального истощения.

А потом просыпаюсь и вижу Владимира возле кровати. Тело сжимается от испуга. Я откатываюсь к стене и жду наихудшего. Мой враг стоит надо мной в темноте, что-то держа в руках...

Прошлое. Несколько месяцев назад.

У меня появилась цель. Хотя тогда это была скорее навязчивая идея: заставить убийц заплатить за свой поступок. Навязчивая мысль, которая не давала мне покоя.

Сначала меня преследовали кошмары. Казалось, они в любой момент могут прийти и за мной. Я боялась, что они найдут и убьют меня. Но постепенно страх рассеивался. Он уступал место равнодушию и тому состоянию, о котором я уже упоминала — полной апатии. А потом в моём сердце пустила корни ненависть.

Совсем скоро ненависть вытеснила всё. Я ненавидела тех мужчин и думала, как им отомстить. Но кто я? Обычная девчонка. Как мне с ними справиться?

И кто они на самом деле?..

Я начала с того, что решила выяснить, кто эти четверо. Информацию собрать было несложно. Я не знала о них раньше только по одной причине — не интересовалась, кто управляет нашим городом. И как оказалось, об этой четвёрке знают практически все.

Иван, Александр, Владимир и Борис. Эти мужчины руководят легальным и нелегальным бизнесом в нашем городе. Они словно местные боги, без ведома которых ничего важного не происходит. Под ними мэрия, полиция, игорный бизнес и даже церковь. Абсолютно всё принадлежит им, включая человеческие жизни.

Мой братец, бедняга, умудрился встрянуть в наркоторговлю, не понимая, насколько это опасно. И вдобавок профукал все, влез в долги, а такие люди долгов не прощают. И ещё, как мне потом удалось выяснить, те деньги, что я ему дала... Брат их тоже просрал, вместо того чтобы хотя бы частично погасить долг.

За такую наглость на голову Макса посыпались угрозы. Пригрозили убить родителей, если он не вернёт деньги. Дали срок. А он до последнего думал (не знаю, каким именно местом он думал), что всё уладится само собой. Но не уладилось. Они воплотили свои угрозы в реальность. Такие люди слов на ветер не бросают. Они убили всех. Вот только почему меня не тронули, я до сих пор не понимаю. Возможно, решили, что нет смысла. Возможно, они попросту не знали обо мне. Вот только как они могли обо мне не знать, если им известно всё?.. Не особо вникая в суть моего спасения, я приняла твёрдое решение воплотить свой замысел в жизнь.

Я подбиралась к ним постепенно, издалека. Пыталась выяснить, есть ли у них слабые места. Оказалось — всё просто. Как и все избалованные властью мужчины, они любят деньги, секс и развлечения. Ни то, ни другое я им предложить не могу. Но я узнала, где они проводят время — в их же отеле. Там всё организовано таким образом, чтобы «короли» этого города чувствовали себя комфортно и могли снять напряжение.

В своём отеле они проводили достаточно времени, чтобы стать лёгкими мишенями. Но так казалось только на первый взгляд, потому что попасть туда было не так уж просто. Вооружённая до зубов охрана проверяла всех и каждого. Четвёрка лично подтверждала, кого впускать, а кого нет.

Обслуживающий персонал там работал годами. Почти никаких замен, никаких новых лиц. Только проверенные люди.

Спросите, а как же «гостиница»? А никак, просто название такое. В отеле комнаты предоставлялись их партнёрам, друзьям и другим приближенным. Сами они, видимо,

использовали номера для уединения. Там жили некоторые их сотрудники, отдыхала охрана.

Короче говоря, я прокручивала в голове миллион вариантов в поисках подходящего, чтобы по-тихому к ним подобраться. К тому же, желательно, с оружием. Прикинуться проституткой — потому что это единственный контингент, который менялся время от времени — я бы не решилась. Я не проститутка. Я не смогу притвориться девушкой лёгкого поведения. Меня сразу разоблачат. Да ещё и оружие непонятно куда прятать. Не во влагалище же, извините, мне запихнуть пистолет?

Кстати, с приобретением «подружки» проблем не возникло. Пистолет я купила. Несколько раз сходила на полигон, чтобы потренироваться. Получалось очень хорошо. Цель стимулировала меня, а хладнокровие добавляло уверенности и твёрдости руке.

Я часто наблюдала за отелем. Напротив здания находилась кофейня — прекрасное место, тихое, с хорошим обзором на дорогу перед «базой» четвёрки. А по вечерам и по ночам, когда кафе закрывалось, моим прикрытием становилась тьма.

Я изучила их график. Почти каждый вечер около девяти они возвращались в гостиницу. Иногда ночью уезжали, а потом возвращались. Бывало, что все вместе, а иногда не в полном составе. Каждые выходные устраивали «вечеринки» с проститутками и полным комплектом своих извращённых развлечений. Я только наблюдала, как подъезжали машины с «товаром». Но люди постоянно были одни и те же.

Как мне попасть внутрь?

Вероятность поймать четвёрку в другом месте я не рассматривала. Возможно, так было бы лучше. Но они постоянно при оружии. Постоянно начеку. Мой единственный шанс — это выходные, когда мужчины расслабленные, подвыпившие и не ожидают подставы. Иными словами, все пути ведут к гостинице, поскольку выходные они проводят там.

В конце концов, судьба мне улыбнулась. Обстоятельства сложились наилучшим образом. Но, конечно, не обошлось без моей подготовительной работы и без активного содействия этим «обстоятельствам». Я якобы случайно познакомилась с девушкой, работавшей доставщицей пиццы. Да, даже в этом они не изменяли традициям. Доставкой занимался один-единственный человек.

Я выбрала именно её, Машу, потому что мы с ней внешне были немного похожи. Это мой шанс. Реальный шанс попасть внутрь. Несколько недель я потратила на то, чтобы подружиться с Машей и втереться в её доверие. Когда основная работа была выполнена, оставалось только спровоцировать ситуацию, где я смогу её подменить. Или просто дожидаться такой возможности.

И я дождалась.

... За несколько часов до...

Пятница. Вечер. Машу вызывают, а она узнает, что её парень... изменяет ей с другой. Именно сейчас он на свидании, и именно сейчас у неё есть минимум времени, чтобы поймать парня с поличным и отбить ему причинное место, а девке вырвать патлы.

Хорошо, что её парень оказался кобелём. А я — хорошей подругой, которая «случайно» увидела его с другой и сразу же сообщила Маше. Долго же я его пасла. И догадайтесь, о чём Маша меня попросила? Бинго! Она попросила подменить её на вызове.

Рисковая девушка. Она прекрасно знает условия работы. Сама мне говорила. Но, к моему счастью, всё сложилось так, как я и ожидала. Маша подумала не головой, а тем, что между ног. А ещё она тоже заметила, что мы похожи, и подумала, что на разносчицу пиццы всё равно никто не обратит внимания. В случае чего можно сказать, что я её сестра.

Конечно, я согласилась. Как же я могу не помочь подруге? Я оделась в её стиле, постаралась стать максимально похожей на Машу. Набросила лёгкую куртку, чтобы спрятать пистолет за поясом, и поехала в пиццерию. Мне быстро выдали заказ — четыре пиццы. Я села в такси и поехала в гостиницу. Но между пиццерией и такси сделала ещё кое-что очень важное. А после оставалось только держать пальцы скрещёнными, чтобы меня пропустили. Правда на моей стороне. Всё должно получиться.

На входе в отель я встретилась с живой стеной. Охранник внимательно меня осмотрел. Жаль, что он не дурак, как часто показывают в фильмах. Верзила, ещё и умный. Выставил руку вперёд, останавливая меня.

— Где Маша? — спросил.

И с чего Маша взяла, что никто не заметит подмены?

— Маша... У неё горе случилось, — я сделала максимально несчастное лицо. — У неё парень в аварию попал. Я вместо неё. Я её сестра. Двоюродная, — добавила, когда у охранника брови подскочили в удивлении. Он наверняка знает, что родной сестры у Маши нет. Бляха муха, а вдруг он знает, что и двоюродной и в помине нету...

Охранник потянулся к телефону. Перехватив лёгкие коробки с пиццей поудобней, я максимально осторожным движением остановила его руку так, чтобы было понятно, что я не несу угрозы.

— Извини, я не с той стороны зашла, — пошла я в ва-банк и решила сказать правду. Не всю, конечно. — У Маши действительно горе. Её парень трахает другую девку. Маше пришлось сорваться, потому что её хахаль похаживает к любовнице именно тогда, когда Маша приезжает сюда. Поэтому она и попросила меня подменить её, чтобы поймать своего кобеля с поличным. Я понимаю, что ты тоже мужчина и, возможно, считаешь, что такое поведение — норма. Но блин, Машку реально жалко. Она его любит, а этот козел её крутит на деньги, ещё и рога наставляет.

Охранник изучил меня внимательным взглядом, словно мысли сканировал. Спустя несколько секунд его напряжённые плечи расслабились, а выражение лица на удивление стало мягче.

— Терпеть не могу предателей, неважно, речь идёт о работе, друзьях или женщинах, — отвечает охранник, чем приятно меня удивляет. — Но я все равно должен сообщить наверх и проверить тебя.

Что ж, главное, чтобы он не стал проверять пиццу... И чтобы четвёрка достаточно проголодалась, чтобы меня впустить.

Охранник взял телефон и коротко сообщил, что пиццу принесла девушка на подмене. На той стороне ему что-то ответили, но что именно — я не слышала. Взгляд мужчины был спокойный. Никаких эмоций. Кажется, все хорошо.

— Поставь коробки, — приказал он и кивнул на столик у стены. Я выполнила приказ.

Мужчина приказал мне поднять вверх руки и расставить ноги на ширине плеч. Пока он тщательно меня ощупывал, я стояла и не рыпалась. Это всего лишь его работа. Охранник посмотрел на стол. Сделал шаг в сторону коробок с пиццей. Моё сердце пропустило один удар. Я пыталась дышать ровно, чтобы не выдать себя. Если он проверит коробки...

Охранник, словно играя на моих нервах, словно у него рентгеновское зрение, смотрел на коробки с пиццей. А затем он поднял крышку верхней...

Наше время

Просыпаюсь и вижу, как надо мной в полумраке нависает тень. Я понимаю, что это Владимир, узнаю его силуэт. А ещё вижу, что он что-то держит в руках, и это что-то сверкает в лунном свете. Он пришёл убить меня? Или допросить?

Я забиваюсь в угол и испуганно шепчу:

— Не надо...

Я не вижу выражения его лица. Не могу понять его намерений. От этого инстинкты работают на полную, заставляя в панике искать спасения.

— Не бойся, — говорит мужчина, а у меня от его спокойного голоса мурашки по коже.

Он приближается. Становится коленями на кровать и приближается ко мне. Мне больше некуда отступить. За мной стена, а передо мной — Владимир. И тьма меня не спасёт. Ничто уже не спасёт.

— Просто расскажи мне, кто ты и зачем пришла в гостиницу, — так же спокойно говорит он практически шёпотом.

— Я случайно. Я не хотела, — знаю, что чушь несу. Но на большее сейчас фантазии не хватает.

— Что именно ты не хотела? — спрашивает Владимир и обманчиво спокойным движением оттягивает одеяло, которое я наивно прижала к себе, полагая, что оно меня может защитить.

— Ничего не хотела, — мой голос тоже превращается в шёпот. Что он собирается делать?

— Ладно. Тогда поговорим иначе, — стальные нотки в его голосе срабатывают сигналом тревоги в моей голове.

Я подсакиваю и делаю попытку сбежать. Мужчина хватается меня за ногу и рывком тянет к себе. Я оказываюсь под ним. Владимир сжимает мои руки над головой, и теперь я понимаю, что он держал в руках — наручники. Понимаю, потому что в мгновение ока мои руки оказываются ими скованы. Моё сопротивление сводится на нет.

Он нависает надо мной — слишком близко, слишком интимно. И я должна испытывать страх, но вместо этого волна возбуждения охватывает моё тело, заставляя взволнованно дышать, заглядывая в глаза мужчины в надежде, что он меня помилует и подарит мне удовольствие, а не боль.

Тихий стон вырывается из моей груди. Я сопротивляюсь, слегка выкручивая ноги, но не потому, что хочу вырваться, а просто для видимости. Добыча не должна быть лёгкой. Мужчина должен получить шанс побороться, чтобы вознаграждение было приятнее и ценнее. Моя задача — соблазнить, чтобы выжить... и убить...

Он правильно понимает моё «сопротивление». Медленно накрывает меня своим мускулистым телом. Прижимается, коленом раздвигая мои ноги. Чувствую, насколько он возбуждён. Каменный стояк упирается мне в живот. Его пламя вызывает во мне естественное желание... Я вздыхаю, но все же пытаюсь оттолкнуть мужчину ногами. Выдаю неразборчивые звуки, то ли скулю, то ли стону. А потом не выдерживаю и обхватываю его ногами, привлекая к себе, а не от себя, как планировалось.

Я сдаюсь и вижу удивление на его лице. Он приближается к моим губам, но не целует, а

словно ворует мои вздохи. Отворачиваю голову в сторону, прячу лицо и губы, вместо этого подставляя самое уязвимое место — шею. Вены пульсируют, кожа пылает, когда его губы накрывают мою ключицу.

Владимир сначала едва ощутимо касается моей кожи. Я схожу с ума от этих прикосновений. Выгибаюсь навстречу. Хочу большего. И планирую позволить своему телу получить желаемое. Я выкручиваю руки, не знаю, возможно, он думает, что я сопротивляюсь, но меня выкручивает от желания. Я хочу его. Я ненавижу его, но моё тело стремится познать этого мужчину: кожей, плотью, на себе, в себе... Хочу познать его страсть в полной мере.

— Ты оттягиваешь неизбежное? — шепчет мужчина мне в ухо голосом, полным порока и желания. Он перебрасывает мои скованные наручниками руки через свою голову.

— А если и так? — вздыхаю в ответ и обнимаю его. Мне мало. Наручники мешают, поэтому плотнее прижимаюсь, обнимая его крепче ногами. Буквально вжимаюсь в него, понимая, что одежда между нами — раздражает меня.

Я не думаю о том, кто он на самом деле. Я запрещаю себе вспоминать, что он сделал. Я кладу все свои мысли и заботы в коробочку и забрасываю её в самый дальний угол своего сознания. Я выпускаю на волю похоть.

Владимир зависает на несколько секунд. Он словно изучает меня. Словно взвешивает, какое решение ему принять. Да ну, он ещё и думает? Железная выдержка, ведь я извиваюсь под ним, как нимфа, приглашая испробовать райского наслаждения. Я подарю ему кусочек яблока, которое в конце концов станет для него ядом.

— К черту, — выдыхает Владимир.

Сработало. Рыбка полностью проглотила наживку.

Мужчина легонько кусает меня за шею, а потом втягивает кожу губами, оставляя сладкий засос. Мурлычу под ним. Верхняя одежда оказывается на моих руках. Владимир без разбора просто задирает всё вместе вверх. Запускает руку мне под спину и ловким движением расстёгивает лифчик. Его тоже поднимает вверх. Он не планирует снимать с меня наручники, увы...

Он не мешкает. Владимир расстёгивает мои штаны и снимает: медленно, смакуя каждый новый открытый сантиметр моего тела. Я не мешаю, позволяя ему полностью руководить процессом. Он оставляет меня в одних трусиках. Наклоняется к животу и целует чувствительную кожу. Приятно и щекотно одновременно. Невольно вздрагиваю и пытаюсь отодвинуться. Он не отпускает. Стягивает моё бельё вниз.

Я лежу перед ним обнажённая. Темнота даёт волю фантазии. Но он не спешит раздеваться. Прикасается к моей груди, изучает, исследует, нежно ласкает. Втягивает сосок, так резко и глубоко, что я выгибаюсь струной. Я уже не я — от меня остаются примитивные инстинкты. Хочу его...

Владимир расстёгивает свои брюки и приспускает их вместе с бельём. Он и не собирается раздеваться? Это фетиш такой, что ли?

Член мужчины в полной боевой готовности. Владимир достаёт что-то из кармана. По характерному шороху понимаю, что это презерватив. Хорошо. Не хотела бы я с мужчиной, через которого неизвестно сколько и каких женщин прошло, заниматься незащищённым сексом.

Он растягивает резинку по члену. Наклоняется слегка и закидывает мои ноги себе на плечи. Рисует языком влажную дорожку на моих бёдрах. Останавливается между моих ног. Я

жадно хватаю воздух в предвкушении, выгибаюсь навстречу ему, когда он прикасается к моим лепесткам, раскрывает их языком и находит клитор. Он нежно ведёт между чувствительными складочками и проникает языком внутрь.

Владимир словно дегустирует меня. Доставляет неземное удовольствие и пытается одновременно. Я хочу большего. Я хочу почувствовать его внутри себя.

— Не издевайся, — шепчу с мольбой.

Он ещё раз проводит там языком, втягивает клитор и с громким звуком отрывается от киски. Поднимается выше вместе с моими ногами на его плечах. В таком положении я ещё не занималась сексом. Но моя природная гибкость позволяет легко подстроиться.

Его лицо оказывается напротив моего. Он смотрит сосредоточенно, впитывает мою реакцию, наслаждается моим возбуждением. Членом скользит между моих ног, прокладывая себе дорогу. Моё влажное нутро отзывается полной готовностью. Я подаюсь навстречу и помогаю мужчине достичь цели.

Найдя моё готовое к проникновению отверстие, его член врывается внутрь под мой громкий стон. Я не сдерживаюсь. Моё тело кайфует. Женщина во мне кайфует, ведь этот мужчина невероятный. Невероятный, если не думать, кто он на самом деле. А я и не думаю. Я просто отдаюсь инстинктам.

Я практически сложена пополам, и от этого ощущения значительно обостряются. Он проникает глубже, сильнее, отчего у меня словно искры из глаз летят. Он вгоняет член с таким рвением, словно хочет выбить им из меня правду. Будто хочет наказать таким образом. Или поставить клеймо принадлежности. Ему тесно внутри меня, я это чувствую, потому что моё тело едва выдерживает нагрузку. Я стону, а удовольствие смешивается с болью, многократно усиливая ощущения. Он большой, но после нескольких напористых рывков моё изголодавшееся по мужскому вниманию тело постепенно привыкает, и я уже легче принимаю его член.

Очень быстро остаются только приятные ощущения. А когда его большой палец ложится на мой клитор, я тону в наслаждении. Растворяюсь в эйфории. Он убавляет темп, а пальцем наоборот — стимулирует активнее, ищет мои слабые места и находит их. В моих жилах растекается жидкий огонь вместо крови. Становится жарко, но мне все мало.

Я двигаюсь навстречу, а потом замираю. Больше нет сил, хотя оргазм так близко. Замираю в страхе, что сейчас он остановится или моё тело подведёт меня, как это часто случалось раньше, и я не получу разрядку. Но мужчина не останавливается, и я просто подчиняюсь его умелым движениям. Владимир стал бы настоящей находкой, если бы он не был тем, кто он есть. Ни с кем и никогда мне не было так хорошо. Дрожь охватывает моё тело, пальцы немеют. Я растворяюсь в потрясающих ощущениях, чувствую радость, облегчение, благодарность... от которых хочется плакать.

Станный мужчина, который, только удовлетворив меня, позволяет получить разрядку себе. Он делает несколько быстрых, резких движений. Извергая семя, он усиливает мощной пульсацией мой собственный оргазм. Он замедляется, расслабляется, почти ложась на меня. Жаль, что я не могу в темноте рассмотреть его лицо в этот момент. Не могу понять, что он чувствует и зачем это делает?

Кто я для него? В его глазах я наглая девка, что вторглась на его территорию. Я никто. Я маленькая глупая букашка. Но откуда такая забота и нежность? Почему во время секса он ведёт себя так, будто я королева, заслуживающая только лучшего? Я ждала как минимум изнасилования, а не потакания моим желаниям. Только наручники напоминают о том, что я

здесь пленница...

Кстати, о наручниках.

Владимир снимает презерватив, подтягивает штаны, бросает использованную резинку в мусорное ведро в ванной. Все это вижу через открытую дверь. Он застёгивает штаны и поворачивается ко мне лицом. Я тем временем пытаюсь кое-как поправить одежду. Он подходит вплотную и останавливает меня жестом. Я чувствую его напряжение, грацию хищника. Мне кажется, или его расслабленность и нежность растворились, как утренняя роса? Мне не нравятся эти изменения.

Мужчина расстёгивает наручники, довольно грубо стягивает с меня всю одежду. Опять щелкает наручниками на моих руках, перекинув их через деревянную перегородку на изголовье кровати. Я настолько растеряна, что даже не пытаюсь сопротивляться.

Владимир встаёт. Я чувствую его холодный взгляд на себе. Он поворачивается спиной ко мне и уходит...

Я остаюсь одна, голая, прикованная к постели в спальне своего заклятого врага...

Прошлое. За несколько часов до...

Охранник поднял крышку верхней коробки с пиццей. Аромат горячего блюда вырвался и заполнил помещение, вызывая у меня болезненные спазмы в желудке. Опять забыла поесть...

Моё оружие спрятано во второй коробке снизу. И если он сейчас начнёт проверять каждую...

— Как вкусно пахнет, — говорит охранник. Его ноздри трепещут, когда он вдыхает аромат. — Люблю пиццу. Жаль, что на работе нельзя, — он поворачивается ко мне и говорит: — Иди.

Вот и всё. Я с облегчением выдыхаю. Получилось.

Улыбнувшись приветливо охраннику, я пошла дальше. Поднялась на верхний этаж. Из-за двери был слышен шум, громкие крики и хохот. Развлекаются, ублюдки...

Набрала полные лёгкие воздуха, пытаюсь усмирить свою ярость. Перед дверью остановилась на секунду. Открыла коробку, в которой спрятала оружие, плотно завёрнутое в ткань, чтобы не ездило внутри и не создавало лишнего шума. Развернула ткань. Спрятала оружие за пояс. Рядом стояло мусорное ведро, в которое я и выбросила пустую коробку и ткань. Взяла пиццу в левую руку и постучала в дверь.

Мужской голос приказал заходить. Они ждали пиццу. Четыре большие порции, но я принесла три. Если что, скажу, что перепутала. Я на подмене, это не будет выглядеть странно. Я открыла дверь и уверенно шагнула внутрь, в пасть к четырём львам. Скрыть своё волнение — вот что сейчас важнее всего.

Все четверо практически сразу замолкают, уставившись на меня. Я растерялась под пронзительными похотливыми взглядами. Точнее, сделала вид, что растерялась. Я — застенчивая девушка, которую подруга попросила её выручить. Моя роль, которую я буду играть до конца. Робко опустив глаза, я подошла к столу. Поставила коробки. Медленно отошла к стене. Смотрела исподлобья, готовясь к самому решительному шагу в своей жизни...

— А ты хорошенькая, — отметил Борис, изучая меня раздевающим взглядом. Он оказался вплотную ко мне. — Впервые здесь? — он поднял руку и накрутил на палец прядь моих волос. Мужчина смотрел в мои глаза.

— Да, — ответила тихо, глядя на него снизу вверх. Он высокий.

— Знаешь, у нас есть традиция, — Борис отошёл на шаг назад и лукаво ухмыльнулся, рассматривая меня. — Каждая девушка, которая попадает к нам впервые, должна станцевать танец.

— Но я не умею танцевать, — говорю первое, что пришло в голову.

На самом деле я танцую хорошо и могла бы порадовать любого мужчину. Но только не этих подонков. Обойдутся, твари.

— Ну, тогда ты отсюда не выйдешь, пока мы все не «станцуем» на тебе верхом, — Борис скалился на все тридцать два. Похотливый ублюдок.

Тем временем остальные просто наблюдали. Не вмешивались, иногда хихикали. Словно реалити-шоу смотрели.

— Пожалуйста, не надо, — изображаю невинную овечку.

— Да шучу я, — говорит Борис и подмигивает мне. — Расслабься. Но станцевать придётся.

Ага, шутит. Разве что о танцах.

— Я стесняюсь, — говорю, ощущая, как щеки становятся пунцовыми. Только это скорее от нервного напряжения, но очень легко списать на скромность, — и танцую я ужасно.

Что ж, когда я сюда шла, у меня не было конкретного плана. Я бы не смогла действовать согласно конкретной схеме. Я одна, а их четверо. Я понимала, что придётся импровизировать. И я знала, что пока они все здесь с оружием, я и к пистолету потянуться не успею, как упаду замертво.

— Ладно... Если стесняешься зрителей, станцуй сначала только для меня. Приват порепетируем, — подмигивает мне.

Не успела я опомниться, как Борис затолкал меня в другую комнату. Но мне это только на руку. С одним я должна справиться. Пистолет наготове. А потом... Не знаю, если повезёт, то и с остальными поквитаюсь.

— Попалась, — говорит Борис, прижимая меня к стене.

Да пошёл ты, мудака...

— Руки убрал! — рявкаю с вызовом, хоть я и стою зажата между стеной и крепким мужчиной.

— Иначе что? — его губы растягиваются в лукавой ухмылке.

Между тем моя маленькая подружка уже нацелена дулом на его хозяйство. Мужчина нависает надо мной, хищно улыбаясь. Но я не отвожу взгляд, чтобы не выдать своего страха. А у самой коленки дрожат. Их там четверо, а я одна. Влипла по самые уши.

... Наше время

На этом заканчиваются мои воспоминания. Свою предысторию я рассказала.

Итак, я оказалась в квартире Владимира.

Вместо возжеленной лёгкой мести я получила наручники в плену врага.

И сейчас лежу прикованная к постели. Совершенно голая. Без возможности утолить естественные потребности. Брошена на произвол судьбы наедине со своими мыслями. Не понимаю, почему он ушёл. Но понимаю, что придётся так лежать до тех пор, пока он не вернётся. Избавиться от наручников я не смогу. И пальцы себе ломать, как показывают это в фильмах, чтобы проверить, правда это или нет, я тоже не собираюсь.

Пробую выбросить из головы лишние мысли. Чтобы скоротать время, не мешало бы уснуть. А чтобы уснуть, необходимо расслабиться. Только как, если мои руки прикованы наручниками, положение неудобное, а в голове... ни одной оптимистической мысли. В конце концов, я представления не имею, когда он вернётся и что планирует делать дальше.

Ногами подтягиваю к себе одеяло, кое-как укрываясь.

С тревогой и напряжением я все же засыпаю, хоть сон и поверхностный. Просыпаюсь часто, подскакиваю в тревоге, жду, что он в любой момент вернётся. Но он не возвращается. Время идёт, усталость берет верх. Я засыпаю крепко. Сплю до самого утра. Просыпаюсь, чувствуя, как все тело затекло из-за неудобного положения.

Это издевательство какое-то. Он собирается меня отпустить? Или я подохну в постели в собственных испражнениях?

Стоило об этом подумать, как хлопнула входная дверь. Кто-то пришёл. Надеюсь, что Владимир наконец-то меня отпустит. Слышу шаги по квартире, но непохоже, что он ко мне спешит. Я не выдерживаю этого ожидания и громко зову его, но не по имени. Просто кричу.

Лучше сделать вид, что я ничего о них не знаю.

На несколько секунд наступает тишина, словно человек снаружи размышляет. А затем он все же направляется ко мне. Открывается дверь. Владимир смотрит на меня ледяным взглядом.

— Чего орёшь? — бросает небрежно.

— Мне в туалет надо, — говорю тихо, практически с мольбой.

Мужчина пренебрежительно хмыкает. Ну, извините, я человек, и у меня есть определённые потребности.

Он подходит ко мне и расстёгивает наручники.

— Быстро, — приказывает. — Туалет и душ. Двадцать минут на всё.

Он садится в кресло, широко раскинув ноги, и ждёт. Мне не остаётся ничего, кроме как встать и гольшом прошмыгнуть в ванную под его пристальным взглядом.

Не знаю, сколько времени я потратила, но старалась быстро, чтобы не раздражать мужчину. Заворачиваюсь в полотенце. Капли влаги стекают с волос и щекоют кожу. Понимаю, что выгляжу сейчас весьма соблазнительно. И это мне на руку. Делаю глубокий вдох и выхожу.

Владимир сидит, прикрыв глаза. Локоть поставил на спинку кресла и прикрыл ладонью лицо. Услышав меня, он опускает руку. Вижу, как на его лице проскакивает неожиданная эмоция — восторг. Но всего лишь на мгновение, а после — снова хладнокровное равнодушие. Обжигающий лёд во взгляде. И ненависть.

— Подойди, — приказной тон. Меня слегка передёргивает от его показного доминирования, но я подхожу.

— Ближе, — говорит Владимир, когда я останавливаюсь в шаге от него.

Я и так близко. Куда ещё ближе? Но я делаю последний шаг и оказываюсь вплотную к нему, практически соприкасаясь с внутренней поверхностью его бёдер. Стоит протянуть руку и... он это и делает: слегка подаётся вперёд, тянет ко мне ладонь и поддевает пальцами край завернутого вокруг меня полотенца. Ткань мягко соскальзывает на пол. Я стою перед ним в чём мать родила, а он рассматривает меня взглядом хозяина, который оценивает своё приобретение. Останавливается на глазах. У меня мороз по коже и дрожь в ногах. Этот мужчина влияет на меня странно. Смущение, возбуждение, желание, тревога, и на вершине айсберга — ненависть.

— Обдумала своё поведение? Готова к разговору?

— О чём? — тихо спрашиваю, робко опустив взгляд. Изображаю невинную жертву обстоятельств.

Владимир протягивает ко мне руку и едва ощутимо скользит снизу-вверх: вдоль бедра, талии, касается груди, сжимает мягко... Я вздыхаю неосознанно. Закрываю глаза. Приятно, м-м-м-м... Второй рукой он накрывает мои ягодицы и властно прижимает меня к себе.

Бросаю взгляд из-под опущенных ресниц на лицо мужчины, на его затуманенные желанием глаза. Опускаю взгляд ниже и вижу, как выпирают его штаны. Рот наполняется слюной, и я вынуждена громко сглотнуть. Опять же неосознанно. Я сама себе удивляюсь и боюсь собственных противоестественных в данной ситуации желаний.

Моя грудь оказываются аккурат напротив его лица. Он подаётся вперёд и накрывает губами напряжённый сосок. Выдыхаю со стоном. Не могу сдержаться. Меня накрывает волной желания. Он умеет соблазнять. Я подаюсь навстречу Владимиру и запускаю руку в его жёсткие волосы. Я хочу сильнее, жёстче. Хочу ещё ...

Его руки сжимают мои ягодицы. Мужчина ловко ласкает мою грудь губами и языком, вытягивает соски ещё глубже, срывается и слегка покусывает, не причиняя боли. Опять мои глаза сами закрываются. Я уже не вздыхаю, я стону от изнеможения. Я выть готова, чтобы это не заканчивалось. Эти сладкие пытки ...

Опомнись!!! Совсем спятила?!

Я слегка усмиряю свою похоть и открываю глаза. И сплетаюсь с его потемневшим взглядом. Наконец, застав мужчину врасплох, я вижу его чистую реакцию и могу уловить его эмоции. И они меня удивляют, шокируют. Лёд растаял, и теперь в его глазах словно цветёт весна во всех красках. Там столько тепла, что можно растопить всю Арктику. Это что ещё за чертовщина?

И снова случайное откровение длится не более секунды. Если бы я чётко не почувствовала его эмоции, могла бы подумать, что мне показалось. Но в этот раз я уверена в том, что увидела: Владимир смотрел на меня с нежностью и теплом. Только почему?..

Внезапно он прекращает ласкать моё тело и кладёт руки на мои плечи.

— Становись на колени, — своим ледяным повелительным тоном говорит Владимир, а у меня челюсть отвисает.

Он что, хочет, чтобы я ему сделала?..

Владимир приказывает мне опуститься на колени и с усилием нажимает на мои плечи. Он хочет, чтобы я ему отсосала?! Совсем охренел?

Но я вынуждена подчиниться, когда его руки нажимают сильнее. И ещё потому, что у меня есть цель. Я практически падаю на колени. Стою перед ним, слабая и беззащитная. Смотрю испуганными глазами на мужчину.

— Но я даже имени твоего не знаю, а ты хочешь, чтобы я сделала тебе минет?

Мужчина внезапно взрывается смехом. Звонким и искренним. Так, что притворно застенчивая улыбка расплывается и по моим губам. Он запускает руку в мои волосы и нежно поглаживает затылок. Понимаю, что от этих невинных ласк мои веки медленно опускаются, лениво, словно у кота в сладкой полудрёме.

— Вова, — говорит он, насмеявшись вволю. Одну руку до сих пор держит в моих волосах, нежно сжимая их. Второй же расстёгивает свои штаны, выпуская пружинистый член. — Теперь ты знаешь моё имя, так что... приступай, — и улыбается коварно.

— Нет, — пытаюсь увильнуть, но рука, которая ещё мгновение назад небрежно перебирала пряди, теперь крепко сжимается в моих волосах.

— Да, — цедит сквозь зубы, приказывая. Улыбка исчезает с его лица. В глазах бесконечная арктическая пустыня. — Или рассказывай.

— Но мне...

Не даёт мне договорить. Резко наклоняется ко мне. Сжимает пальцы в волосах ещё сильнее, рванув мою голову назад, и сжимает подбородок второй рукой. Дышит мне в лицо. Рычит недовольно. А я...

Страх и возбуждение смешались в одно взрывоопасное целое. У меня такая реакция, словно Владимир не запугивает меня, а играет в особенную игру, прелюдию к слиянию, чтобы секс был горячее. На его лице одна эмоция и, полагаю, это гнев. Но мои губы всё равно открываются в предвкушении, пока я растерянно хлопаю ресницами.

— Хватит играть в эти дурацкие игры и изображать из себя невинную овечку, — выдыхает мне в лицо. Уверена, что еле сдерживает ярость и желание прихлопнуть меня прямо здесь и сейчас. — Ты пришла с оружием, прекрасно понимая, куда именно ты шла. И я в твои сказки, что это для самозащиты, не верю. У тебя есть два пути. Первый — ты сама расскажешь мне правду. Второй — я всё равно узнаю, кто ты и откуда взялась. Только в первом случае я буду лояльным, а во втором — ты превратишься в игрушку. И когда я наиграюсь с тобой вволю, отдам то, что от тебя останется, остальным зверям на потеху. Отдам, чтобы они растерзали твои несчастные, измученные, мной же искалеченные тело и душу.

На последней фразе его лицо искажается. Я вижу кровожадного монстра, способного на всё. Я вижу того, кого ненавижу всем сердцем. Тварь, которая убивает, глазом не моргнув. Чудовище, которое насилует и унижает, лишь бы потешить собственное ущемлённое самолюбие.

Больной ублюдок.

Но своё отвращение к нему мне придётся засунуть куда подальше. Я должна выпустить на волю притяжение, которое странным образом вспыхнуло во мне по отношению к этому мужчине. И я буду и дальше изображать глупую дурёху. Нужно играть до конца, что бы ни

случилось.

— Пожалуйста, не отдавай меня им, — молю. Влага собирается в уголках моих испуганных глаз. Смотрю на него умоляющим и покорным взглядом. — Я сделаю все, что прикажешь.

Я зазывно облизываю губы, покорно раскрываю рот и тянусь к его члену. Мужчина недовольно вздыхает. Он убирает руку, которой сжимал мой подбородок. Рука на затылке, напротив, мягко нажимает, притягивая меня ближе.

Я не девственница. У меня были парни, и я знаю, что нужно делать. Но вряд ли я смогу превзойти проститутку, которых он трахал. Поэтому мне остаётся приложить максимум усилий и надеяться, что ему понравится. Я действительно не хочу, чтобы он пустил меня по кругу. Лучше уж один, хоть и монстр, но приятный мне как женщине.

Я раскрывает рот пошире и, примеряясь, стараюсь полностью взять его член в рот. Почти получается, но к сожалению, не до конца. Слишком уж он большой. Но как только я собираюсь сделать движение назад, его твёрдая рука резко нажимает на мой затылок, заставляя проглотить член до самого конца, пока он не упирается в моё горло. На глазах выступают настоящие слезы. Я кашляю, задыхаюсь и в панике пытаюсь освободиться. Но рука Владимира мёртвой хваткой держит меня.

— Не сопротивляйся. Расслабься, — в отличие от мёртвой хватки его руки, голос мужчины звучит мягко и почти ласково, хоть я и понимаю, что это не просьба, а приказ.

Пытаюсь сделать так, как он говорит, что на деле не так уж и просто. Но как только я прекращаю сопротивляться, он расслабляет руку. Он не держит меня силой, а скорее направляет. Мягко давит на затылок, помогая, подсказывая, как нужно делать правильно. Я подчиняюсь его движениям. Расслабляюсь, как он и приказал, и действительно становится значительно проще.

Мне начинает нравиться то, что сейчас происходит.

И я удивляюсь сама себе.

Не думала, что член можно вобрать настолько глубоко. Открыв в себе новый «талант», я стараюсь изо всех сил. Я хочу, чтобы ему понравилось. Я хочу остаться с ним. Если я не смогу убить всех, то, по крайней мере, получу шанс избавиться от своего главного врага.

Владимир поставил меня перед выбором: либо я рассказываю правду, либо последует наказание. Я стану вещью, игрушкой в руках монстров. Но что если представить, что я говорю правду? Что, если мне действительно нечего рассказывать? Что бы я делала? Что бы делала любая другая девушка на моем месте? Делала всё, чтобы угодить мужчине и её не превратили в секс-рабыню.

Поэтому я выбираю третий вариант. Всегда есть третий вариант. Я буду притворяться, что мне нечего рассказывать. Что я уже сказала всю правду. И что я боюсь его и готова на всё, лишь бы мужчина не причинил мне вреда.

Я старательно работаю с его членом. Его рука уже не давит, только нежно ласкает мои волосы. Я делаю все сама, то наращивая, то сбавляя темп. Играю с головкой, нежно ласкаю её языком, сжимаю губами его ствол. Затем подставляю язык, словно на приёме у врача, и глубоко заглатываю член. Он упирается максимально глубоко, горло першит, но я не обращаю на это внимания. Глаза продолжают слезиться. Дышу носом, но мне не хватает воздуха.

Член становится ещё толще и пульсирует у меня во рту. Владимир на пределе. Он рычит. Громко дышит. Опять сжимает мои волосы и рывком насаживает меня до предела,

удерживая. Горячая жидкость заполняет рот, стекает внутрь, попадает в гортань, мне нечем дышать. Я с трудом сдерживаю рвотный рефлекс, но не потому, что мне противен этот процесс, а просто от неожиданности.

Владимир удерживает меня, пока я не глотаю всё до последней капли. Только после этого отпускает. Нежно поглаживает мои волосы. Он застёгивает штаны, поднимает меня и усаживает к себе на колени. Неожиданно нежно обнимает и прячет лицо в моих волосах. Вдыхает мой запах.

— Нет. Я тебя не отдам. Пока что, — вдруг заявляет и крепче прижимает меня к себе почти до боли. А после добавляет все тем же своим ледяным голосом: — Но это не значит, что я не заставлю тебя рассказать мне правду.

Он нежно прикасается кончиками пальцев к моему лицу и разворачивает меня к себе. Смотрит в глаза. Ведёт большим пальцем по моим пересохшим, покрасневшим губам. А потом вдруг накрывает мои губы поцелуем. Сдержанным, осторожным поцелуем, словно я могу рассыпаться от слишком настойчивых прикосновений. И это чертовски приятно. Как он может быть настолько разным? Или он тоже со мной играет, как и я с ним?

Мужчина отстраняется от меня и смотрит пристально в глаза.

— Ты мне расскажешь, кто тебя к нам подослал? — шепчет нежно, лаская своим низким голосом мой слух и поглаживая пальцами моё лицо.

Но я понимаю, что в этом кроется подвох, и стоит мне отказать ему...

— Но я говорю правду, — слезы снова собираются в уголках моих широко распахнутых глаз. — Меня никто не подсылал. Пожалуйста, не делай мне больно, — сама себе верю и мысленно улыбаюсь. Сама себя жалею. Я несчастная жертва, обиженная девушка, которая волею обстоятельств оказалась не в том месте и не в то время.

Его пальцы замирают на моем лице. Владимир заставляет меня смотреть ему в глаза. А мне не хочется. Его взгляд похож на ночь, в сумерках которой скрываются опасные звери в ожидании удобного случая, чтобы разорвать меня на части. Уверена, его сейчас гложут сомнения. Малейшая ошибка — и я буду жалеть о своём поступке всю оставшуюся жизнь. Очень короткую оставшуюся жизнь. Поэтому мне нельзя ошибаться. Не сейчас.

Я дрожу всем телом. Начинаю хватать воздух и всхлипывать. Слезы застилают глаза. Ведь мне должно быть страшно. И мне действительно страшно. Неожиданный порыв — и я подаюсь навстречу его руке, скольжу по ней щекой, трусь, словно кошка, которая пытается выпросить прощения у рассерженного хозяина.

Владимир хмурит брови и пристально на меня смотрит. Уверена, что он считывает каждую мою эмоцию. Он читает меня как открытую книгу. Но я умею играть, умею изображать эмоции. Даже в моих глазах ему не прочесть, что я чувствую на самом деле. Как и в его взгляде читается только холод и пустота...

Я научилась притворяться. Благодаря ему. Благодаря всем им. И никто не догадается, что я не чувствую на самом деле абсолютно ничего...

Закрываю глаза, демонстрируя полное доверие и подчинение. Поднимаю руки и внезапным порывом обнимаю Владимира за шею, хватаюсь за него, словно за спасательный круг, прижимаюсь и прячу лицо на плече мужчины.

— Умоляю тебя, не отдавай меня им, — шепчу, целуя его шею. Словно я паникую, в то время как он — мой единственный выход, единственный шанс на спасение.

По сути, так оно и есть. Если Владимир отдаст меня, мне придётся нелегко. И моя месть может накрыться медным тазом. А так... Да! Я могу использовать его. Возможно, есть

маленький шанс, мизерный, но шанс, что Вова станет инструментом, орудием, с помощью которого я смогу поквитаться с остальными. А потом придёт и его черед. Я убью его. Обязательно убью его. А может, с него и начну.

Обстоятельства подскажут.

Я не вижу его реакции, только слышу тяжёлое дыхание. Чувствую напряжённое тело, как высоко поднимается его грудь вместе со мной, крепко прижатой к мужчине. Внезапно Владимир обнимает меня в ответ. Замыкает в кольце рук, словно и сам не хочет меня отдавать никому. Зацепила? Вот и хорошо. Я бы даже сказала — идеально! Это уже больше похоже на план.

Тихонько хнычу на его плече. Прижимаюсь, обнимаю, словно он любовь всей моей жизни, которую я боюсь потерять. Владимир поднимается вместе со мной на руках. Идёт к кровати и бережно опускает меня. Укрывает одеялом и ложится рядом, опираясь на локоть. Он смотрит на меня и молчит. Я успокаиваюсь. Прекращаю эту сопливую игру. Нужно знать предел и понимать, что излишнее нытье может, наоборот, разозлить мужчину.

— Спасибо, — говорю на всякий случай и беру его большую ладонь в свою руку. А он вдруг сплетает свои пальцы с моими. Хмыкает, будто подумал о чём-то, что его удивило. Несколько секунд он молчит, рассматривая наши сплетённые пальцы.

— Не нужно благодарности. Я не откажусь от своих слов, моё мнение не изменилось. Ты должна рассказать мне правду. И я бы очень хотел, чтобы ты это сделала сама. Добровольно. Тогда, возможно, я о тебе позабочусь.

Конечно, позаботится он обо мне...

Я молчу. Не хочу ничего говорить и ещё раз повторять одно и то же. А добавить мне нечего.

Владимир высвобождает руку. Гладит моё лицо, не прерывая зрительного контакта. Целует меня в лоб. Встаёт и поправляет одежду на своём безупречном теле. Я наблюдаю. Со страхом и интересом жду, что же будет дальше? Изменилось ли его отношение ко мне? Заработала я себе бонус? Надеюсь, не зря старалась, и он смягчился.

— Я должен уйти, — говорит Владимир. Стоит, заложив руки в карманы, и смотрит на меня. — Ты можешь свободно перемещаться по квартире. Можешь приготовить себе что-нибудь поесть, посмотреть телевизор. Другими словами, можешь делать всё что хочешь. Но из квартиры ты выйти не сможешь, даже не пытайся. И криков о помощи твоих никто не услышит. Я хочу, чтобы ты подумала и проанализировала, хочешь ты быть рядом со мной или подо мной. Хорошо обдумай, какое отношение тебе больше по душе. А вечером поговорим. Надеюсь, я насчёт тебя не ошибся.

После мужчина выходит из комнаты. Слышу его шаги, и как спустя пару минут открывается и закрывается входная дверь. Он оставил меня одну? Закрыл, но не приковал, как в прошлый раз. Мои губы изгибаются в коварной улыбке. Получилось! Я смогла усыпить его бдительность, хотя бы временно. А сейчас самое время исследовать владения Владимира...

Я остаюсь одна в квартире Владимира. Ни телевизор, ни еда меня не интересуют. Сейчас самое время узнать, чем он живёт и что скрывает. Но как так случилось, что он оставил меня без присмотра? Либо ему нечего скрывать, либо здесь ничего важного нет, либо он всё же планирует убить меня. Или, что тоже возможно, он не собирается выпускать меня отсюда. Никогда. Вот почему он не боится, что я буду рыться в его вещах.

Он ведь догадывается, что я это сделаю?

Собираю в охапку свою грязную одежду и иду в поисках стиральной машинки. Нахожу её в отдельном небольшом помещении рядом с ванной комнатой. Забрасываю вещи в стиралку и возвращаюсь в спальню. Открываю шкаф с одеждой Владимира и выбираю первую попавшуюся рубашку мужчины. Она приятно пахнет кондиционером и его духами.

Так странно: надев его рубашку, я словно чувствую объятия Владимира на себе. Странно и в то же время противно. Он враг. Я не должна испытывать к нему настоящей симпатии и физического притяжения — я должна их изображать.

И ненавидеть.

Обхожу всю квартиру. Роюсь везде, но ничего интересного и стоящего внимания так и не нахожу. Ни фотографий, ни техники, чтобы я могла связаться с внешним миром. Мой мобильный Владимир забрал.

Подхожу к ближайшему окну, чтобы выглянуть и проверить, действительно ли я не смогу позвать на помощь. Я не собираюсь это делать, просто интересно. У меня есть миссия, но на всякий случай стоит проверить наличие путей для отступления. Дёргаю ручку, но окно не открывается. Увы, это комфортная — но тюрьма.

Меня не охватывает паника от осознания, что я заперта здесь без малейшего шанса выбраться наружу. Но ощущение всё равно неприятное. Проверяю входную дверь — естественно, без ключа не открыть.

Ну что же, получается, я действительно заперта до тех пор, пока Владимир не вернётся. Надеюсь, что он все-таки вернётся, потому что с такой квартирой и тюрьма не нужна. А с голоду помирать неохота.

Пока что обойдёмся тем, что есть. Принимаю душ, чтобы освежиться. Опять набрасываю на себя рубашку хозяина дома и иду на кухню. Завариваю себе ароматный кофе и сажусь на подоконник. Внизу снуют люди по своим делам. Кто-то спешит на работу, некоторые домой, кто-то в магазин. Некоторые счастливики просто прогуливаются и наслаждаются свободным временем. А я живу в аду и прохожу его очередной круг изо дня в день.

Ад — это не то, что ждёт грешников после смерти. Ад — это то, что мы проживаем каждый день здесь, на земле. А счастливые мгновения нам дарованы лишь для того, чтобы потом боль была ощутимее. Чтобы горе острее ощущалось на контрасте. Вот и у меня, оказывается, была счастливая жизнь, пока не появились они и не отобрали у меня все в одно мгновение. И теперь я варюсь в собственном котле, пытаюсь выбраться из липкой смолы. А она с каждым движением затягивает всё глубже.

Сейчас мой котёл, моя липкая смола — это Владимир. Меня затягивает, тянет к нему. Это безумие какое-то, ведь я ловлю себя на мысли, что начинаю тосковать по нему. Хочу, чтобы он поскорее вернулся, и вовсе не потому, что мне скучно в одиночестве. Я внезапно

ловлю себя на мысли, что хочу изучить этого мужчину, понять, что у него на уме и что он чувствует... Чтобы потом больнее ударить — вот о чём я должна думать. А сейчас самое время приготовить завтрак.

На скорую руку готовлю себе поесть. Мысли заняты совершенно другим, поэтому завтрак не доставляет желаемого удовольствия. Это скорее привычка. Поесть, чтобы были силы. Силы, чтобы жить дальше. Жить дальше, чтобы отомстить. Знаю, это пахнет безумием, одержимостью, но мне плевать. Так я живу. Так сложились обстоятельства. И если бы не жажда мести, я бы давно отправилась в мир иной к своим родным.

От скуки включаю телевизор. Но и он меня не отвлекает. Я думаю о том, где сейчас Владимир и чем он занимается. Почему он внезапно ушёл? Что сейчас делает? Не пошёл ли доложить своим подельникам что я не раскололась? Возможно, решил посоветоваться, как меня лучше запугать? А может, решил ещё раз бросить жребий, кому я достанусь, потому что я ему не понравилась? Что если он уже наигрался?

Мне нужно подготовиться. Если почувствую, что он планирует от меня избавиться — убью. Столовые приборы пригодятся. Внезапный удар ножом в сердце тоже вариант. Нужно всего лишь дождаться подходящего момента и воспользоваться случаем. А он обязательно будет. Мне нечего терять и нечего бояться. Я смогу с ним поквитаться, нужна всего лишь решимость, которой мне не занимать. Без малейшего сожаления я лишу его жизни, потому что он изверг, убийца.

Время тянется слишком медленно, но этот день я как-то пережила. Я готова. В спальне, в гостиной, по всей квартире сделала несколько тайников. Я дождусь удобного случая. А пока принимаю холодный душ, чтобы успокоиться. Иду на кухню и готовлю ужин. Что-то меня дёргает приготовить на двоих. Понятия не имею, что он предпочитает, но по содержанию холодильника нетрудно догадаться — мясо.

Делаю отбивные, стараюсь. Нахожу овощи, поэтому к отбивным нарезаю салат. Если он не захочет, то я буду. Все это красиво накрываю на стол, сервируя, как умею. Пытаюсь рассчитать время, когда он ориентировочно может вернуться. Все же не зря я столько времени потратила на слезку. Скорее всего, сегодня Владимир действительно поехал к остальным подонкам, нагнувшим наш город. А если так, то он с минуты на минуту должен вернуться, если не решит остаться в отеле на ночь. В таком случае не будет нужды готовить себе завтрак.

Черт! Забыла снять его рубашку и надеть свои шмотки. Иду, планируя переодеться в свои вещи, но застываю на пороге кухни, когда входная дверь открывается, и в квартиру вваливается Владимир. Почему вваливается? Да потому что он, похоже, изрядно набрался и пьян. В его руках бутылка и пакеты с эмблемами брендового магазина одежды. Вижу блеск в его голубых глазах, когда он изучает меня внимательным взглядом. На его губах играет лёгкая полуулыбка. Красивый он, сволочь.

Я удивляюсь, если честно. Его взгляд, улыбка, всё выглядит так, словно он соскучился и рад меня видеть. К чему этот цирк?

Владимир опускает пакеты на пол, закрывает дверь и снова рассматривает меня. Он выглядит таким... открытым. Это совсем непохоже на того Владимира, которого я видела раньше. Словно растаяла глыба льда, под которой прятался плюшевый мишка. Фантастика, знаю. Такого не бывает. Когда лёд тает, остаётся только холодная вода — и больше ничего.

Владимир подходит ко мне. Проводит пальцем по рубашке вдоль линии пуговиц, не касаясь моей кожи. Понятия не имею, как он реагирует на то, что я в его одежде.

Возможно, разозлится, что я рылась в его вещах. Но выглядит он абсолютно спокойным.

Внезапно мужчина резко дёргает полы рубашки в разные стороны. Пуговицы разлетаются, с дребезгом танцуя по полу. Громко сглатываю и прячу взгляд, опустив голову. На всякий случай изображаю тихоню.

Я же совершенно голая под рубашкой.

Владимир прикасается пальцами к моему подбородку, заставляя посмотреть ему в глаза. Он улыбается нежно. Я совершенно сбита с толку.

— Там в пакете одежда. Надеюсь, что с размером угадал, — говорит мужчина и прикасается к моим губам в лёгком, нежном поцелуе. Чувствую аромат алкоголя и его духов. — Но, как по мне, ты и в моей рубашке выглядишь соблазнительно. А ещё лучше — без неё, — добавляет, резко подхватывая меня под ягодицы и прижимая к себе.

Он выдыхает в мой открытый от неожиданности рот. Я закрываю глаза и растворяюсь в ощущениях.

Его нежность сбивает меня с толку. Владимир наклоняется к моей шее, проводит носом по чувствительной коже, вдыхает мой запах, смешанный с его гелем для душа, кондиционером для одежды и его же духами. Наши запахи смешиваются, мысли сливаются в сплошное эротическое танго. Мы думаем об одном и том же. Мы хотим одного и того же. Чего скрывать: мы взрослые люди. Вот только кто из нас теперь жертва, а кто охотник?..

Мужчина отпускает меня, а я, укрощая свою страсть и безумные мысли, говорю:

— Кофе будешь?

Владимир вдруг взрывается громким смехом, приятным, заразным, а я не понимаю, с чего вдруг. Успокоившись, кивает, чтобы шла на кухню. Сам идёт следом. Я сразу направляюсь к кофеварке и оборачиваюсь, чтобы спросить, какой кофе он любит. Вижу, как он застывает на пороге, в удивлении подняв брови. Улыбается и говорит:

— Мы с тобой словно семейная пара, прожившая много лет вместе, — смотрит на накрытый стол. — Ты даже покушать приготовила для меня, — не скрывая приятного удивления, говорит. Снова смотрит на меня. — А своё имя ты мне так и не сказала.

— Ника, — называю сокращённый вариант своего настоящего имени.

Не вижу смысла скрывать правду в данном случае. Они столько людей убили, что какая-то Ника — это капля в море. Возможно, они знали, что я осталась в живых. Возможно, они подумали, что я была в универе, потому и решили не трогать. А ещё более вероятно, что им просто наплевать. Эти подонки и не пытались скрыть совершённое ими убийство. Полиция не нашла убийцу — так мне сказали. Доблестные продажные блюстители порядка выяснили, что мой брат употреблял наркотики и, возможно, занимался распространением. И на этом всё. Предполагали, что его смерть связана с теми же наркотиками. Одни предположения, и я понимала, что дело так и останется нераскрытым, будет пылиться в архиве мёртвым грузом. Это ещё одна причина, которая подтолкнула меня вершить правосудие собственными руками.

— Ни-ка... — Владимир сладко тянет моё имя и прикрывает глаза, словно смакуя десерт.

Какая ирония. Я практически голая стою посреди кухни, где накрыла на стол для убийцы своей семьи, собираюсь приготовить ему кофе, а после удовлетворить и другие его потребности, если он того пожелает. Возможно. А может, и нет. Возможно, сегодня всё закончится. По крайней мере, для него. Потому что я знаю, ради чего всё это делаю. Помню о своей цели. Помню, ради чего живу: усыпить бдительность, заманить в ловушку,

ликвидировать.

— Какой кофе ты любишь, Владимир? — спрашиваю, повернувшись к нему вполоборота.

В своих мечтах я медленно, долго издеваюсь над каждым из них. Иногда я кусочек за кусочком срезаю с них кожу и с наслаждением слушаю их вопли. Иногда я ломаю им кости, медленно, одну за другой, растягивая удовольствие. Вспоминаю изысканные пытки из просмотренных мной фильмов... Я сжигаю их заживо, четвертую, сажаю на дыбу, подвешиваю головой вниз, выкалываю им глаза, заставляю умолять меня о пощаде, и убиваю... убиваю... убиваю...

— Люблю, когда кофе крепкий, сладкий, оставляет приятный привкус... но с горчинкой, чтобы не терять связь с реальностью, — отвечает мужчина с явным подтекстом и горечью в самом его голосе. Рецепт я запомню. — И лучше Вова, — акцентирует. Хмыкает. — Мы же вроде не чужие, Ника, — снова мурлычет моё имя.

... А в реальности... я понимаю, что если начну играть — могу проиграть. Это не приключенческий фильм. Я слабая женщина, и у меня будет всего лишь один шанс, чтобы поквитаться. И этот шанс я не планирую упустить. Я не супервумен. А каждый из них — здоровый накачанный мужик. Эти подонки следят за своей физической формой. Я уже попыталась убить одного из них, забыв об осторожности, и чем это закончилось? Мой пистолет оказался в руках врага, а я и пикнуть не успела, как едва не стала ужином для четырёх озабоченных волков. Вот только для одной маленькой красной шапочки четырёх было бы слишком много.

— Хорошо, Вова. Держи, — спустя минуту подаю ему горячий ароматный напиток.

— Спасибо, — берет чашку и садится за стол.

Я сажусь напротив него. Чувствую себя странно, ведь рубашка нараспашку, а переодеваться... я не собираюсь. Пусть смотрит, смакует, расслабляется. И при первой же возможности он получит нож в спину!

Пока мы едим, Владимир неотрывно следит за мной. Он поглощает ртом пищу, а глазами пожирает меня. Под его взглядом мне трудно сосредоточиться на содержимом тарелки, но я заставляю себя съесть хотя бы немного. Половина отбивной остаётся ждать до следующего раза, как и почти весь салат. А вот мужчина съедает всё, что я ему предложила. Скоро настанет и мой черед...

Наевшись, я кладу локти на стол, подбородком упираюсь в ладони и тоже смотрю на мужчину. Бесстыдно рассматриваю его лицо, так же, как и он моё. Опять с удивлением отмечаю, что, если бы не знала, кто он, вполне вероятно, что влюбилась бы в брутального, красивого, до мурашек на коже обольстительного Владимира. Даже в какой-то момент жалею, что он тот, кто он есть, а не обычный мужчина.

Ещё несколько секунд мы смотрим друг на друга. Лазурь в глазах мужчины едва заметно темнеет. Кажется, что в этот момент его глаза похожи на голубое летнее небо, такие же яркие и насыщенные. И столько же тепла в них. А ещё там сверкают молнии. Огонь пылает в его глазах. Удивляюсь, неужели так быстро привязался? Или он всегда такой? Быстро увлекается и так же быстро забывает?

Владимир поднимается и предлагает мне руку. Вкладываю свои пальцы в его ладонь и встаю, заглядывая в голубые глаза снизу вверх. Я такая маленькая по сравнению с ним. Мужчина обнимает меня, подтягивает к себе вплотную, сжимая талию почти до боли. Он опускает подбородок на мою голову. Ей-богу, словно родной. Спустя мгновение он

расслабляет объятия. Одной рукой проводит по моей талии, после гладит мою спину. Второй — берет мою руку в свою и накрывает свой пах моей ладонью. Сквозь одежду чувствую, как его член пульсирует и просится на волю.

Ох...

Черт!

Моё воображение рисует непристойные картинки нашего единения. Кажется, я невольно краснею. Дрожу и истекаю желанием. Владимир убирает руку, которой держал мою ладонь, и тянется к моей мокрой киске, раскрывая лепестки и медленно лаская клитор. Я сжимаю его член и хватаюсь второй рукой за шею мужчины, потому что у меня ноги подкашиваются.

— Да, — шепчет он мне, — не сдерживайся.

А я и не собираюсь.

И сегодня, Вова, я тебя обязательно убью...

Я не сдерживаюсь. Пусть думает, что соблазнил меня. Возвращаю в мужчине уверенность, что я таю от его прикосновений и буду ему подчиняться. Я прикрываю глаза и тихо постанываю. Расстёгиваю ширинку и поддеваю его бельё пальчиками. Хочу почувствовать горячую возбуждённую плоть в своей руке. Хочу изучить его. Запускаю руку в бельё и смело обхватываю ладонью возбуждённый член, скольжу по нему ладонью сверху вниз. Владимир тоже вздыхает и сильнее давит на клитор, резко наращивая темп.

Черт!..

Я сейчас кончу прямо здесь, стоя в его объятиях. Ноги меня совсем не слушаются, колени подкашиваются. Владимир это видит. Перехватывает меня и разворачивает к себе спиной. Крепко держит за талию одной рукой, а второй продолжает свои пытки. Я сгибаюсь пополам, не в состоянии контролировать себя. Но он не даёт мне принять удобное положение, резко подхватывает и удерживает моё безвольное тело. Наклоняется к ключице и мягко сжимает зубы на моей коже.

Словно животное, которое собирается трахнуть свою самку.

И я схожу от этого извращения с ума. Владимир держит мою талию рукой, шею сжимает зубами, рычит словно дикий зверь и чертовски быстро выписывает круги на моем клиторе. Я не знаю, куда девать свои руки, поэтому кладу их поверх его рук, тисками сжимающих мою талию. У меня такое впервые: чистое безумие, крышесносное и безудержное. Впервые в жизни я кричу словно сумасшедшая от удовольствия.

Стораю от нетерпения. Вжимаюсь ягодицами в его член. Я словно река, сдерживаемая плотиной, которая вот-вот упадёт под натиском мощного течения, сносящего всё на своём пути. Напряжение достигает предельной точки. Чувствую дрожь в своих конечностях. Замираю на мгновение, а потом сотрясаюсь от блаженного облегчения, когда оргазм накрывает меня с головой. Крик перерастает в счастливый стон. Тепло растекается по телу. Мне хорошо, как никогда.

Хочу отблагодарить его. Сама не понимаю, что на меня находит, но сейчас я готова на всё, чтобы Воле тоже стало хорошо, так же, как хорошо сейчас мне. Хочу повернуться к нему лицом и сделать ему минет, но мужчина не позволяет. Он, придерживая меня за бёдра, ведёт к дивану в углу кухни. Едва мы оказываемся на месте, он опускает ладонь на мою спину. Понимаю, чего он хочет от меня. Я наклоняюсь, ставлю ладони на спинку дивана в поисках опоры и расставляю шире ноги. Мужчина хватает меня за волосы, наматывает локоны на кулак и держит, словно суку. Я не сопротивляюсь. Если ему так нравится — так и будет.

Я выгибаюсь и подаюсь бёдрами ему навстречу. Не знаю, что он собирается делать дальше. Честно? Мне всё равно. Так, как он — меня никто раньше не трахал. Я действительно теку перед ним, как последняя сучка. Я хочу ещё. Хочу его...

Слышу характерный шорох позади. Владимир достаёт презерватив. Я не вижу, но понимаю это по звукам. Но когда его рука ложится на мои ягодицы, гладит нежно и в то же время жадно, а после раздвигает их, я чувствую, как моё сердце замирает. К такому я не готова. Такого у меня никогда не было. Я не хочу...

Когда мужчина ведёт пальцем по анусу, я невольно сжимаю ягодицы. Напрягаюсь. Видимо, он понимает причину моей реакции. К моему огромному облегчению, он скользит пальцем к моей киске и медленно вводит палец туда, оставив мою девственную дырочку в

покое. Мышцы сжимаются и пульсируют вокруг его пальца. Я до сих пор на волне оргазма, полученного несколько десятков секунд назад. Владимир вынимает палец. Становится неудобно, и я снова выгибаюсь и подаюсь ему навстречу, показывая, что хочу ещё. Хочу снова почувствовать его внутри. Но вместо пальца я чувствую нечто иное и даже вскрикиваю от неожиданности и удовольствия, потому что в тот момент, когда я толкаюсь тазом навстречу мужчине, он ударяет бёдрами и одним глубоким движением проникает в меня.

В таком положении возникает ощущение будто член ещё больше, чем есть на самом деле. Он проникает очень глубоко. Удовольствие смешивается с болью, но от этого мне ещё приятнее. Я мазохистка? Возможно. Но ощущение, что я слишком узкая для него, заставляет меня снова выть и скулить от неземного удовольствия. Натянув мои волосы до лёгкой боли, Владимир устанавливает рамки и задаёт темп. Бешеный темп, за которым я еле поспеваю.

В конце концов я сдаюсь. Я не пытаюсь успеть за мужчиной, а просто расслабляюсь. Подчиняюсь ему. А он будто только этого и ждал: он тут же отпускает мои волосы и опускает руку на моё плечо. Насаживает меня на свой член, удерживая второй рукой за бедро. Наше прерывистое дыхание смешивается с громким характерным хлюпаньем. Это не секс — это как какие-то безумные скачки.

Как только я расслабляюсь, тело ликует в предчувствии новой волны наслаждения. Мужчина рычит, беспощадно вбивая в меня своё естество. Я срываюсь на крик. Ещё один оргазм за такой короткий промежуток времени попросту сносит мне крышу. Я превращаюсь в желе, внутри которого пульсирует член, извергая семя в резинку — единственное, что нас разделяет и мешает мне в полной мере почувствовать этого мужчину.

Владимир осторожно, словно боится меня сломать, подтягивает моё безвольное тело и прижимает спиной к себе. Горячее прерывистое дыхание щекочет мою кожу. Томный вздох вырывается из моей груди, когда Вова покусывает мою шею, чередуя нежные укусы с поцелуями. Я схожу с ума. От такого секса теряют самоконтроль. Я полностью покорена. Моё тело принадлежит ему, и в этот момент я вдруг понимаю, что на любого другого мужчину моё тело так никогда не откликнется.

Я проклинаю себя за слабость, но мне хочется кричать «спасибо» и молить, чтобы он брал меня снова и снова. Не имеет значения, где и когда. Неважно как, лишь бы трахал с таким же остервенением. Чтобы снова и снова метил моё тело, оставляя укусы и засосы, следы от пальцев, до боли сжимающих мою кожу. Чтобы вгонял свой член снова и снова, быстро и сильно или медленно и нежно. Чтобы чувствовать его на вкус и глотать его семя. Чувствовать настолько глубоко, насколько это возможно.

Неужели я теряю разум? Я его ненавижу! Он убийца моей семьи. Эта ненависть разъедала меня несколько месяцев подряд. А теперь вот так легко, за два дня я позволила себе настолько сильно заиграться, что чувствую к Владимиру животное влечение? Чувствую страсть, которой раньше не знала? Во мне словно уживаются одновременно две сущности — одна жаждет этого мужчину, а другая желает его убить...

Владимир подхватывает меня на руки и смотрит в моё лицо так, словно пытается понять что-то очень для него важное. А я смотрю на него глазами преданного пса, получившего любимые вкусности и порцию ласки. Смотрю покорно и с благодарностью. Мне не нужно притворяться. Я действительно это чувствую, но...

Но это не мешает моим планам. Я всё равно его убью. Кровная месть — этого требуют мои сердце и разум. А чего хочет моё тело — не имеет никакого значения.

Он несёт меня в ванную. Не отдавая отчёта своим действиям, я прикасаюсь к его лицу

кончиками пальцев, чем вызываю лёгкую улыбку на губах мужчины. Его глаза затуманены то ли алкоголем, то ли тем, что только что между нами произошло. Только сейчас осознаю, что после бешеного марафона мы оба мокрые. Владимир опускает меня на пол и снимает использованный презерватив. А я в ещё одном неконтролируемом порыве снова тянусь рукой к его обмякшему члену. Хочу, чтобы он снова стоял. Хочу ещё. словно нимфоманка не могу насытиться...

Мужчина останавливает меня, но только для того, чтобы снять с себя одежду. Раздевается полностью, и я впервые вижу его во всей красе. Не скрывая своего восхищения, тянусь рукой к упругим мышцам. Он и вправду прекрасен. Веду ладонью по вспотевшей коже. Подхожу вплотную и целую его плечо едва ощутимым прикосновением. Я не знаю, позволительны ли такие ласки, ведь очевидно, что Владимир любит доминировать, и, возможно, единственное место, к которому, по его мнению, разрешено прикасаться женщине — это его член.

Владимир не останавливает меня, но и сам ничего не делает. Я глажу его плечи, опускаюсь к кубикам пресса. Так и хочется сказать «вау!». Он словно создан руками талантливого скульптора. И похоже, я готова к новому раунду. Опускаю глаза вниз и вижу, что и он тоже... Преодолеваю последние несколько сантиметров между нами. Прижимаюсь к мужчине и кладу голову ему на плечо, приподнимаясь на носочках. Руками придерживаюсь за его плечи, ведь он так и стоит, словно греческая скульптура. А так хочется снова почувствовать его пылкие объятия, его страсть, разжигающую меня до невозможного предела.

Владимир поднимает руки и... деликатно отстраняет меня от себя.

— Залезай, — звучит, как приказ. Взглядом он указывает на большую ванну.

Сажусь в холодную пустую ёмкость, настолько большую, что мы легко поместимся там вдвоём. Владимир опускается вслед за мной так, что мне приходится поджать под себя ноги. Он опускает руки на мои колени, разводит их шире и заставляет бесстыдно выставить ему напоказ мою киску. Он пододвигается ближе и включает воду. Настраивает температуру, нависая надо мной, пока я люблюсь его идеальным телом. Проверяет температуру, подставляя ладонь. Затем направляет поток очень тёплой, практически обжигающей воды на мою грудь и наблюдает, как мои соски набухают под натиском искусственного течения.

Я закрываю глаза. Я полностью в его власти. Я согласна на всё. Я хочу почувствовать его в последний раз. Хочу насладиться этим мужчиной, ведь после... Но лучше подумаю об этом позже. А пока дам ему то, чего сама сейчас хочу больше всего.

Его пальцы нежно сжимают мои соски, чередуясь с потоками воды. А потом сильнее — и снова легче. Вдыхаю, почувствовав губы там, где только что вода ласкала мою грудь. Мысленно слежу за напором, который медленно опускается... Ох!.. Громкий стон вырывается из груди, когда Владимир направляет поток на мою киску. О боги, как же приятно!

Мысли путаются, и я больше себя не контролирую. Я запускаю пальцы в его волосы и сжимаю с силой, притягивая мужчину к своей груди. Он понимает меня правильно, и нежные ласки превращаются в жадные, агрессивные, звериные... Мужчина накрывает губами мою грудь, засасывает глубоко, а меня будто пронзает током. Владимир продолжает истязать мою киску струями воды, одновременно лаская мою грудь ртом.

Ванна всё больше наполняется водой. Мужчина останавливается. Он садится, подтягивает меня к себе и укладывает ягодицами себе на колени так, чтобы мой таз оказался над водой. Но сама я остаюсь в горизонтальном положении и, если я не буду придерживаться руками, окажусь с головой в воде. Поэтому я держусь. Владимир раскрывает пальцами набрякшие лепестки и направляет мощную струю воды прямо на клитор.

Я выгибаюсь от удовольствия, словно покорная кошка. Руки уже не держат, и я едва не соскальзываю в воду. Пытаюсь удержаться и вдруг слышу успокаивающий голос мужчины, доносящийся сквозь туман возбуждения и моё громкое сердцебиение:

— Просто задержи дыхание и расслабься, — Владимир убирает лейку в сторону.

Пытаюсь переварить только что услышанное. Надеюсь, он не пытается меня утопить таким образом? Хотя для убийства — это уже слишком изощрённо.

Перевожу дыхание, набираю полные лёгкие воздуха и опускаюсь в воду. Рефлекторно накрываю бортики ванной пальцами — на всякий случай, и... тону в ощущениях. Я нахожусь за пределами реальности. Я испытываю оргазм, превращающий мой мозг в желе. Я как будто парю в невесомости. Меня словно трахнули в полёте.

Мощные импульсы пронзают моё тело. Я задерживаю дыхание, напряжение в теле взрывается волной оргазма. И я под водой... Я словно стою на границе между раем и адом, или одновременно нахожусь и там, и там. Чувства обостряются до предела, и я понимаю, что сознание ускользает от меня. Понимаю, что силы покидают моё тело, и я не могу подняться. Пальцы, которыми я хватаюсь за бортики ванной, онемели и не слушаются. Мышцы обмякли.

Все это длится не более минуты, но кажется, что прошла целая вечность. Сладкая безумная вечность.

Сквозь воду смотрю на Владимира помутневшим взглядом... Вижу, как его зрачки расширяются и во взгляде на долю секунды вспыхивает тревога. Мгновение — и он подхватывает меня и вытаскивает из воды... и прижимает к себе. Я жадно хватаю воздух. Он как раз вовремя, потому что ещё пара секунд — и я бы втянула в лёгкие воду вместо желанного воздуха. Мужчина гладит меня успокаивающе. А я словно кукла безвольно висну в его руках.

Боже, как же хорошо...

Наконец моё дыхание становится ровным. Руки мужчины до сих пор успокаивающе гладят мою спину. Кажется, с меня хватит. Нимфоманка внутри меня удовлетворила свою похоть. Хочется свернуться калачиком и уснуть. Пытаюсь из последних сил устроиться поудобнее в объятиях мужчины, но он не даёт. Сажает меня, а сам поднимается.

Через мгновение понимаю зачем. Владимир набрасывает на себя халат. Замечаю, что его стояк никуда не делся. Меня ждёт ещё один раунд? Да я сдохну... Теперь фраза «затрахать до смерти» уже не кажется мне смешной. Он протягивает мне руку. Я вылезая из ванны, с трудом заставляя своё тело подчиняться. Мужчина заворачивает меня в полотенце, подхватывает на руки и несёт в спальню. Ставит на пол, заботливо вытирает моё влажное тело, а после кивком указывает на кровать.

Я ложусь и укрываюсь одеялом, продолжая наблюдать за мужчиной. Владимир сбрасывает халат. Любуюсь его идеальным телом, решительной осанкой... и удивляюсь, как в таком прекрасном теле может жить такая тварь. Интересно, сколько ему лет? С виду около тридцати. А вот взгляд... У него взгляд человека, который прожил не одну жизнь. И со временем потерял способность что-то чувствовать и выражать свои эмоции. Хотя сегодня, будучи слегка навеселе, он оказался достаточно красноречивым и без лишних слов. Я видела страсть в его глазах. Но эта страсть может быть присуща обычному бабнику.

Владимир выключает свет, погружая комнату во мрак. Настолько темно, что я не вижу даже очертаний. Остаётся надеяться, что он оставит меня на сегодня в покое и уйдёт. Но нет: кровать прогибается под весом его тела, и я понимаю, что он планирует продолжить. Ну

не спать же со мной он собрался в одной кровати? Он сгребает меня в охапку и прижимает к себе. Судорожно сглатываю, разрываясь между противоположными чувствами. Вдыхаю его запах, уткнувшись носом в крепкую мужскую грудь.

Его палец, блуждающий вдоль моего позвоночника, словно дирижирует мурашками на моей коже. Он перебирает мои волосы второй рукой, на которой я устроилась, словно на подушке. Так спокойно на душе, словно я вовсе не в объятиях врага, а с самым близким в целом мире человеком. Сон начинает одолевать меня.

— Устала? — спрашивает Владимир так, словно я весь день напролёт на заводе пахала. Но у меня такое ощущение, словно так оно и есть. Я реально устала! Не думала, что от секса такое бывает.

— Угу, — весь мой ответ, ведь даже говорить лень.

— Спи, — говорит тихо, продолжая нежно меня поглаживать.

В смысле? Ничего не будет? Просто спи? Я не поняла. Я чётко ощущаю его возбуждённый член своей кожей. И как он планирует спать с... Стоп! Он сказал спать мне, но это не значит, что будет спать он... Он что, собирается трахнуть меня, когда я усну? Ну уж нет, я такое пропускать не собираюсь. Усилим воли прогоняю усталость, опускаю руку вниз и мягко сжимаю его стояк, давая понять, что я готова продолжить.

— Спи, если не хочешь, чтобы я затрахал тебя до смерти, — шёпотом говорит мужчина, чем удивляет меня. А я как раз пыталась осмыслить глубину сути этой угрозы.

И хотя звучит весьма заманчиво, но я убираю руку и прижимаю ладонью к его груди. И засыпаю с мыслью, что миссию я пока что не выполнила...

...И с ней же просыпаюсь спустя несколько часов. На улице только начинает светать. Владимир размеренно дышит и ещё спит. Слышу его спокойное сердцебиение. Он до сих пор меня обнимает, но уже не так крепко. Тихо выскальзываю из-под его руки и осторожно перекатываюсь в сторону. Прислушиваюсь, не потревожила ли я его сон. Мужчина крепко спит, не реагируя на мои движения. И это очень хорошо.

Вытаскиваю спрятанный под матрасом нож. Становлюсь на колени над Владимиром и смотрю на него. С секунду размышляю, как именно это сделать. Куда именно нанести удар, чтобы он стал смертельным. Чтобы мужчина, который намного сильнее меня, не смог меня остановить.

Этот рассвет ты уже не встретишь, Вова...

Нужно вонзить ему нож прямо в сердце. Ничего не мешает. Он открытый и незащищенный, словно младенец. Убью — и мои кошмары прекратятся навсегда. Получу свою вендетту...

— Ника, — шепчет мужчина, а я едва не роняю нож от неожиданности.

Он делает движение рукой, словно ищет меня. Сердце падает в пятки. Спустя мгновение его дыхание вновь становится спокойным и ровным. Я понимаю, что он бормочет сквозь сон. Он зовёт во сне меня?.. Что за чертовщина? Рука теряет твёрдость, а я теряю точку опоры. А ещё с удивлением осознаю, что я сегодня не видела своих привычных кошмаров, которые за эти месяцы страданий словно стали неотъемлемой частью меня. Рядом с Владимиром я спала спокойно...

Как такое возможно?

Я сама себя предала! Я впервые за последние несколько месяцев спокойно спала рядом с тем, кто является причиной моих кошмаров. Рука начинает дрожать. Я должна убить его! Я должна это сделать. Я так долго ждала и планировала — и вот она, идеальная возможность.

Смотрю на него в полумраке, пытаюсь найти в себе силы. Он выглядит настолько незащищенным. Совсем не похож на монстра, убившего мою семью, хоть я и понимаю, что это он. Но я так не могу. Пускай он и убийца, но я — не такая. Я не могу убить незащищенного человека во сне. Или это из-за его отношения ко мне? Он ни разу ничего плохого за короткое время нашего знакомства мне не сделал. Разве что трахал, и то по взаимности. Да ещё и трахал так, как никто и никогда раньше. Я бы сказала, что Владимир даже в некоторой степени беспокоится обо мне, что ли. Я не могу так просто взять и убить его. Не так, не во сне. Может, если бы он проявил агрессию по отношению ко мне, я бы легко вонзила ему нож в сердце, а так... рука не поднимается.

Я не такая, как они.

Я прячу нож обратно и тихо ложусь, но уже на расстоянии от мужчины. Не хочу, чтобы он путал мои мысли. Но Владимир шепчет что-то невнятное сквозь сон и закидывает на меня руку. А спустя мгновение прижимает меня к себе спиной и обнимает. Крепкие руки не отпускают, даруя ощущение уюта и безопасности.

Это безумие какое-то. Он дышит мне в затылок. Одной рукой обнимает за шею, другой за талию, ещё и ногой подгребаёт к себе так близко, что я чувствую, как в мои ягодицы упирается его эрегированный член. И это ненормально, потому что мне это нравится! Я сама заслуживаю смерти, потому что я предательница.

Я предала память своих близких.

Я утыкаюсь лицом в его руку и тихо плачу, надеюсь, что он не услышит. Обнимаю его руку и цепляюсь за неё, словно он может внезапно исчезнуть. Этот человек не просто спутал мне все карты, он создал цунами в моём сердце и апокалипсис в моей голове. Я разрываюсь между желанием убить и болезненной жадой удержать его возле себя. Оказывается, я всего лишь слабая женщина.

— Не плачь, — вздрагиваю, услышав голос Владимира, но он меня держит и не даёт пошевелиться. — Ты все правильно сделала.

В смысле?!

У меня сердце уходит в пятки, а потом начинает биться в бешеном ритме, норвя

пробить дыру в груди. Так он все слышал и видел, только притворялся, что спит? И что со мной теперь будет? Дура! Надо было его убить, пока была такая возможность.

— Всё будет хорошо, — снова шепчет мне на ухо Владимир. — Спи.

И всё? Он ничего не делает. Продолжает меня обнимать и спит дальше. Может, он ничего не слышал, и я сама себя накручиваю? Возможно, ему что-то приснилось, и он имеет привычку разговаривать во сне?

Не знаю, что только что произошло, но я до сих пор жива. Хотя и Владимир продолжает жить, вопреки моим планам. Нужно собрать себя воедино и воплотить план в жизнь. Нельзя к нему привязываться и впускать в своё сердце. Он — кот, а я — мышка. А мышка не может влюбиться в кота. Это невозможно.

Я медленно засыпаю в объятиях врага и думаю о сложившейся ситуации. Он — моё проклятие. А может, он — моё спасение? Что если для того, чтобы почувствовать облегчение, я должна не убить его, а изменить? Заставить раскаяться в своих поступках?

Кажется, я окончательно теряю рассудок. Или это прерванный сон на меня так влияет.

Опять спокойно сплю без кошмаров, но просыпаюсь со странным ощущением тревоги, едва Владимир оставляет нашу постель. Оборачиваюсь резко и сталкиваюсь с его ледяным взглядом. Он снова такой же холодный, как всегда, и там нет вчерашнего тепла. Арктика возвращается и покрывает своим равнодушием всё вокруг.

Мужчина отворачивается и уходит, прихватив с собой халат. Очевидно, планирует принять душ. Я тоже встаю. Думаю, не приготовить ли ему кофе? И что мне надеть? Одежду, которую он мне принёс, я так и не примерила. Иду в гостиную, где остались пакеты. Несу в спальню и вытряхиваю содержимое на кровать.

Белье, пара блузок, брюки, платья, обувь и даже тапочки. Там же нашёлся халатик... Хотя, присмотревшись, понимаю, что это пеньюар. Надеваю и перевязываю тоненьким пояском. Открываю шкаф, чтобы посмотреть на себя в зеркало на двери. На первый взгляд он казался не столь откровенным. Честно говоря, если бы я была женщиной и увидела такое, сама бы себя трахнуть захотела.

Чёрный пеньюар соблазнительно облегает грудь. Острые соски чётко выделяются под полупрозрачной тканью. Низ свободно лежит вдоль тела, но все мои прелести видны через воздушную ткань. Поворачиваюсь задом — ягодицы тоже соблазнительно выпирают и призывают к действию. Как там было в сказке: не одетая, но и не раздетая? Вот это как раз тот случай. Красиво, но как по мне — вульгарно. Значит, чтобы соблазнить мужчину — идеально. Только кого тут соблазнять, если Владимир и так будто голодный зверь.

Кстати, о звере...

Краем глаза замечаю, что он уже здесь. Полотенце прикрывает бёдра, а сам мужчина таращится на меня. Всё-таки ночью зверь остался голодным. Поворачиваюсь к нему лицом и от одного взгляда его голубых глаз чувствую истому внизу живота. Одежда всё-таки имеет значение. Я чувствую себя очень раскованной. Отдохнувшей и готовой удовлетворить зверя.

Кладу руку себе на живот и медленно веду вниз. Останавливаюсь между ног и глажу свою киску. Лёгкий стон вырывается из моей груди. Наблюдаю за реакцией мужчины. Во что мы сегодня будем играть, котик? Или лучше сказать, злой Серый Волк? Второй рукой накрываю грудь и сжимаю сосок, пока мужчина стоит в дверном проёме и смотрит потемневшими от желания глазами.

Кажется, я всё-таки разбудила в нем зверя...

Владимир мгновенно оказывается рядом и прижимает меня к себе, вырывая из меня

стон. Он кладёт свою руку поверх моей, той, что внизу. Моей собственной рукой мужчина гладит мою киску, направляет ниже, глубже и вводит в меня палец. Смотрит в мои глаза своими, в которых воцарилась тьма. Голубая ледяная тьма.

Пальцем блуждает внутри меня, разыскивая мои слабые места. Одной рукой хватаюсь за его шею, ведь вторая до сих пор в плену у Вовы. Пока одна его рука играет с моей киской, вторая опускается к ягодицам, проводит между двумя половинками... Это приятно, но не менее пугающе.

Излишняя влага между набухших складочек говорит о моем желании. Я на грани, выгибаюсь и двигаюсь навстречу пальцу, которым он нежно меня трахает.

— Стой здесь, — приказывает мужчина и оставляет меня. Догадываюсь, куда он ушёл.

И действительно, спустя несколько секунд Владимир возвращается уже без полотенца, со стояком и презервативом в руке. Останавливается в нескольких шагах, достаёт презерватив и медленно растягивает резинку по члену. Я наблюдаю за этим всем и громко сглатываю. Он ничего особенного не сделал, но от его простых действий, от того, как его пальцы скользят по члену, у меня всё сжимается внутри. Я чувствую пульсацию внизу живота и хочу его до безумия.

Владимир подходит ко мне и накрывает горячими ладонями мою талию. Нежно поглаживает, а затем разворачивает к себе спиной, опуская меня прямо на стол лицом вниз. Я растягиваюсь на холодной поверхности, вытягиваю руки вперёд и хватаюсь за край стола. Мужчина сжимает мои ягодицы, мнёт их, словно тесто. Запускает большой палец в мою киску и медленно вынимает. Ведёт между лепестков, размазывая влагу. Потом ближе к анусу...

Мне становится страшно. Приятно пока что, но страшно. Владимир легонько нажимает на отверстие, а я стараюсь отодвинуться, но как? Я распластана на столе, с другой стороны прижата его бёдрами. На мои жалкие сопротивления Владимир реагирует крепкой хваткой. Он двумя руками держит мои ягодицы, а большими пальцами поглаживает мою киску. Вздыхаю с облегчением, потому что мой зад оставили в покое.

Владимир медленно, смакуя каждый миллиметр, вводит член в мою киску. Выдыхаю, как будто этим движением он выталкивает из меня весь воздух. Закрываю глаза и наслаждаюсь его нежными действиями. Он вынимает член и размазывает влагу снаружи. Снова входит, глубоко и медленно. Выходит и повторяет движения, скользя то между ягодиц, то между половых губ. Я расслабляюсь полностью. Его руки нежно и одновременно властно поглаживают мои ягодицы.

За эти несколько раз невероятного, потрясающего секса я научилась доверять ему. Научилась подчиняться... По крайней мере, в сексе! Насчёт всего остального — это только игра. Поэтому я стараюсь угадать, что от меня требуется, откликаюсь на каждое прикосновение и толчок, двигаюсь навстречу и выпячиваю зад, чтобы он смог проникнуть на полную длину, что с его размерами не так уж и просто. Владимир повторяет одни и те же движения, как мантру: вошёл, вышел, скользнул... вошёл, вышел, размазал влагу...

Ощущение на грани меня снова заводит. Я стону и выгибаюсь до боли в пояснице. Он скользит у «запрещённой дырочки», а потом возвращается к киске. Повторяет это снова и снова. Я уже не боюсь и подставляюсь ему сама. Я уверена, что он не сделает ничего такого, что не доставит мне удовольствия. Должна признать, в сексе — он Бог.

А спустя мгновение мне хочется взять свои мысли назад и проклясть всё на свете. Жгучая боль пронзает моё тело, и я вскрикиваю, а Владимир рычит, насаживая меня на свой

член. Руки сжимают стальными тисками и не дают вырваться. Резким, неожиданным движением он пытается войти в моё отверстие, совершенно для этого не предназначенное. Всё рефлекторно сжимается внутри, не пуская его дальше. Я понимаю, что он проник максимум на несколько миллиметров, а такое ощущение, будто мне в зад кол длиной в полметра вогнали.

Я кричу и сопротивляюсь, визжу, пытаюсь освободиться. А он рычит, вонзаясь пальцами в мою кожу. Не отпускает, вгоняет член ещё на несколько сантиметров глубже. Его рычание смешивается с моим всхлипом. Я почти плачу, дрожу, и только тогда он останавливается. Мужчина наклоняется, вжимая меня своим телом в стол. Слышу его тяжёлое дыхание у своего уха.

— Не веди себя как дешёвая выёбистая шлюха, чтобы к тебе не относились как к дешёвой выёбистой шлюхе. Тебе это не к лицу, — рычит, поднимается, вынимает свой член и уходит прочь.

Я лежу на столе, всхлипывая от шока и болезненных ощущений. Давно не чувствовала себя так... странно. Обычно вызвать во мне эмоции достаточно сложно. А сейчас... мне не так больно, как обидно. А виновата во всем — сама. Как можно быть такой идиоткой, чтобы довериться врагу! Пусть даже только в сексе, но поверила, открылась и получила сюрприз. Но стоит отбросить лишние эмоции и оценить ситуацию трезво.

Он расписховался, и, исходя из его слов, это произошло потому, что я перегнула палку. Моя последняя выходка могла дорого мне обойтись, и речь идёт не об анальном сексе, от которого я бы точно не умерла, а о потере благосклонного отношения мужчины. Хотя благосклонное отношение мне ничего хорошего не дало. Я начала привязываться к Владимиру, и в решающий момент, когда я должна была его убить, моя рука дрогнула.

Стоит подразнить его, позлить, чтобы перестать испытывать то, чего не должна. В гневе, в порыве ярости нанести удар значительно легче, чем если человек к тебе относится так, как Владимир ко мне. Я смогу его убить, если он будет меня раздражать, а не вызывать мурашки по коже от желания. Пусть он сам подольёт масла в огонь, чтобы ни единой частичкой своей души я не испытывала к нему жалости.

Пускай катится в ад, подонок!

Поднимаюсь. Поправляю пеньюар. Вытираю слезы. Иду в спальню, где после быстрого душа Владимир одевается. Стою на пороге, опираясь о дверной косяк. Вскидываю подбородок и расправляю плечи, чтобы мой вызов ощущался не только во взгляде и голосе...

— А разве не проститутку ты хотел получить, когда выиграл меня в карты? — спрашиваю и смотрю с ненавистью на убийцу моих родных.

Он удивлённо вскидывает брови.

— Наконец-то кошечка показала коготки? — хмыкает мужчина. — А я уже боялся, что ты овощ.

Но это не ответ. Это прямое уклонение от него.

— Нет, я не овощ, представляешь?! У меня есть собственные чувства и инстинкт самосохранения! Я жить хочу! Только у меня никто не спрашивал, чего я хочу и хочу ли стать вещью, поставленной на кон. Ты из меня сделал проститутку! А я всего лишь пытаюсь угодить, чтобы, как ты сам выразился, ты не пустил меня по кругу и не отдал им, — искренние слезы катятся по моим щекам.

Я говорю ему то, что подсказывает мне логика. Это правильно — так реагировать на его поведение. Обидеться, разозлиться, вспыхнуть потоком искренних эмоций...

А он смотрит своими голубыми глазами на меня так, словно я действительно кошечка дикая, которую необходимо приручить.

Только кажется, меня снова занесло не туда. Я демонстрирую свою зависимость от него. Я говорю о том, чего действительно боюсь, чего не хочу. А он может этим воспользоваться, чтобы давить на меня, заставлять делать то, чего я не должна делать. Лучше бы действительно промолчала, а не выплёскивала эмоции перед ним. Или показывала коготки, как выразился Вова.

Неправильный он... С Владимиром стандартное поведение и моя игра не работают так, как я того ожидала, поэтому приходится экспериментировать. Да и сама я реагирую на него не так, как должна была. И даже последний его поступок вызывает не столько ненависть или

злость, сколько удивление и... понимание. Я понимаю, почему он так поступил. Я сама его спровоцировала.

— Но тебя никто не заставлял идти к нам в отель. Ты же прекрасно понимала, куда и к кому ты идёшь, — говорит Владимир и делает шаг в мою сторону.

Я снова сама себя ненавижу. Хочу смыть грязь, накопившуюся внутри. Смыть, искоренить грязное притяжение к этому мужчине.

Обнимаю себя руками в защитном жесте. Владимир делает ещё один шаг в мою сторону, а я чувствую себя настолько мелкой, что, кажется, сделай он ещё шаг — и раздавит меня.

И он делает этот последний шаг, преодолевая расстояние между нами. Стоит вплотную, а я смотрю на его блестящие ботинки. Владимир нависает надо мной, а я боюсь поднять взгляд. Мне конец, правильно? Профукала свою месть? Слабачка...

— Зачем ты пришла? — спрашивает и прикасается пальцами к моему подбородку, заставляя посмотреть ему в глаза.

Избегаю его тяжёлого взгляда. Боюсь, что он увидит в моих глазах правду. Увидит мою слабость. Увидит, что ярываюсь пополам между ненавистью и страстью.

Будь ты проклят, Владимир...

— Потому что меня подруга попросила, — отвечаю, срываясь на хрип. Всхлипываю и вздрагиваю от плача.

— Я бы хотел тебе верить... — неожиданно мужчина меня обнимает, и становится так уютно, что я не сдерживаюсь и кладу ладони на его мускулистую грудь.

Хочу укутаться его заботой, словно одеялом, пусть она и неискренняя. Он не успел застегнуть рубашку, и я рада, что получаю возможность ещё раз почувствовать тепло его тела, крепкие мышцы под моими дрожащими ладонями.

— ... Но если ты меня обманула... — добавляет Владимир после небольшой паузы. Он не договаривает, но в этом нет необходимости, я и так все понимаю.

А я, словно наивная дура, на одну долю секунды допускаю мысль, что, может, стоит рассказать ему правду? За это хочется самой себе по башке треснуть. Рассказать Владимиру, что я пришла отомстить ему и остальным, потому что они убили мою семью? Более глупой мысли в моей голове возникнуть не могло.

Он словно афродизиак, созданный лично для меня. Путаёт мои мысли, выжигает мозг, лишает здравого смысла, вызывает желание без тормозов и предубеждений...

Владимир отпускает меня, и я чувствую, как повеяло холодом. Не физически, а внутри. Конфликт в моей душе нарастает и комом стоит в горле. А он застёгивает рубашку, пряча от меня своё идеальное тело, набрасывает пиджак, проводит рукой по своим волосам, поправляя причёску.

Владимир подходит ко мне и накрывает ладонью мой затылок, словно между прочим поглаживая меня пальцами. Легкие движения его пальцев вызывают мурашки по коже. Теперь нет никаких сомнений, что моё тело меня предало и откликается на каждое прикосновение этого мужчины, будто моё тело отныне принадлежит не мне, а ему.

Хочется закрыть глаза от удовольствия и замурлыкать. Мужчина наклоняется ко мне, и я уже готова подставить губы для поцелуя... Но он мягко сжимает мою шею пальцами и прикасается губами ко лбу. И на этом все. Он поворачивается ко мне спиной и уходит, заперев меня одну в пустой квартире...

...И возвращается спустя несколько часов. Слышу, как открывается входная дверь и

закрывается с громким хлопком. Понимаю, что Владимир не в настроении. Но не понимаю, насколько не в настроении...

— Ника! — вопит он на всю квартиру, будто я глухая и могу его не услышать.

От его громких нервных шагов веет опасностью. Хочется спрятаться, забиться в угол. Что-то произошло, что-то нехорошее. И когда он находит меня в гостиной, я уже стою, готовясь к чему угодно, и прячу за спиной кухонный нож.

Владимир останавливается в шаге от меня, подобно разъярённому льву, готовящемуся к последнему прыжку, чтобы разорвать беззащитную жертву. Но я не беззащитная — я буду защищаться до последнего!

Отступаю от него назад и тут же упираюсь спиной в стену. Бежать больше некуда. Хищник в мгновение преодолевает расстояние между нами и смотрит на меня сверху вниз. Вижу замешательство в его взгляде. Между бровей залегла суровая складка.

Владимир медленно поднимает руку, пытаюсь обуздать в себе зверя, кладёт мне на шею, но не сжимает. Просто держит, словно показывая, что в любой момент может свернуть мне шею. Пусть попробует — я успею вогнать ему нож в сердце. Несколько секунд мужчина смотрит на меня, и я вижу в его глазах ледяную бурю. А после внезапно прижимается к моим губам в поцелуе, впервые прикасаясь ко мне так. И словно в последний раз жадно пробивает себе путь, толкаясь языком сквозь мои сжатые от напряжения зубы, очерчивает территорию и демонстрирует своё верховенство.

Я совершенно обескуражена, растерянная и слабая — вот какой я становлюсь под его жёстким напором. Я отвечаю на горячий поцелуй мужчины с не меньшей страстью, ведь он действительно может оказаться последним. Владимир ласкает пальцами мою шею, второй рукой обнимает нежно за талию... и я теряю самообладание. Нож практически выскользывает из руки, утратившей твёрдость.

Владимир скользит своей рукой ниже, не прекращая жадно меня целовать. Ещё мгновение — и я буду разоблачена, поэтому стараюсь убрать руку с ножом подальше, открывая ему доступ к талии и заднице, чтобы отвлечь. Прижимаюсь к нему сильнее, выгибаюсь навстречу.

Мужчина так же резко прекращает поцелуй и смотрит в мои глаза. Смотрит так, словно видит меня насквозь.

— Убьёшь меня в другой раз, — говорит спокойно, одновременно прикасаясь к руке, в которой я держу нож. Моё сердце делает резкий скачок, останавливается и начинает биться с бешеной скоростью.

Он знает...

— Да, я знаю, — словно отвечает на мои мысли, чем пугает ещё больше, — знаю, что это уже твоя вторая попытка, и прекрасно понимаю причину. Но пока что я тебе нужен, — Владимир оставляет мою руку с ножом в покое и сжимает мою талию, зарывается лицом в мои волосы. Неожиданно... Нежно... — Я нужен тебе, потому что знаю не только я. И они тебя точно не собираются оставлять в живых.

Словно это стоит ему огромных усилий, мужчина отрывается от меня.

— Надень что-то удобное, — говорит холодным тоном, как будто только что был не он, а совершенно другой человек. Снова включает режим «господина». — Через пять минут выезжаем.

Я иду к столу и дрожащими руками кладу нож. Возвращаюсь и иду в спальню. Действую на автопилоте. Переодеваюсь. Мне хватило и двух минут. Всё равно здесь нет моих вещей,

кроме тех шмоток, в которых я пришла.

Случившееся пару минут назад мало укладывается в моей голове. Он знал, что я хочу его убить, и ничего не сделал. Но почему? Этот вопрос встал поперёк горла, мешая нормально дышать.

Когда я выхожу из спальни, Владимир уже стоит на пороге, одетый в джинсы и футболку, обтягивающую его мускулистый торс. Поверх футболки крест-накрест ремни, на которых зафиксирована кобура с оружием. Мужчина накидывает сверху куртку свободного кроя, под которой его «аксессуары» становятся почти незаметными.

Какое-то мгновение мы внимательно рассматриваем друг друга словно впервые, а потом я покорно слеую за ним. Почему-то я ему верю.

Жаль, что у меня нет оружия. Но сомневаюсь, что, если я попрошу, он окажется настолько снисходительным, что вручит оружие той, которая мечтает его убить.

Мы выходим из квартиры. Вова запирает дверь на замок и спускается вниз. Он даже не оборачивается. Он абсолютно уверен, что я никуда не денусь. И я действительно не собираюсь бежать. Я не знаю, что меня ждёт дальше, но я не хочу от него уходить. Не сейчас, во всяком случае. Теперь меня терзает чисто женское любопытство, почему он так поступил? Почему он меня защищает? Что сегодня произошло и почему меня хотят убить? И главное — кто?

Пока я обдумываю эти вопросы, чувствую себя в полной безопасности за его широкой спиной. Он идёт быстро, от него исходят уверенность и решительность. Хотя кому я лгу? Он похож на хищника, зашедшего на чужую территорию, что в любой момент готов атаковать, чтобы отстоять своё: жизнь и, судя по всему, меня. Вне сомнений, что Владимир считает меня своей собственностью и так просто не отдаст, и мне от этой мысли действительно становится спокойнее. Либо же я до сих пор не понимаю, в какую опасную авантюру умудрилась вляпаться.

Мы пересекаем двор, двигаясь в направлении его автомобиля. Мы словно на ладони, поэтому я иду почти шаг в шаг за Вовой на расстоянии одного метра. Я не вижу опасности, но мне достаточно того, что чувствую, насколько напряжён он. И понимаю, что для этого есть веские причины. Мы неспроста поспешно собрались и уезжаем. Мы бежим. Только вопрос в том, опасность грозит нам двоим или только мне? Поэтому я стараюсь держаться как можно ближе и не отставать от Владимира.

Мужчина нажимает на пульт от сигнализации, чтобы открыть автомобиль. Вдруг он застывает в двух шагах от машины. Настолько резко останавливается, что я чуть не врезаюсь в его спину. Но Вова даже это предусмотрел и, остановившись, тут же разворачивается вполоборота и ловит меня в объятия. Словно куклу переставляет, и я оказываюсь перед ним, спиной к нему и лицом к машине. Он подталкивает меня вперёд и рычит:

— Быстро в машину. Лезь на пассажирское сиденье и на пол! Спрячься! — приказывает и открывает дверь со стороны водителя передо мной.

Мужчина заталкивает меня, абсолютно растерянную, в автомобиль, но сам сесть не успевает...

— Ни с места! Руки вверх! — слышу вдалеке типичные для мента приказы.

Я разворачиваюсь на пассажирском сиденье и смотрю, вместо того чтобы спрятаться на полу. Вижу, как Владимир поднимает руки вверх, но сперва незаметно успевает бросить ключи на водительское сиденье. Смотрю на ключи, в удивлении поднимая брови. Перевожу взгляд на мужчину и встречаюсь с его стальным взглядом. Злой как черт и взглядом

показывает мне, чтобы спряталась на полу. Он стоит вплотную к открытой двери автомобиля, поэтому полностью закрывает меня от непрошеного гостя, как и гостя от меня.

Я спускаюсь на пол, и только после этого Вова медленно поворачивается ко мне спиной и ногой закрывает дверь автомобиля...

Я свободна. Только что он собственноручно предоставил мне шанс сбежать. Он ясно дал понять, что хочет, чтобы я уехала при первой же возможности. Опять вопрос застрекает в моем сознании и мешает здраво оценить ситуацию. Почему он меня отпускает? Почему Владимир хочет, чтобы я сбежала? Почему он пытается оградить меня от опасности?

Или это всего лишь уловка?

Встрянув головой, прогоняя дурные мысли, я поднимаю взгляд, чтобы увидеть того, кто угрожал Вове. И громко глотаю. Это и правда полицейский. Но он меня не видит через тонированное стекло. И скорее всего, он не успел меня заметить. Он появился после того, как Владимир затолкал меня в автомобиль. А что если этот полицейский пришёл арестовать Владимира? Что если дело об убийстве моей семьи сдвинулось с места? Вдруг Владимир всё это делает лишь для того, чтобы я ничего никому не рассказала об убийстве? Он сказал, что знает не только он, и поэтому меня хотят убить. О чём ещё может идти речь? Только об убийстве моей семьи. Они знают, что я знаю, что они убили моих родственников. Я — свидетель, а свидетели долго не живут.

Он не меня спасти хочет, а себя уберечь от тюрьмы и ответственности.

Я открываю пассажирскую дверь и сломя голову вываливаюсь из автомобиля с криками «Помогите!». Подняв руки вверх, мчусь в сторону полицейского. Слышу злобное рычание Владимира за своей спиной. Мент кивком головы показывает, чтобы бежала к нему и не боялась, а сам держит на прицеле виновника моих страданий.

Когда я оказываюсь в нескольких метрах от полицейского, он открывает правую руку словно для объятий, продолжая левой держать пистолет. Его лицо напряжено, а взгляд полностью сосредоточен на преступнике. Я резко останавливаюсь рядом и рефлекторно хватаю полицейского за свободную руку, радуясь, что я в безопасности, что наконец-то появился шанс поквитаться с подонками. Если мне не хватает силы духа собственноручно их убить, то стоит приложить усилия, чтобы их посадили за решётку до конца их жизни.

Почему я раньше этого не сделала? Потому что меня ни разу не спросили, не поинтересовались, видела ли что-нибудь, знаю ли что-то важное. Я не видела желаний полиции раскрыть это дело. Я боялась, что стоит мне сказать правду, и на следующий день меня собьёт автомобиль. Или произойдёт утечка газа в общежитии. Или я просто не проснусь из-за сердечного приступа, и неважно, что в моем возрасте сердечный приступ — это практически нонсенс.

Полицейский успокаивающе обнимает меня за плечо, и только теперь я решаюсь взглянуть в глаза Владимиру. И то, что я вижу, заставляет меня усомниться в правильности моего поступка. Он смотрит с укором, с обвинением. Брови сошлись в одну горизонтальную напряжённую линию, челюсти сжаты, желваки играют. Он боится, что я расскажу правду? А я её обязательно расскажу! Прямо сейчас!

Я расскажу всю правду. Прямо сейчас. О том, что они сделали, и что я знаю об их преступлении. Я уверена, что это далеко не единственное совершенное ими убийство. Уверена, что для них норма устранять проблемы таким образом: убивая людей. Ублюдки...

— Вы обязаны меня защитить, — говорю тихо мужчине. — Я помогу посадить этого подонка и всю их банду за решётку.

А Владимир тем временем делает шаг в нашу сторону. И ещё один. В панике прижимаюсь ближе к полицейскому.

— Стой там! — кричит тот Владимиру. А дальше уже говорит тише, обращаясь ко мне: — Замечательно. Значит, именно ты мне и нужна, — и улыбается. Вижу слишком много эмоций на его лице и делаю вывод, что для него это дело — личное.

— Отпусти её, — говорит Владимир. — Она здесь ни при чём.

Конечно, ни при чём! И никто меня не держит, я сама пришла. Зачем Владимир просит меня отпустить? Что это за очередная игра?

— Медленно подойди, — приказывает полицейский моему врагу номер один, игнорируя его просьбы.

Владимир подходит не спеша, держа руки поднятыми вверх. Смотрит то на меня — с нескрываемой злостью, то на полицейского — с ненавистью.

— Стой! И повернись ко мне спиной, — говорит правоохранитель Владимиру, когда нас разделяет не более пяти метров. Как только Владимир выполняет приказ, полицейский снова тихо обращается ко мне: — А теперь, девушка, очень осторожно, не подходя вплотную, заберите у него оружие.

С удовольствием!

Подхожу к Вове, расстёгиваю осторожно кобуру. Он опускает взгляд на мои ладони, которые уверенными движениями выполняют поставленную задачу.

— Ника, — шепчет с надрывом, — я знаю, что у тебя нет причин мне доверять, но поверь, он не тот, за кого себя выдаёт. Он не защитит тебя пришёл ...

— Заткнись, — рывкаю в ответ и забираю второй пистолет. Сейчас он скажет что угодно, лишь бы спасти свою задницу.

Отхожу назад и в сторону, чтобы не мешать полицейскому держать Владимира под прицелом.

— Готово! — говорю злорадствуя, держу оружие в руках и демонстрирую его полицейскому. Возвращаюсь к нему.

Блюстителю порядка берет у меня пистолеты и прячет за пояс. Печально слежу за его движениями. Мне было бы спокойнее, если бы один из них остался у меня.

— Садись в автомобиль, — кивает головой в сторону своей машины полицейский.

Смотрю туда, куда показал полицейский, и делаю шаг. Замедляюсь, ведь это обычный автомобиль без опознавательных знаков. Почему так, если он мент? Тревога тихонько подкрадывается, и я допускаю мысль: а вдруг Владимир сказал правду? Сразу же эту мысль прогоняю. Он просто пытается меня запугать, посеять во мне сомнения. Останавливаюсь и оглядываюсь на полицейского.

— А что будет с ним? — спрашиваю.

— Сейчас приедет подкрепление, и он поедет к месту назначения со всем почётом, —

ухмыляется, — чтобы не смог тебе навредить, — спокойно отвечает мент, и я больше не сомневаюсь в его словах. Это просто уже дурацкая привычка: никому не доверять. Но если не доверять полицейскому, пытающемуся меня защитить, кому же верить тогда?

Все складывается как нельзя лучше. Трудно поверить в то, что наконец-то всё закончится и справедливость восторжествует.

Плюхаюсь в автомобиль и с облегчением выдыхаю. Я в безопасности, а Владимир на прицеле. Они о чём-то спорят, понимаю это по движению их тел и сдержанной жестикуляции рук: у одного с оружием, а у второго — поднятых вверх. Я больше не хочу слышать и знать, о чём они разговаривают. Не хочу снова сомневаться, поэтому просто закрываю дверь и окна и включаю кондиционер в автомобиле. Мне становится жарко от всех этих событий.

Рассматриваю салон, чтобы чем-то себя занять. У полицейского в машине валяется куча хлама. Удивляюсь такой неряшливости. Я свято верила, что все служители правопорядка — щепетильные люди. Но не нужно забывать, что они все равно остаются людьми и могут иметь недостатки...

Он ещё и курит. Я тоже когда-то курила. Смотрю на пачку сигарет и чувствую непреодолимое желание снова затянуться. Это всё из-за нервов, наверное. Тянусь к сигаретам, беру пачку и кручу «убийцу лёгких» в руке. Надеюсь, их владелец не обидится, если я возьму одну. Опять перевожу взгляд в окно: они до сих пор стоят, словно мир снаружи кто-то поставил на паузу. Открываю начатую пачку и вижу, что там кроме сигарет лежит какая-то бумажка. Некрасиво копаться в чужих вещах, но я не в том положении, чтобы задумываться об общепринятых нормах морали.

Вытаскиваю бумажку и вижу там адрес. Осматриваюсь вокруг в поисках надписей на домах и понимаю, что это наш адрес — это адрес дома, в котором проживает Владимир. Вроде бы ничего такого, конечно, у полицейского должен быть записан адрес, чтобы приехать сюда. Но что-то менястораживает, поэтому я, ещё раз взглянув на мужчин, продолжаю копаться в вещах полицейского в поисках чего-то ещё, сама не знаю, чего именно. Знаю, звучит странно, но и ощущения такие же. Я хочу убедиться, что поступила правильно.

На торпедке ничего интересного не нахожу. В бардачке ещё куча хлама. И я снова задаю себе логичный вопрос: если он полицейский, где тогда его служебный автомобиль? Ладно, допустим, что он не хотел привлекать внимания, тогда зачем он надел форму? Нестыковочка, однако. И главный вопрос вспыхивает восклицательным знаком в голове: а где его опознавательные знаки? Значок или погоны, или что там у них должно быть? Боже, неужели он действительно ненастоящий? Нет, не может этого быть. Владимир точно посеял хаос в моей голове.

Я продолжаю поиски, хотя и сама себя упрекаю за мнительность. И тут слышу вибрацию и короткий характерный сигнал оповещения на мобильном телефоне. Ха! Он оставил сотовый в авто. Тянусь к телефону. Словно я преступница, бросаю украдкой взгляд на улицу, чтобы убедиться, что меня не поймают с поличным. И встречаюсь взглядом с Владимиром... Лишь на секунду, но этого достаточно, чтобы решительным движением схватить телефон и посмотреть сообщение...

В глазах темнеет, и мне требуется не менее минуты, чтобы вернуть самообладание. В конце концов я чётко понимаю, что едва не совершила самую большую ошибку в своей жизни. Это не полицейский. А если и полицейский — то продажный. «Оборотень в

погонах».

— Блять! — срывается с моих губ приглушенное ругательство, и я снова готова треснуть себя по башке за доверчивость и глупость.

Этого ряженого мента подослали, чтобы «срочно вытащить из меня информацию любым способом», а затем «ликвидировать объект». Вот только не понимаю, кто именно подослал. Вряд ли кто-то из ненавистной мне «четвёрки», так как их контактов в телефоне «оборотня» нет, либо они замаскированы под другими именами.

Владимир говорил правду. Все, что он говорил, когда мы покидали в спешке его квартиру — было правдой. Я в опасности. Он в опасности. И с минуты на минуту подкрепление действительно приедет, только не то, которое я с нетерпением ждала...

Чёрт! Нужно немедленно что-то делать!

Достаю сигарету из пачки и выхожу из автомобиля. Полицейский, не оборачиваясь, говорит:

— Я же сказал тебе сидеть в машине.

Он не говорит, а скорее приказывает. Но меня сейчас интересует не это. Я только что осознала, что якобы мент мог давно надеть наручники на Вову. А ещё он мог сам забрать у него оружие. Мог бы посадить в автомобиль. И мог бы поставить на колени... Но он ничего из вышперечисленного не сделал. Следовательно, либо он боится Вову, либо же получил приказ его не трогать. Любой из этих вариантов меня устраивает!

— Курить хочу, аж уши вянут, — говорю, украдкой бросая взгляд на Вову. — Может, у вас найдётся зажигалка? — и подхожу к менту вплотную, поднося к губам сигарету.

Тишину разрывает рёв двигателя. В нашу сторону несётся автомобиль на бешеной скорости. Мент, сука, так и не отводит взгляда от Вовы и продолжает держать его на мушке. Другой возможности не будет, а меня просто используют и уничтожат, поэтому я со всей силы толкаю перевёртыша, целясь в его плечо.

Но этого оказывается достаточно, чтобы Вова взял инициативу в свои руки. Он в мгновение ока оказывается рядом и обезвреживает мента. Мужчина оказывается на земле, получает несколько прямых ударов в челюсть от Владимира, выпускает оружие, а удар пистолетом вдогонку выбивает из него сознание. В следующее мгновение я подхватываю один из пистолетов Вовы, упавший рядом с «полицейским», а второй уже оказывается в руках Владимира. Оружие мента остаётся на асфальте.

Мы с Вовой смотрим в глаза друг другу — и это решающий момент. Сейчас мы либо встанем друг против друга, то есть каждый сам по себе и против всех, или вместе плечом к плечу будем бороться против общего врага. Пока будет необходимо, чтобы потом снова пойти каждый своим путём: я — охотиться на него, а он — на меня. Решение принимаем мгновенно и синхронно. Пока автомобиль мчится в нашу сторону, я уже обегаю машину Вовы и прыгаю на пассажирское сиденье. Он мгновение мешкает, проверяя что-то в карманах полицейского. Я тянусь через сиденье, чтобы открыть мужчине дверь со стороны водителя.

— Вова, быстрее! — рявкаю, растянувшись на двух сиденьях. Он удивлённо смотрит на меня. Ключи-то до сих пор лежат на сиденье, и я могла уехать без него. Но я не еду. Что-то останавливает меня от побега, хоть убить Владимира мне все равно не хватает решительности. Так какой смысл быть вместе с ним? Сама себя уже не понимаю.

Господи, это длится не более нескольких секунд: и моё осознание ситуации, и стычка, и заминка Владимира — а кажется, будто целую вечность. Я за это время, видимо, поседеть

успела.

К счастью, на мой крик Вова мгновенно реагирует. В то же время, пока он преодолевает несколько последних метров к своему автомобилю, я вставляю ключи в замок зажигания и завожу автомобиль. Мужчина запрыгивает в машину и, выжимая педаль газа в пол, одновременно тянется к двери, чтобы закрыть её.

Мои глаза прикипают к тому, что происходит за пределами автомобиля. В нескольких десятках метров от нас останавливается чёрный джип. Открывается окно, и оттуда выглядывает ствол... Не знаю, что это за оружие, я не настолько осведомлена, но главное, что им целятся в нас. Наш автомобиль уже набирает обороты. Вова наклоняется к ручке двери. Все, как в замедленной съёмке. Я только успеваю открыть рот, чтобы предупредить, но он уже и сам видит...

В этот момент раздаётся выстрел, а через секунду я вскрикиваю, понимая, что пуля попала в цель.

Выстрел разрезает тишину, отдаётся звоном в ушах, сжимает сердце в тиски. Хоть бы не насмерть — единственное, о чём я мысленно молюсь. Мой приглушенный вскрик вырывается одновременно с лязгом дверей. Владимир их все же закрыл, и наш автомобиль мгновенно набирает скорость, удаляясь от стрелков.

Я смотрю в ужасе на футболку мужчины, где сбоку быстро разрастается красное пятно, но повторные выстрелы заставляют меня пригнуться и вернуться в реальность, упавшей тяжёлой ношей на мои плечи...

Рядом со мной сидит мой враг, о смерти которого я мечтала в течение нескольких последних месяцев. А теперь, когда я вижу кровавое пятно на его боку и понимаю, что он может умереть — я не хочу этого! Я не хочу, чтобы он умирал! И не только из-за произошедшего сегодня, что никак не укладывается в моей голове — когда я держала за спиной нож. Просто в этот самый момент я хочу, чтобы он жил, хочу без всякой логической на то причины.

Я не знаю причин, по которым он меня защищает. Понятия не имею, чего ему от меня надо. Я уже ничего не знаю кроме того, что сейчас я не желаю ему смерти. Он окончательно меня запутал. То я хочу его убить, то просто хочу его безумно, а теперь я хочу, чтобы он жил...

Чёрт возьми, я завишу от него во всех смыслах! Моё сердце трепещет в безумном ритме. Я не хочу его потерять. Я бы его мучила, наказывала за его поступок, издевалась... а потом прощала... и снова наказывала... но не убивала. Не могу! Не хочу...

— Вова, — умоляюще смотрю на него. Вижу, как белеют его пальцы, настолько сильно он сжимает руль. Он постоянно смотрит в зеркала заднего вида, виляет автомобилем, чтобы в нас было сложнее попасть.

Я сжимаю зубы от злости. Он молчит, никак на меня не реагируя. Я не собираюсь ждать, пока нас убьют. Хватаю пистолет, который спрятала за пояс джинсов, проверяю обойму и открываю окно. Планирую отстреливаться, пока они снова не начали палить по нам...

— Совсем спятила?! — рычит Вова и дёргает меня на себя. — Спрячься, пока цела.

Я закрываю окно и снова смотрю на него.

— Чем я могу... помочь тебе? — спрашиваю тихо, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Настоящие...

Мужчина на секунду переводит на меня взгляд, в котором вновь читается искреннее удивление. Ещё большее удивление, чем раньше. Удивление сменяется болью, но не физической. Ему больно по какой-то другой причине.

— Просто не подставляйся под пули, — говорит Вова и снова сосредотачивается на происходящем вокруг.

Мужчина держит себя в руках, хотя я понимаю по увеличивающемуся красному пятну, что ему должно быть чертовски больно. Через несколько минут мы выезжаем на густо насыщенную автомобилями трассу. Думаю, здесь они уже не смогут стрелять по нам открыто. Они же не такие идиоты, чтобы открывать огонь на магистрали, пусть даже в сумерках. От фонарей достаточно света, к тому же можно попасть на видеофиксаторы.

Вова пристально всматривается в дорогу и виляет между автомобилями, не особо

сбавляя скорость. Преследователи действительно больше не стреляют. Один раз прицельно выстрелили в Вову, и ещё дважды открывали огонь, пока мы выезжали со двора. Стреляли будто наугад, для видимости. На этом всё. Теперь они просто висят на хвосте, стараясь не отставать от нас. Передумали убивать, что ли?

Вдруг Вова делает резкий манёвр, выключает фары, и наш автомобиль исчезает в тёмном переулке. Мы съезжаем на просёлочную дорогу. Оборачиваюсь, чтобы убедиться, что мы оторвались. Кажется, они нас потеряли из виду.

— Ты как? — осторожно спрашиваю, безрезультатно пытаюсь увидеть лицо Вовы, пока он медленно едет в темноте. Надеюсь, мы не разобьёмся.

— Жить буду, — отвечает он. Голос напряжённый, раздражённый, но рефлекторного страха мужчины у меня больше не вызывает. — Они не пытались меня убить, только хотели задержать. В противном случае я был бы уже мёртв, — делится предположениями Вова после небольшой паузы.

Он меня пытается успокоить или себя?

— Что ты искал? — спрашиваю, стараясь не думать о том, что нас ждёт впереди. «Нас»... Странно такое думать, не то что вслух произносить.

Вова игнорирует мой вопрос. Несколько минут мы едем в тишине, а потом мужчина останавливает машину. Хотелось бы знать зачем и понимать дальнейший план действий. Но я вижу, что ему бесполезно задавать вопросы. Если он захочет поделиться планами, сделает это сам. А если нет, из него тисками не вытащишь лишнего слова.

Владимир выходит из автомобиля и открывает багажник. Подсвечивая фонариком на телефоне, достаёт из багажника ящик. Отходит на несколько шагов и достаёт из кустов... номерные знаки. Похоже, он подготовился. Либо же для него это в порядке вещей, прятать в кустах запасные номерные знаки. Я подхожу к мужчине и предлагаю помощь, но Вова только раздражённо отмахивается от меня.

— Садись, — говорит мне, когда заканчивает возиться с табличкой.

— Куда мы поедем? — спрашиваю. Вова заводит автомобиль. Фары он оставляет выключенными. Кроме тихого шума мотора, ничто больше не указывает на то, что здесь кто-то спрячется в темноте.

— Скоро узнаешь, — говорит мужчина.

Содержательный ответ...

— Тебе надо в больницу... — не хочу, чтобы он истёк кровью на моих глазах. Тёмная часть моей души, жаждущая мести, может, этому бы и обрадовалась, но моя тёмная сторона сейчас проигрывает.

— Не надо, — возражает. — Заживёт.

Чёрт. И почему он такой упрямый?

Автомобиль медленно едет в темноте. Я едва различаю очертания деревьев вокруг. Если у Вовы здесь тайник, тогда понятно, почему он так хорошо ориентируется. Очевидно, он знает этот путь как свои пять пальцев.

Через несколько минут мы выезжаем на асфальтированную дорогу. Владимир включает фары, и мы сливаемся с потоком автомобилей. Едем молча. Я постоянно бросаю взгляды на мужчину, чтобы убедиться, что с ним все в порядке.

В какой-то момент замечаю, что он прикрывает глаза и начинает клониться в сторону. Блять...

— Вова! — вскрикиваю и перехватываю руль, потому что мы начинаем съезжать со

своей полосы прямо на другой автомобиль. Вова отпускает руль, едва я перехватываю инициативу, и откидывается назад в кресле.

— Съезжай, — говорит Вова осипшим голосом.

Не отрывая от дороги глаз, дабы ни в кого случайно не въехать, я съезжаю на обочину. Вова тормозит — немного резковато, но главное, что останавливает автомобиль.

— Ты идиот. Дурак упрямый, — шиплю на него, аккуратно задирая вверх одежду, чтобы осмотреть его рану. — Говорила же, что в больницу надо.

— Там они будут искать... в первую очередь... — вперемешку со стонами объясняет Вова.

Блять! И что мне теперь делать? За кровавым пятном я ничего не могу рассмотреть. Да и не врач я, и навыков оказания помощи при огнестрельных ранениях у меня точно нет!

— Оставь. Вбей адрес в навигатор, — говорит Вова, вяло отталкивая меня от себя.

Тянусь к навигатору. Владимир диктует адрес и объясняет, что там находится его дом, о котором никто не знает. Помогаю Вова пересесть на моё место, а сама сажусь за руль. Навигатор показывает, что ехать около сорока минут. Если поторопиться, уложусь в полчаса. Я пристёгиваю Вова ремнём безопасности. Как ни странно, он не противится, только бросает на меня слегка удивлённый взгляд. Сама тоже перестраховываюсь, фиксируя ремень безопасности, и на максимально допустимой скорости мчусь по навигатору.

Стараюсь не отвлекаться от дороги, но не могу — постоянно бросаю настороженные взгляды на Вова и волнуюсь за него. Боюсь, хоть и стараюсь контролировать свои эмоции. Со стороны кажется, будто он просто спит. Хоть бы выжил.

Эмоции... Кроме ненависти я не должна ничего испытывать... Но я больше не могу контролировать этот процесс.

Въезжаю в коттеджный городок и останавливаюсь на его окраине. Навигатор показывает, что мы на месте. Высоченный забор отделяет нас от цели. Склоняюсь над мужчиной и беру его лицо в свои ладони, надеясь, что он всего лишь спит.

— Вов, слышишь меня? Мы уже на месте. Вова?

Он медленно открывает глаза, громко глотает, а потом говорит, криво улыбаясь:

— Ещё живой. Просто уснул, — встряхивает головой, словно прогоняя дурной сон, и добавляет шёпотом: — Не дождёшься...

Хмыкаю на его слова. Если бы хотела его смерти, то выбросила бы посреди дороги как минимум. Или убежала ещё до того, как он сел в автомобиль. Или... другими словами, вариантов много. Но я бы точно не ждала, надеясь, что он сам тихонько отойдёт в мир иной.

Мужчина достаёт из кармана джинсов ключи и пульт. Нажимает на кнопку, и ворота медленно открываются. Въехав во двор, вижу в зеркале заднего вида, как ворота закрываются. Ещё несколько десятков метров мощёной дороги — и мы возле дома. Едва я паркую автомобиль, как Вова тянется к двери, открывает и выходит сам. Упрямства ему не занимать. Я выскакиваю следом и пытаюсь поддержать мужчину.

— Дойду, — говорит Вова и не позволяет себе помочь. Снова.

На всякий случай иду рядом и слежу за ним, готовясь поддержать в случае необходимости. Все это время запрещаю себе выпускать на волю эмоции, которые так и норовят вырваться наружу. Я же умею жить так: ничего не чувствовать. Быть такой же холодной и безразличной, как взгляд его голубых глаз. Мне сложнее что-то почувствовать. И так же просто оставаться ко всему безразличной, по привычке делая вид, что я такая же, как и все остальные: умею волноваться, расстраиваться, радоваться... А на самом деле не

чувствовать ничего. Я потеряла способность испытывать эмоции. Я потеряла душу. И вот впервые за долгое время я начала что-то ощущать на самом деле... рядом с ним... с моим врагом...

Но все, что оживает внутри меня рядом с ним, вытесняет моя ненависть — если не к нему, так к себе. И холодный расчёт. Именно расчёт побуждает меня сейчас делать то, что я делаю. Ничего другого быть не может. У меня нет сердца. Я просто запуталась. Почувствовала обманчивую заботу обольстительного мужчины — и запуталась. Я женщина, и это нормально, что подсознательно я жажду мужской ласки, как и все остальные. Вот почему внутри меня замешательство. Скоро это пройдёт. Обязательно пройдёт...

Владимир держится. Слегка хромает. Видно, что из-за ранения в бок страдает вся левая половина тела. Но он упрямо идёт вперёд. Открывает дверь и пропускает меня внутрь. Не произнеся ни слова, направляется к кухне. Я иду следом, словно щенок, который, обретя хозяина, боится его потерять, поэтому не выпускает из поля зрения ни на минуту. В шкафчике Вова берет аптечку и идёт в ванную. Там большая душевая кабина с выступом для сидения и ванна — или это джакузи?

Мужчина снимает одежду, морщится от боли, когда цепляет рану. Я стою и смотрю на него, а он не обращает на меня внимания, словно меня здесь нет. Вова кладёт одежду и оружие на пол и заходит в душ. Все моё внимание сосредоточено на его левом боку, окрашенном в красный цвет. Вова садится на ступеньку, и я вынуждена поднять глаза выше, почувствовав его пронзительный взгляд на себе. Он смотрит на меня, смотрит прямо в душу, и чувство вины накрывает меня с головой.

Какого черта я чувствую себя виноватой? Почему я должна чувствовать вину, если предомной убийца моих родителей, брата, убийца моей души? Я должна ненавидеть его и желать ему смерти. А вместо этого я сожалею, что его ранили, когда он защищал меня. Да если бы его даже убили, моя совесть не должна подавать признаков жизни. Что со мной происходит? Я теряю контроль...

Полностью теряю контроль... потому что подхожу к нему ближе и шепчу:

— Прости.

Что-то мелькнуло в его взгляде, словно радуга посреди зимы. Будто он увидел кусочек рая в аду. А потом снова стужа. Голубые глаза, пронзающие душу насквозь, выворачивают нутро, разрывают сердце на куски.

Мне хочется рыдать от безысходности. Мне хочется кричать навзрыд и рвать на голове волосы. Я схожу с ума. Я хочу его. Хочу быть с ним. И ненавижу его. И хочу убить его. И хочу обнять. И хочу бить его кулаками что есть мочи. Меня разрывает на части. Меня бросает в ледяную воду, а затем обжигает адским огнём. Внутри происходит миллион взрывов. Церберы когтями разрывают мою душу, кромсают её и подвергают невыносимым пыткам. Во мне настоящая война с сотнями жертв. Я переживаю апокалипсис, свой внутренний апокалипсис, но от этого не менее болезненный. Все это внутри меня...

А снаружи — я такая же, как была. Стою и смотрю. Возможно, он увидел мою внутреннюю войну, так же, как я вижу в его глазах борьбу двух разных личностей, две грани: человечности и жестокости, две противоположности.

Вова кивает мне, чтобы подошла.

И я иду, мысленно выдыхая с облегчением, когда вижу, как напряжение спадает и в его взгляде, и в его теле. Мужчина выглядит расслабленно, спокойно, словно с его плеч сняли тяжёлый груз. Впрочем, я чувствую то же самое...

Я подхожу и помогаю ему обработать рану. Плохо понимаю, что делаю, просто следую его указаниям... Потому что мои мысли совсем не поддаются контролю.

Я касаюсь его крепкого тела и выпуклых мышц руками и мысленно целую их... Целую? О, нет! Облизываю самым неприличным способом. Каждый кусочек его кожи, каждую часть его тела...

Каждое наше соприкосновение, каждый контакт — это столкновение двух галактик. Происходит неизбежный взрыв.

Финальный штрих: я накладываю повязку, стоя перед ним на коленях. А сама дышу глубоко, утопая в мужских феромонах. Я словно не медицинскую помощь оказываю, а занимаюсь прелюдией к бурному...

Я схожу с ума. Мои руки до сих пор лежат на его коже, а затем продолжают медленно путешествовать по телу вверх, вниз, жадно исследуя, кайфуя. Мой наркотик... Моё безумие...

— Ненавижу тебя... — шепчу, не поднимая глаз.

Глава 16

— Ненавижу тебя ... — говорю тихо, не глядя на мужчину, не понимая, как совладать с эмоциями, разбушевавшимися внутри меня.

— Я знаю, — отвечает он и прикасается указательным пальцем к моему подбородку, большим очерчивая контуры губ.

Выдыхаю, будто вынырнула из воды после длительного заплыва, и захватываю его палец, засасывая глубоко и неприлично одним жадным движением. И так же резко останавливаюсь. Чувствую, как у меня срывает тормоза, происходит короткое замыкание, и отказывает здравый смысл. Вспыхивают обнажённые инстинкты, пробуждённые этим мужчиной. И должна признаться, если бы я не думала о том, кто он, с удовольствием отдалась бы этим инстинктам до конца. Но нельзя. Нельзя...

Нельзя... сдержаться и отказать ему. Отказать себе. Поднимаю глаза. Мой рот приоткрыт, губы расслаблены и дрожат... для него... из-за него. Стою покорная: делай что хочешь. Только делай, пожалуйста.

Вова улыбается одними глазами. Улыбка того, кто знает, что уже победил, хотя финальная битва ещё впереди. Но я пока что не проиграла. Это лишь временное поражение. Проигран бой, а не война. Я смогу взять себя в руки. Обязательно. Но потом...

Моё тело охватывает волна возбуждения, скапливается внизу живота и давит, требуя освобождения. Это словно держаться за оголённый провод с вероятностью пятьдесят на пятьдесят: убьёт или только покалечит. Я будто до предела натянутая струна в ожидании, чтобы на ней сыграли особую, такую желанную мелодию.

Вова чертит линию на моих губах, останавливается, слегка нажимает на нижнюю, обнажая мои зубы. А я вздыхаю и прикрываю глаза, растворяясь в его прикосновениях.

— Ты желаешь мне смерти, — тихо говорит. Он не спрашивает, потому что знает, что это правда.

А я молчу. Я пропускаю мимо ушей его слова. Я жду, сгораю от нетерпения, когда он наконец-то начнёт ...

— Ты обманула меня, — продолжает. Меняет положение пальцев, вставляя указательный в мой послушный рот и проводит им по языку. Я принимаю его и глубоко засасываю. — Я просил рассказать правду, но ты врала, — вставляет ещё один палец, изучая ими мой рот.

Мои руки тянутся к его ширинке...

— Я говорил, что смогу позаботиться о тебе, смогу помочь, если ты скажешь, зачем пришла в отель?

Опять слова мужчины проскальзывают мимо моего сознания, словно голос радиоведущего: самое время подумать о чём-то своём, но отнюдь не слушать его слова. Только его голос такой манящий, приятный, отдаётся вибрациями... там...

Пальцы исчезают из моего рта, и резкая вспышка боли приводит в чувство. Вова сжимает мои волосы в кулаке и резко дёргает меня назад.

— Почему?! — шипит мне в лицо. — У тебя что, напрочь отсутствует инстинкт самосохранения? Почему ты не сказала мне правду?!

— А если и так? — бросаю в ответ с вызовом. Вспыхиваю ненавистью и сжимаю зубы от ярости и боли. — Отпусти!

— Да пожалуйста! — рывкает и отдёргивает от меня руку.

Вова встаёт, опираясь о стену. Обходит меня. Смотрю на него удивлённо. Я другого ожидала. На пороге ванной комнаты мужчина оборачивается.

— Если надоело жить, делай что хочешь, — бросает напоследок и выходит.

И как его понимать? Просто оставил меня в одиночестве. Взволнованную, возбуждённую, разгорячённую его же действиями...

Показалось, будто капля покатила по щеке. Провожу рукой по лицу и удивлённо таращусь на свою ладонь. Действительно, слеза. Настоящая. Внутри всё сжимается в тугий узел. Не понимаю, это разочарование, боль или уязвлённое эго?

Выхожу из ванной комнаты, прихватив пистолет, оставленный Владимиром. Обуваюсь. У выхода на полке лежат ключи и пульт. Смотрю, колеблясь, что же делать дальше.

Разве что повеситься.

Я неудачница. Хотела убить мерзавца, а вместо этого... Какой смысл оставаться рядом с ним? Лучше уехать, уйти, исчезнуть, забыть о его существовании...

Черт!

Ноги словно приросли к полу. Собираю волю в кулак и беру ключи от автомобиля. Уверена, он у него здесь не один. Как-то обойдётся. И с какой стати я вообще должна думать о нём? Пусть катится в ад! Он заботится только о себе, о своей шкуре. Не стоит фантазировать, что я ему зачем-то нужна или что он вдруг начал волноваться обо мне. Когда он убивал самых близких мне в мире людей, он не думал, что лишает невинных людей жизни. Хладнокровно спустил курок. Оборвал всё в одно мгновение.

Ненавижу!

Вова...

Сажусь в автомобиль, пока не передумала. Открываю ворота и выезжаю с территории. Выхожу и перебрасываю пульт от ворот через забор. Мне он ни к чему. Сажусь в автомобиль Владимира, вжимаю педаль газа и мчусь быстрее от своей «слабости», от ахиллесовой пяты, поломавшей все мои планы и устроившей в душе беспорядок.

Еду в никуда, не оглядываясь, не думая, что буду делать дальше. Слезы постоянно катятся по щекам, застилая глаза. Жму педаль газа. Может, разобьюсь — и тогда в одно мгновение все мои проблемы исчезнут. Нехорошо так думать, но я действительно не знаю, что мне делать дальше. Я понятия не имею, как жить с этой ненавистью. Я не знаю, как жить с чувствами, стремительно рвущимися наружу.

Мышка заигралась...

Такое впечатление, что все те чувства, которые раньше не давали о себе знать, вдруг вспыхнули сокрушительным взрывом. Это не просто отчаяние, не просто слезы, не просто тупик — это истерика. И я знаю только один способ всё это прекратить.

Я еду домой. Еду к дому, где я провела детство, к дому, с которым меня связывает много воспоминаний, преимущественно хороших. Отчий дом — это то место, где можно привести в порядок мысли. Это место, к которому тянутся мои изуродованные душа и сердце. Во всяком случае, так мне кажется.

Несколько часов я именно этим и занимаюсь: сижу на пороге своего дома и думаю. Вспоминаю прошлое, вспоминаю свою семью. Думаю, какими мы были когда-то. Моя жизнь была полноценной, а сердце — цельным. Сейчас же остались одни кровавые осколки.

Я захожу в дом, но не чувствую ничего. Думала, что каким-то чудом именно здесь я найду выход из ситуации, созданной мной же. Я хотела мести, а вместо этого лишь

разоблачила себя, усложнила задачу. Потому что дура. Слеплённая ненавистью. До сих пор такой остаюсь.

Внезапно приходит осознание, что я не просто хочу их убить, а хочу умереть сама. Я понимаю, что убийство не принесёт желанного облегчения. Но оно необходимо, словно последняя деталь пазла, лежащая перед носом и мозолящая глаза. Просто поставь на место — и картинка сложится.

А ещё я понимаю, что в этом доме не осталось ничего родного моему сердцу. Это только горы кирпичей, лишённых души вещей, которые легко заменить другими. Мои душа и сердце мчались сюда в надежде увидеть людей, которых больше нет. Ум понимает, что это невозможно, но сердце... Оно отчаянно сопротивляется, требуя чуда, которое никогда не произойдёт.

Гори оно всё синим пламенем!..

Я смогу начать новую жизнь, только если сожгу мосты, ведущие к прошлому, мосты, затягивающие меня в вихрь боли и одиночества. И сжечь... сейчас я об этом подумала буквально. Ищу спички или зажигалку. Нахожу на кухне. Чиркаю и подношу к шторам. В полной темноте разрастается маленький огонёк. А я улыбаюсь сквозь слезы. Я обрываю мосты... подрываю их к чёртовой матери!

Стою на пороге своей комнаты. Не вижу, но точно знаю, где стоят мои любимые фотографии. И смотрю на них. Помню каждую улыбку, каждую маленькую морщинку на лицах родителей, которые навсегда останутся для меня молодыми. Помню недовольное лицо и кривую улыбку брата, ненавидящего фотографироваться. Помню себя в тот момент: счастливую и беззаботную.

Всё это в прошлом. Сердце, заткнись и прими правду! Я их больше никогда не увижу. Не обниму. Не поговорю. Не поссорюсь из-за пустяка.

Оборвать все мосты...

Подхожу к фотографии, поджигаю её и иду в спальню родителей. Больше ни минуты не колеблясь, вытирая предательские слезы, позволяю маленьким огонькам облизать всё. Пускай насытятся и вспыхнут огромным пламенем, сжигающим ниточку, за которую я до сих пор держалась. Пусть огонь сожжёт все пути к отступлению.

Только так, на пепелище прошлого я построю своё будущее.

Или же отправлюсь в ад вместе с теми, кто превратил мою душу в чёрную дыру. Как родительский дом сгорит и превратится в пепелище, так же и моя душа давно выгорела и превратилась в кучку чёрного пепла.

Выхожу из дома, медленно, но уверенно пожираемого огнём. Смотрю на пламя, как оно выглядывает из окон, разрастается по поверхности, поглощая все на своём пути. Становится слишком жарко. И слишком пусто. Мне больше нечего здесь делать, поэтому я сажусь в автомобиль, последний раз взглянув на пожарище моей беззаботной жизни.

Жаль, что от боли в душе невозможно так же легко избавиться.

Завожу автомобиль и принимаю окончательное решение, что следующим моим пунктом назначения станет отель...

Но я успеваю отъехать от дома метров на сто, не больше, когда мне резко преграждают путь и замыкают в кольцо из трёх автомобилей. Хорошо, что стекло в автомобиле Вовы тонированное. Поэтому я спокойно тянусь за пистолетом. Проверяю обойму. Сажу и жду, держа оружие наготове. Вот и хорошо, не придётся ехать к ним и думать, как попасть внутрь. Сами нашлись. К собственному удивлению, я облегчённо выдыхаю. Все напряжение уходит в

одно мгновение.

Но они не спешат покидать свои автомобили. Как и я. Никто не выходит, но так вечно продолжаться не может. Они ждут, что я испугаюсь и выйду из машины? Ага, конечно, это не я уже побежала? Спустя несколько секунд, в течение которых я успела обдумать сотню вариантов развития событий, окно одного из автомобилей приоткрывается, и оттуда «выглядывает» рука с оружием.

— Выходи! — звучит громкий приказ.

Если я выйду, то уже ничего не смогу сделать. Пускай сами подойдут! Если бы хотели убить — давно бы уже открыли огонь на поражение. Не сомневаюсь, они знают, что я здесь, и что они следили за моим домом. И видели, как я села в машину...

Сыграем по моим правилам, и тогда одного из них я наверняка отправлю в ад.

— Выходи, сука! Иначе я сам тебя вытащу, — узнаю голос Бориса, в этот раз с истерическими нотками, а не такой самоуверенный, словно он король мира.

В следующее мгновение истерическая улыбка расплзается по моему лицу. А я не выйду. Пусть покажет, как он меня собирается вытаскивать.

— Мы не хотим тебе навредить, — кажется, это заговорил Иван. Он сидит в другой машине, поэтому невольно поворачиваю голову в его сторону. — Скажи, где Вова и на кого ты работаешь, и мы тебя отпустим. Живой! — добавляет для убедительности.

А у меня брови лезут вверх. Встряхиваю головой. Я что-то не могу въехать: Вову кто-то похитил или они думают, что это я похитила Вову? Или Вова в опасности?..

Блять!

Меня этот мужчина либо сведёт с ума, либо загонит в могилу.

Вова...

Пока я тупо таращусь на автомобиль, в котором сидит Иван, слышу, как с другой стороны кто-то дёргает ручку двери. Слышу, как Иван рывкает на того, кто решил пойти напролом:

— Дебил, сядь в машину!

Начинается непонятный «движ», а я быстро отползаю на пассажирское сиденье, полужёжа лицом к мужчине, который пытается открыть дверь. Целюсь в его сторону. Легким движением пальчика нажимаю на кнопочку, чтобы разблокировать замки. Сейчас я, очевидно, напоминаю Джокера безумным взглядом и улыбкой маньяка.

— Ну привет, Боря! — говорю, когда он открывает дверь машины, и, ни секунды не колеблясь, нажимаю на спусковой крючок, целясь прямо в его сердце.

— Сдохни, сукин ты сын!

Борис открывает дверь автомобиля. Его глаза расширяются от ужаса, от осознания того, какую ошибку он допустил. Я выпускаю в него пулю. Тело мужчины становится мягким, теряет опору, словно кто-то вытащил из него стержень, и плавно оседает на мои ноги. Я сталкиваю его на асфальт. Слышу шум, крики, но не могу разобрать слов. В ушах стоит звон выстрела. Я слегка дезориентирована.

Меня окружают со всех сторон. Начинаю палить вслепую. Стреляю, надеясь отправить на тот свет ещё хотя бы одного. Но патроны быстро кончаются. Я ложусь на сиденье и откидываюсь назад, закрывая глаза. Сжимаю ладонями виски, провожу по голове, пытаюсь этим движением унять головную боль, вспыхнувшую внезапным приступом мигрени. Но боль не проходит.

Я проиграла. Дальше бороться нет смысла. Мой живот вздрагивает беззвучной, истерической вспышкой смеха, которую никак не получается успокоить. Кто-то позади открывает дверь, отнимает оружие, выкручивая мою руку, хватая за запястье и вытаскивает на улицу. Меня волочат прямо по асфальту за одну руку, а я не могу унять истерический смех...

Мужчины скручивают меня и надевают наручники. Заталкивают в свой автомобиль, не гнушаясь между прочим несколькими ударами подкрепить серьёзность своих намерений. Чтобы не сопротивлялась...

Но я и не сопротивляюсь. Я смотрю на Бориса, истекающего кровью, и понятия не имею, что чувствую теперь. Думаю о том, что я шагнула за грань, после которой уже никогда не стану прежней. Я убила человека. И чем я после этого лучше тех, кого ненавижу? Тем, что я считаю, что поступила правильно? Так они ведь тоже уверены, что правильно поступают. Они убеждены, что наказали должника, проучили, воплотили угрозу в жизнь, чтоб другим было неповадно. Они уверены, что их поступки обоснованные и правильные.

Так чем я лучше их? В чем заключается разница между нами? Я тоже верю, что поступила правильно, лишив другого человека жизни. Если раньше между нами была чёткая граница, то теперь она исчезла. Теперь я ничем не лучше. Я такая же убийца, жестокая тварь, заслуживающая смерти. Так что... пускай убивают...

Смерть врага не принесла мне облегчения. Смерть врага легла тяжёлым камнем на душу, от которого мне никогда не избавиться. Единственное, что меня искренне радует сейчас, что я все-таки не смогла убить Вову. Что рука дрогнула, не хватило смелости. Если бы я убила его, не представляю, что бы случилось со мной.

Как бы я ни пыталась себя обмануть, мышка всё же заигралась: она стала равнодушной к коту.

Борису оказывают первую помощь... Не знаю, чем там уже можно помочь... Я больше на него не смотрю. Поворачиваю голову, чтобы увидеть, кто сидит рядом. Я их не знаю. Думаю, меня с двух сторон зажали охранники. С безразличием, хладнокровием на лицах. Профессионалы. Обычные исполнители. Впереди водитель. А рядом с ним — Александр...

Интересно, а Иван едет следом? Или Александр сам справится? Вспоминается почему-то, как Боря говорил, что у Алекса огромный член. Но вряд ли мне его члена нужно бояться. Хотя зависит от того, как его использовать. Но пугать тем, что они вчетвером пустят меня по кругу, уже не получится. Один сдох, второй ранен, хотя и не мной. Но он в своём доме,

далеко отсюда. И вряд ли он знает, что здесь происходит.

По крайней мере, я надеюсь, что Вова дома и с ним все в порядке. Он должен был принять антибиотики, обезболивающее, снотворное, или что там ещё, и пойти спать. Он сказал: делай что хочешь, вот я и сделала.

Так что остаются двое: Иван и Алекс.

Я слежу за дорогой и быстро понимаю, что мы едем в гостиницу. Ну, кто бы сомневался. Они не изменяют традициям. Все важное должно происходить в притоне под названием «отель». Конечно, притон шикарный, но сути это не меняет.

Мы доезжаем до стоянки возле отеля. Меня грубо выталкивают наружу и тянут внутрь здания, тыча оружием в спину. Ведут по коридорам первого этажа. Спускаемся по лестнице вниз. Об этом помещении я не слышала... И от догадок холодок идёт по спине.

Меня заводят в комнату, где я сразу понимаю, что они планируют делать и каково назначение этого помещения. Меня собираются допрашивать.

Или пытаться.

Двое мужчин стоят рядом со мной. Те самые, что сидели в автомобиле и вели меня в отель. Один из них направляет на меня ствол и отходит на безопасное расстояние. Второй освобождает мои руки от наручников и толкает меня на металлический стул с фиксаторами, в которые сразу же заковывает мои руки.

— Без выкрутасов, — приказывает тот, что с оружием, а второй наклоняется и то же самое делает с ногами — фиксирует ремнями.

Ещё бы маску на меня надели, чтобы не покусала. Здоровые мужики, а я — всего лишь слабая девушка, и такие почести, такие меры безопасности.

Чувствую себя странно. Рефлексы совсем отказывают. Как там говорил Вова, полностью отсутствует инстинкт самосохранения? Очевидно, так оно и есть. Потому что, когда заходит Алекс, а следом и Иван, я смотрю на них не со страхом, а с отвращением. Я хочу, чтобы они увидели всю мою ненависть, все презрение, всю мою боль, превратившую меня в такое же чудовище, как и они сами.

Иван обходит меня будто диковинного зверя и останавливается слева от меня. Алекс берет стул, которых здесь в изобилии, тянет его со скрипом по полу. Затем мужчина разворачивает стул и «седлает» его, повернувшись ко мне лицом. Он сидит, опираясь руками на спинку и широко расставив ноги.

Невольно опускаю взгляд на то место, о котором говорил Боря. Спинка стула резная, из деревянных перепонки под старину. Но меня интересует не красота изделия, а то, что спрятано за ним. Мне до сих пор не даёт покоя мысль, насколько же большой член у Алекса? И вовсе не потому, что этот мужчина вызывает у меня интерес. Просто эта мысль помогает отвлечься от другой: что меня ждёт? Как далеко они зайдут? И что им от меня надо?

— Где Вовка? — спрашивает Алекс, пока что спокойно.

Я смотрю ему в глаза и неопределённо жму плечами.

— Не знаю, — говорю я. — Позвони и спроси у него сам.

— Он не берёт трубку! — рявкает мне в ухо Иван. От неожиданности я вздрагиваю. А таким тихим казался... — И последний раз его видели с тобой, когда он поймал пулю!

Вова не отвечает на звонки? Запрещаю себе думать о том, что с ним что-то могло случиться. Но разрешаю себе думать, что я волнуюсь о нем. Моя чёртова ахиллесова пята. Моё противоречие и смятение.

— Говори, что ты с ним сделала, тварь, — шипит Алекс, брызгая слюной.

— Ничего, — отвечаю коротко. И это правда.

— Что ты делала в том доме и зачем его сожгла? — Алекс спрашивает на повышенных тонах, а я поднимаю в удивлении брови.

Так они не знают, кто я?! Конечно, разве они могли подумать, что я подожгла свой собственный дом? Нормальному человеку такое бы и в голову не пришло. Но я ведь НЕ нормальная.

— Она так просто не расколется. Хорошо обучена, — говорит Иван, а мои брови подскакивают ещё выше. Опарашенно тарашусь на него.

Это чему я обучена? Что они задумали? И за кого они меня принимают?

— Слушайте, — обращаюсь я к мужчинам, пока один из охранников идёт к шкафу у стены комнаты. Шкаф я только сейчас заметила, — вы меня принимаете не за ту, кем я являюсь. Я обычная девушка, оказавшаяся не в том месте и не в то время. Отпустите меня, и я никому ничего не скажу. Клянусь.

Пожалуй, я говорю это слишком обыденным тоном, не вложив достаточно эмоций и истерических ноток в свои слова, потому что Иван хмыкает скептически, а Алекс встаёт и резко отбрасывает в сторону стул, на котором сидел.

— Вова уже повёлся на этот бред, а теперь его тело зарыто где-то в лесу, чтобы стать кормом для червей, да?! — орёт мужчина и в два широких шага оказывается рядом, угрожающе нависая надо мной.

Звук от пощёчины разрезает тишину, на мгновение повисшую в помещении. Хочется приложить руку к щеке, которую теперь жжёт огнём, но мои руки связаны.

Снова сосредотачиваю внимание на его ширинке...

Увы, не особо отвлекает. И вдруг вопрос, засевший занозой в моем мозгу, вырывается вслух:

— А у тебя действительно очень большой член? — поднимаю взгляд и смотрю Алексу в глаза, лукаво улыбаясь. И представляю, как медленно отрезаю ему «хозяйство» под самый корень. — И удобно тебе? Не мешает? — хитро щурюсь, указывая взглядом аккуратно на его «имущество».

Мужчина вспыхивает яростью, моментально краснеет. Он понимает, что я издеваюсь. Он стесняется своего большого члена? Ха! Догадываюсь, что на самом деле это проклятие, а не подарок судьбы. Я попала в десятку.

Алекс резко разворачивается, подходит к шкафчику, что-то шепчет охраннику, а сам возвращается со скотчем и заклеивает мне рот.

Гениально! И как я теперь расскажу им то, что они хотят услышать?

Похоже, им просто надо на ком-то выместить свою злость. Борис сдох моими стараниями. Вова исчез, и, по их мнению, в этом тоже виновата я. Они уверены, что я его убила. Им плевать, что я скажу. Они все равно осуществят задуманное. И вряд ли мне это понравится.

Алекс хватает меня за шею и ударяет тыльной стороной ладони по лицу. Боль отдаёт набатом в голове. Перед глазами темнеет, и я чувствую лёгкое головокружение. Во рту кисло-металлический привкус крови.

Медленно поднимаю голову и смотрю на мужчину исподлобья. Моё пренебрежение и отсутствие страха вызывают ещё большее недоумение и злость.

— Я её убью! — рычит Алекс и замахивается, сжав пальцы в кулак.

Иван перехватывает его руку.

— Стой. Не перегибай палку. Если Вовки с нами нет, пусть ею займутся другие специалисты. После этого она и мать родную продаст. Пойдём лучше кофе пока выпьем, — говорит Иван.

Между строк улавливаю интересующую меня информацию. Получается, Владимир ответственный за... как бы это правильно назвать... допросы? Допросы с пристрастием? пытки? Я и не сомневалась, что он мерзкая, отвратительная, бездушная тварь!

Ненавижу!..

И всё равно не смогла бы его пристрелить, как легко это сделала с Борисом. Не могу его ненавидеть настолько, чтобы хладнокровно убить. Поэтому ненавижу ещё больше за то, что он сломал во мне стержень, который я старательно возвращала в течение нескольких последних месяцев.

Из-за него я потеряла семью. По его вине я потеряла себя, и месть навязчивой идеей застряла в моей голове.

Он виноват в том, что сейчас я оказалась здесь!

А я волнуюсь и думаю о том, жив ли он? Все ли с ним в порядке?

О Боже, две противоположности во мне либо в конце концов определятся, какая из них сильнее, либо съедят мой мозг окончательно!

Ненавижу его!

Хочу его?

Или и то и другое?

Так или иначе, а именно на его гнилой совести будет то, что сейчас случится со мной...

...Потому что из разговора Алекса с Иваном я чётко поняла, что сейчас меня ждёт. Не в деталях, конечно, но воображение нарисовало яркие и весьма жуткие картинки. Сейчас самое время начинать бояться, ведь я остаюсь один на один в комнате с двумя хладнокровными палачами.

Я остаюсь одна в комнате с двумя мужчинами, задача которых очевидна — причинить мне боль. И, боюсь, они с ней легко справятся. Смотрю на них, мычу в надежде достучаться...

Но они меня не слышат и слушать не хотят, иначе бы содрали этот проклятый скотч с моего лица. Один из них разминает свои пальцы, сплетая их между собой. На его лице ноль эмоций. Я понимаю, что его действия — это прелюдия, чтобы мой страх возрастал с каждой секундой.

Они оттягивают начало, смакуют мои эмоции, мою панику, мой взгляд, полный ужаса...

Мои глаза расширяются от жуткого предчувствия, потому что второй мужчина держит в руках что-то вроде горелки, струящейся жёлто-синим пламенем, и он идёт ко мне...

Я сопротивляюсь насколько могу, учитывая, что я связана по рукам и ногам. А потом боль затмевает все... Невыносимая, всеобъемлющая, адская боль... Взор застилает тьма. Помню свои крики, стоны, слезы... Беззвучную мольбу, чтобы всё это закончилось...

Но все только начинается...

Несколько минут длиной в целую вечность. Несколько красных жгучих отметок, оставленных на моей коже. И пытки наконец-то сменяются непродолжительным перерывом. Мужчины отходят, оставаясь в поле моего зрения. Они подкуривают сигареты, молчат и смотрят на меня. Взглядом залезают под кожу, проникают в мозг и играют на нервах, как гитарист-виртуоз на струнах.

Они ничего не спрашивают, ничего не требуют, и от этого становится ещё хуже. Потому что когда знаешь, что есть надежда на спасение, что можно что-то сделать, чтобы прекратить страдания — становится легче. Когда понимаешь, что скоро боль пройдёт — становится легче. Когда осознаешь, что на все есть своя причина — становится легче. Но когда оказываешься игрушкой в руках монстров на неопределённый срок — надежды нет, и от этого боль удваивается.

Я опускаю взгляд. Не доставлю им такого удовольствия. Не хочу, чтобы они меня сканировали, видели мой страх и боль и мучили ещё и болезненным ожиданием.

Но моим палачам это не нравится.

Молча, ничего не говоря, один из них подходит ко мне и, грубо схватив за подбородок, заставляет поднять голову. Но как только он отходит, я опускаю голову снова. Нет, я не скажу, что это храбрость из меня попёрла или упрямство лезет наружу. И даже не желание поиграть на их нервах. Просто от безысходности я дохожу до того состояния, когда хочу ускорить процесс. Я хочу, чтобы всё быстрее закончилось, что бы ни подразумевалось под словом «всё», потому что ожидание оказывается ещё более тяжёлым, угнетающим, ещё более пугающим, чем сам процесс.

Крепко зажмуриваюсь, когда мужчина, увидев, что я не слушаюсь, идёт ко мне шагом, в котором чувствуется чёткое раздражение.

В панике пытаюсь угадать, какое издевательство меня может ожидать, чтобы не было неожиданности, чтобы не было так страшно.

Но ничего не происходит, потому что открывается дверь, с грохотом ударяясь о стену. Вибрации волной сокрушают тишину, острым ножом разрезают мой страх, липкой

субстанцией зависший в воздухе.

И я слышу знакомый голос...

— Вон отсюда! Я сам!

И сотрясаюсь от ещё большего шока.

Он пришёл. Но я не чувствую облегчения, потому что я помню слова «если Вовы нет...», и вывод, который я сделала — он допрашивает людей. Он — палач. И несмотря на то, что он меня защищал, я до сих пор не понимаю, что у этого человека творится в голове и чего от него ждать. И я не знаю, что ему известно и что рассказали ему «партнёры».

«Я сам...»

Он пришёл, чтобы поиздеваться надо мной, причинить мне ещё большую боль. Добить окончательно.

Или все же нет?

Не стоит зря тешить себя иллюзиями. Нужно готовиться к худшему. Хватит наступать на одни и те же грабли, доверяя людям. Никому нельзя верить, ведь каждый всего лишь преследует собственные интересы. Так же и Вова... Он знает, кто я. О чем-то догадывается, что-то можно было домыслить. И теперь игра продолжится, только уже на другом уровне.

Теперь я не секс-игрушка. Я игрушка для палача.

Я пока не смотрю на него. Слышу удаляющиеся шаги и звук закрывающейся двери.

Итак, мы здесь остались вдвоём. Слышу тяжёлое дыхание Вовы и даже представляю его в полной красе. Но взглянуть не решаюсь. Я боюсь ещё больше разочароваться.

Внезапный грохот заставляет меня вжаться в мой «трон». Невольно смотрю на источник шума и понимаю, что Вова швырнул со злости стул. Потом слышу его голос, совершенно лишённый эмоций:

— Посмотри на меня.

И я покорно поднимаю голову и смотрю. Я не могу не выполнить его приказ, потому что моё тело снова мне изменяет и подчиняется ему.

Мне больно. Мне страшно. Мне надоели эти игры. Я не выдержу пыток. Я ничего больше не хочу, только чтобы мне не причиняли боль. Настоящую боль...

Ожоги — это ещё мелочи, всего лишь разминка. Я понимаю, что они способны сделать из меня тряпку, которая будет ботинки им лизать, лишь бы они остановились. А этот ледяной взгляд голубых глаз уже причиняет боль, хотя Вова ещё ничего не сделал.

Я готова на всё, чтобы это закончилось, не успев начаться. Действительно на всё. Я явно переоценила свои возможности. Агент из меня получился бы никудышный. Первое же задание провалила бы с треском. Я слишком слабая.

Владимир быстро приближается. Я застываю. Конечно, в моем положении сложно сопротивляться, но я и не пытаюсь. Просто смотрю на него... и вспоминаю наши ночи...

Помню безумный секс и моё желание.

Вспоминаю, как я хочу его. И боюсь. И ненавижу. И все смешалось в бесноватом коктейле.

— Доигралась? — спрашивает, наклоняется и накрывает своей большой ладонью мою шею. Сжимает, мешая мне свободно дышать. Но я понимаю, что он пока что сдерживается и не выпускает на волю своего зверя.

Пока что...

Свободной рукой Вова срывает скотч с моего лица. Проводит пальцем по моим губам. Нежно. Я закрываю глаза, размышляя, что же он задумал. Хочет усыпить мою бдительность,

прежде чем причинить новую боль?

Его палец скользит по моей шее, опускается на скулу и касается покрасневшей от удара Алекса кожи. На мгновение показалось, что он меня жалеет. Именно что показалось, потому что в следующее мгновение рука, которая только что ласкала моё лицо, с размаху ложится на мою вторую щеку. Я вскрикиваю, но не столько от боли, потому что удар оказался пока что лёгким, а скорее от неожиданности.

Вот он, настоящий Вова.

Но лучше уж он, чем кто-то другой. Я вдруг осознаю, что мне будет легче выдержать пытки, если палачом будет он. Потому что кроме агрессивных вспышек кровожадного зверя в его глазах я вижу и... любовь. Или хочу видеть. Должно быть какое-то объяснение тому, что он меня защищал, как и причина для того, что сейчас он причиняет мне боль.

Так же неожиданно, как нанёс обжигающий кожу удар, мужчина освобождает мои руки и ноги, подхватывает меня и перебрасывает через плечо.

— Самое время сопротивляться и паниковать, — тихо говорит, пока моё слабое и безвольное тело висит на нём, согнутое пополам.

Я не могу сопротивляться. Рефлексы отказывают. Я растеряна. Мне страшно. Но я... рада, что он рядом. Пожалуй, мой ум окончательно отшибло от его пощёчины, потому что я радуюсь тому, что он забирает меня. И неважно, куда. И плевать, что он только что меня ударил. И всё равно, что планирует со мной делать дальше. Он рядом — это главное, потому что моё тело отзывается трепетной дрожью и полной потерей собственной воли.

Неужели я думала, что злость и ненависть смогут вытеснить то безумное притяжение, которое я испытываю к этому мужчине? Странная жажда моего женского «я» принадлежать и повиноваться ему никуда не делась.

— Какого черта?! — рычит Алекс, когда Вова выносит меня из комнаты для допросов. Я не вижу Александра, потому что моя голова, как и руки, безвольно свисает вниз, словно я потеряла сознание. К примеру, от страха и шока. А спина Владимира становится всё более напряжённой. Его рука сильнее сжимает мои ноги.

— Такого, что я забираю её к себе, — фыркает в ответ Вова. — Вот эта пародия, которую вы тут устроили — для любителей.

Я не понимаю, о чём он говорит. Но главное, что никто не пытается остановить Владимира, и он беспрепятственно несёт меня дальше. Вот только куда?..

Я больше не пытаюсь что-то понять. Такое впечатление, что моё тело действительно «потеряло сознание», а органы чувств ещё рефлекторно реагируют на раздражители вокруг и подают сигналы в мозг, совершенно не понимающий, что от него требуется. Другими словами, мой мозг отказывается переваривать информацию.

Вова несёт меня по коридору. Спускается по узкой лестнице ещё ниже. Останавливается и роется в кармане. Открывает замок и распахивает дверь. Закрывает. Делает ещё несколько шагов и кладёт меня на что-то мягкое — кажется, кровать. Делает это бережно. Слышу, как из его груди вырывается тихий стон, когда он меня опускает. Рана даёт о себе знать? А я уже было подумала, что он совсем не чувствует боли.

Я лежу тихо. Кажется, у меня шок, потому что даже если бы хотела пошевелиться, тело отказывается слушаться. Через несколько секунд шаги возвращаются. Пытаюсь дышать ровно, но не получается... Блять. Такое странное состояние, ведь я чётко ощущаю его взгляд на себе, хотя мои глаза закрыты. Я не выдерживаю и открываю глаза... и встречаюсь с его взглядом.

Моё дыхание окончательно сбивается, словно кто-то вытолкнул воздух из моих лёгких одним мощным ударом. Лицо Вовы находится аккурат напротив моего, затмевая весь мир. Он пристально всматривается в меня, но едва я поднимаю веки... мужчина атакует мои губы внезапным, настойчивым поцелуем. Это происходит настолько неожиданно, что меня будто бросает в огонь и в одночасье окунает в ледяную воду.

Я втягиваю воздух носом, выпускаю громкий стон и отвечаю на его поцелуй. Закрываю глаза от удовольствия. Моё тело ожило, потому что мой кукловод рядом. Он дёрнул за ниточки, сковавшие мою волю, и я снова принадлежу ему. Рука мужчины едва ощутимо прикасается к моему лицу, гладит щеку, пока его губы подминают мои, оттягивают в жадном, агрессивном поцелуе. Язык глубоко проникает внутрь, встречается с моим и сплетается с ним в своём особенном танце. Это не поцелуй, это чистый секс.

Мои руки оживают и обнимают Вову за шею. Я все ещё жду подвоха. Жду, что он снова ударит. Или сделает что-то другое, плохое. Открываю глаза, потому что хочу видеть его лицо, читать его эмоции... и вижу, куда он меня принёс.

И теперь я понимаю смысл слов, сказанных Владимиром Алексу, когда он меня забирал. По сравнению с этим местом, их комната для допросов действительно похожа на пародию для любителей. Потому что это помещение напоминает «рабочий кабинет» настоящего инквизитора средневековья...

Блять...

Владимир сказал, самое время сопротивляться и паниковать? Наконец-то до меня дошло. Я отталкиваю от себя мужчину, подсакиваю так резко, что ощущаю головокружение, и хватаю первое, что попало под руку. Этим первым попавшимся оказалась вещь, напоминающая садовые ножницы. Даже думать не хочу, зачем она на самом деле нужна.

Вова неконтролируемым жестом прикасается к раненому боку. А я понимаю, куда буду бить в случае необходимости. Если хватит смелости, конечно.

— Ника, положи, — приказной тон и хрип, в котором чувствуется недовольство.

Я вижу перед собой психа, маньяка, ужасного монстра, в глазах которого пылают безумие и жажда крови. Я сильнее сжимаю ножницы и отступаю на шаг.

— Хочешь поиграть? — спрашивает он, лукаво улыбаясь. — Только тебе вряд ли понравится эта игра.

— Отпусти меня, иначе я вонжу эти ножницы в твоё чёрствое сердце. Я убью тебя за то, что ты убил... их, — мой голос дрожит, а ранее сдерживаемые эмоции рвутся наружу.

Взгляд мужчины темнеет от моих слов. Я открыла карты, потому что не вижу смысла притворяться дальше. Не сомневаюсь, он знает, кто я на самом деле.

— А если я скажу, что у меня не было выбора? — спрашивает он и делает осторожный шаг в мою сторону. Не сводит с меня пристального взгляда холодных голубых глаз.

— Выбор есть всегда! — рявкаю в ответ. Дальше отступать некуда — за моей спиной стена.

— Неужели? — хмыкает. — А когда ты стреляла в Борю, тоже так думала?

— Я не думала, я защищалась! А вы, убивая мою беззащитную семью, просто убивали! Хладнокровно! Вы — твари! Вы должны умереть... тоже... вы заслужили смерть... в отличие от...

Хотела сказать «в отличие от моих родных», но не смогла. Я уже не могу разговаривать. И не могу нормально видеть и мыслить, потому что нарастающие с каждым сказанным словом слёзы и истерика просто уничтожают меня.

— Но ты тоже убила. Хладнокровно, — говорит, пожимая плечами, и делает несколько медленных, но уверенных шагов в мою сторону. — Иногда жизненные обстоятельства заставляют нас делать то, на что мы бы и в самых страшных фантазиях не решились. В каждом из нас живёт монстр, но не каждому приходится выпускать его на волю, чтобы выжить. Я знаю, что ты меня ненавидишь — и имеешь на это полное право. Но я вижу ещё кое-что: ты такая же, как и я. В тебе тоже живёт зверь, и ты выпустила его на волю. Как и я, — с каждым словом, с каждым новым убийственным аргументом Вова всё ближе. — Смирись. И прекрати делать вид, что ты лучше и имеешь право судить меня или кого-то другого.

И вот он стоит вплотную. Мои руки дрожат. В руках оружие, но я не могу ничего сделать, потому что он прав. Я пересекла черту невозврата и теперь я ничем не лучше его.

Какое я имею право его судить, объявлять приговор и тем более исполнять его?

— Смирись и почувствуй себя свободной. Будь со мной, будь моей — и я смогу тебя защитить от них, — Вова опускает мою руку, и ножницы с грохотом падают на пол. — Я действительно хочу тебе помочь, но ты упрямо сопротивляешься. Ника, очнись, подумай о

себе, позаботься о себе. Хватит жить прошлым.

Ну как?? Как ему удаётся читать мою душу? Откуда он знает, что происходит у меня на душе?

— Прими реальность и живи дальше, как это сделал я, — он забивает последний гвоздь в гроб моих сомнений. Мужчина обнимает меня осторожно, минуя обожжённые участки кожи, и я уже не делаю попыток сопротивляться. Пусть будет, что будет.

Вот только...

— Почему? — вырывается вопрос, но руки всё же тянутся к его шее. Я жадно вдыхаю его запах. Спасительный, необходимый как кислород. Вот оно — то, что мне было нужно сделать: принять в себе монстра, чтобы отпустить грехи другом монстру, который проник в моё сердце ядом. Потому что только монстр будет желать смерти другому, даже если тот другой — убийца.

— Именно потому что ты такая же, как и я, — тёплое прикосновение его ладони, пальцев в моих волосах успокаивает. — Ты словно загнанный зверь с раненой душой, стремящийся найти своё место в этом мерзком мире. Я сразу это увидел в твоих глазах. Твоё место — рядом со мной.

Вова обнимает меня, прижимает к себе жадно. Его руки блуждают по моей спине, треплют волосы... задевают чувствительные точки, превращая меня всё в то же безвольное желе, игрушку, его покорную куклу... несмотря на слабые сигналы мозга... помнить, что нельзя... что он враг... я сама себе враг... так что отныне... мы одно целое.

— Но такой я стала по твоей вине... по их вине, — мозг делает последнюю отчаянную попытку прорваться и взять контроль над телом.

— Я не знал. Я не хотел, чтобы так произошло. Я тебе скажу больше: если бы я знал, что всё так сложится... — Вова делает паузу, отклоняется, чтобы заглянуть в мои глаза. Я жду, что он сейчас скажет, что никогда бы такого не сделал, но вместо этого он произносит: — Я бы поступил точно так же, потому что иначе я бы никогда не встретил тебя такую.

И эти слова, это сумасшедшее признание превращают моё сердце в глыбу льда. Потому что он — воплощение истинного зла, а я — продала душу Дьяволу, потому что, кажется, я в это зло влюбилась...

И ненавижу.

И люблю.

— Нет! — восклицаю и пытаюсь оттолкнуть его от себя. Но куда мне... Я словно маленькое насекомое... Такая мелкая и слабая в сравнении с ним. — Ты монстр! — кричу сквозь слезы и сопротивляюсь. — Отпусти! — но он словно стена, даже не шелохнётся, только прижимает меня к себе. — Или же убей...

Как так жить? Как?! Я ненавижу себя, ведь мышка таки влюбилась в кота. Глупая маленькая мышка... Станешь обедом для хищника.

— Я не убью тебя, моя маленькая дикая кошечка. И другим не позволю. И не отпущу. Ты моя, — шепчет с надрывом. Чувствую его горячее дыхание на своей шее. А после его зубы нежно вонзаются в мою кожу.

Безумие...

Я плачу, ненавижу его, но больше нет сил сопротивляться. Когда он так делает... Действительно будто зверь, который удерживает свою самку, чтобы поставить знак принадлежности, чтобы не сопротивлялась... Хочется подчиниться его воле. Хочется принадлежать ему.

Безумие...

Я хочу его. Но не могу. Не могу себе позволить. Не могу уступить собственным принципам. Не имею права.

Но делаю это...

Я запускаю руки под его рубашку, касаюсь его груди, осторожно, чтобы не задеть рану. Какой же он... мой яд. Моя соблазн и мой грех. Опухоль в моем сердце. Чёрная дыра, которая заполонила всё и подчинила мою волю. Ненавижу, потому что люблю...

— Возможно, моё тело и принадлежит тебе, но я никогда тебя не прощу, — говорю ему. А Вова тем временем начинает снимать с меня одежду. А я снимаю с него. Знаю, что не должна, но...

— А мне и не надо, чтобы ты прощала, — Вова подталкивает меня к дивану, а я до сих пор не понимаю, зачем в этом жутком месте диван. И действительно ли он палач? И смогу ли я, захочу ли принять его, зная, кто он? Хватит ли мне силы воли когда-нибудь вонзить ему нож, пускай даже в спину? — Я знаю, что ты не сможешь меня простить. Но я сделаю так, что ты сможешь с этим смириться. Вот увидишь.

Мужчина укладывает меня на кровать и стягивает с меня штаны. Рассматривает меня, когда я остаюсь в одном белье. И теперь я вижу в его глазах не лёд, а настоящее пламя. Стена безразличия пала.

— Хочешь, я кое-что сделаю? Кое-что особенное? — спрашивает Вова.

Он снимает с себя остатки одежды, и я вижу рану, на которую сама же и накладывала повязку. Склоняется надо мной и смотрит в мои глаза. А я таращусь на бинт, пропитанный кровью. Осторожно прикасаюсь к красному пятну.

— Болит? — спрашиваю я, игнорируя его странный вопрос.

— Почти нет, — отвечает, опирается на локоть и обнимает моё лицо своими большими ладонями, нежно поглаживая покрасневшую от пощёчин кожу. Рассматривает ожоги, к счастью, не очень сильные.

— Прости, — не прикасаясь к моей коже, он висит пальцами над красными пятнами. — И за это тоже, — добавляет, поднимая взгляд на моё лицо, и я понимаю, что это он о той пощёчине. — Вот этого правда не хотел, но пришлось, чтобы забрать тебя оттуда. Чтобы они поверили, — целует мою щеку, а потом там же проводит языком, вызывая мелкую дрожь по всему телу.

— Ты просто не представляешь, что я чувствую, — продолжает своё признание мужчина. Он опускается к шее, целуя, оставляя влажные следы, залечивая все физические и душевные раны, отвлекая пылким покусыванием в тех местах, где моя кожа не пострадала. — Ты меня с ума сводишь. Ты как наркотик, от которого я никогда не смогу отказаться.

А ты — мой.

Я выгибаюсь ему навстречу, открываю уязвимые места. Он снимает с меня лифчик и бросает его в сторону. Рефлекторно прослеживаю за траекторией полёта своего белья и его приземлением на стуле, предназначение которого для меня остаётся загадкой. А Владимир прослеживает за моим взглядом, и вдруг хищная, лукавая улыбка появляется на его лице.

— Я для тебя сделаю всё что угодно. Веришь? Хочешь, я их всех убью? Но сначала, чтобы ты мне поверила, я полностью отдамся в твою власть. Захочешь — убьёшь. Можешь причинить мне боль. Или же подарить наслаждение. Я — твой, — говорит мужчина. Моя тёмная сторона оживает и шепчет «сделай это».

Я с интересом наблюдаю за Вовой. Он поднимается и идёт к тому самому «креслу». Не отдавая отчёта своим действиям, цепляюсь взглядом за его вздыбленный член и невольно вздыхаю, громко сглатывая слюну. Слышу сдавленный смешок. Он заметил? Ну и пусть. У него действительно красивое тело.

Вова отбрасывает моё белье в сторону, маячащее красным флагом на спинке странного стула, и садится туда сам. Манит меня пальцем. Я подхожу, заглядывая в его одурманенные желанием голубые глаза. А его взгляд на мгновение застывает на моей груди. Вова облизывает губы и поднимает глаза, заглядывая в мои. Он усаживается ровно, кладёт руки на подлокотники, а ноги ставит вдоль ножек металлического стула. И теперь я наконец-то понимаю, что с этим стулом не так. Он похож на тот, к которому меня привязали Алекс с Иваном. Только на этом не ремни, а металлические держатели для ног, рук и шеи.

— Вперёд, — говорит Вова. — Не стесняйся, — и улыбается так, будто уверен, что я буду нежной.

А это мы ещё посмотрим...

Я фиксирую его руки. Опускаюсь ниже, чтобы то же самое сделать с ногами, и моё лицо оказывается аккурат напротив его эрегированного члена. Фиксирую широко расставленные ноги мужчины. Теперь я действительно могу сделать с ним абсолютно всё. Поднимаю взгляд и вижу, что Вова неотрывно наблюдает за мной, пытаюсь прочесть мои эмоции. А я начинаю терять голову... потому что действительно могу сделать с ним всё, что захочу.

Мышка поймала кота.

Разве не об этом я мечтала?

Но разве тогда мышка любила кота? Нет, тогда была только ненависть. А сейчас взрывной коктейль из чувств, которые априори не могут сосуществовать по отношению к одному и тому же человеку. Но сосуществуют же? И я — очевидное тому подтверждение. Или странное исключение. Отклонение. Аномалия. Ошибка природы.

И сейчас мои мечты становятся реальностью. Нет, я не убью его. Этого я сделать не смогу, потому что он мне нужен как воздух. Я дышала им слишком глубоко, отравилась и обрела зависимость от этого яда. Но наказать его... руки чешутся, а в глазах моих пылает огонь.

Я провожу руками по его бёдрам, приближаясь к члену. Миную его и опускаюсь к яичкам, нежно сжимаю, вырывая довольное рычание из груди мужчины. Мой зверь в полной моей власти! И прежде чем наказать, хочу его слегка подразнить. Да, я тоже монстр, и ему придётся познать это в полной мере на собственной шкуре.

Мои губы смыкаются вокруг его члена. Давно хотела это сделать. Я с удовольствием слизываю солоноватую каплю, выступившую на головке. И меня заводит собственная порочность ещё больше. Сжимаю его член и заглатываю так глубоко, что он упирается в моё горло. Я знаю, что именно так ему нравится больше всего. Вижу, как сжимаются его кулаки, ведь он не может контролировать ситуацию.

Медленно скользя от основы к вершине, выпускаю его член. Опираясь на его руки, поднимаюсь. Выгибаюсь, когда моя грудь оказывается на уровне его лица. Дразню его... а потом врываюсь в его рот поцелуем, жадным и откровенным... и защёлкиваю последний фиксатор на его шее. Победная улыбка расплзается на моём лице, пока я думаю, что именно сделать, чтобы отомстить ему. Чтобы мне стало легче, а ему — больно. Главное, не перегнуть палку и вовремя остановиться.

— Значит, говоришь, всё что угодно? — спрашиваю, обходя его по кругу. Моя рука рисует линии на его коже, пока я обхожу мужчину.

— Да, — отвечает мужчина. В его голосе слышны возбуждающие рычащие нотки.

— И ты — мой?

— Да, — покорно соглашается, и я начинаю понимать, что его возбуждает эта ситуация. Интересно, он раньше тоже такое делал или это впервые?

— А не боишься, что я убью тебя? — мои коготки останавливаются на его шее и с силой вжимаются в обнажённую кожу.

— Я ничего не боюсь, — отвечает он с вызовом. Потом добавляет тише: — Разве что потерять тебя, — его голос срывается на хрип, а меня охватывают сомнения, стоит ли делать то, что я задумала?

Он действительно меня любит? Неужели такое возможно? Осознание сваливается на

голову, как снег посреди лета. Такой монстр тоже способен на любовь? И стоит ли играть с ним, заходя на его территорию, играть в ролевые игры, где он теряет свою власть и превращается в игрушку? Стоит ли мышке дразнить кота?

Думаю, стоит. Хотя бы немного, если уж кот сам разрешил.

Останавливаюсь перед ним. Всматриваюсь в одурманенные желанием глаза.

— Должна признаться, я тоже не хочу тебя терять, — складываю руки на талии и осматриваю помещение в поисках того, что может меня заинтересовать, — но и без наказания оставить не могу.

— Я понимаю, — говорит он, — поэтому и предложил сам, чтобы ты могла выпустить пар. Я не боюсь увидеть твою тёмную сторону, — Вова улыбается, а глаза блестят от восторга и предвкушения. Мазохист? Или...

— Почему? — спрашиваю, но он смотрит с непониманием. — Почему ты хочешь, чтобы я тебя наказала? — уточняю.

Мужчина на мгновение отводит взгляд, размышляя, а потом отвечает:

— Потому что мне тоже так будет легче. Я заслуживаю наказания. Это ты хотела услышать? Я не хочу, чтобы каждый раз, глядя на меня, ты видела человека, который причинил тебе боль. Я хочу, чтобы ты видела мужчину, который душу дьяволу продаст, если ты этого пожелаешь. Вот почему...

Этот ответ, это признание заставляет меня вздрогнуть. Мне становится легче. Во-первых, этими словами он признал, что искалечил мою душу. Во-вторых, он дал мне зелёный свет делать всё, чего пожелаю.

Совесть уходит на второй план. Хотя какая речь может идти о совести, если передо мной убийца, монстр?

Но он мой монстр...

Я подхожу к столу, чтобы выбрать один из приглянувшихся мне инструментов. Не спешу, растягивая удовольствие.

Но всё моё сладкое предвкушение разрушает громкий стук в дверь. Я вздрагиваю и прикипаю взглядом к Вове. Он хмурит брови, явно не ожидая гостей.

— Вовка, открой немедленно! — Алекс, и он снова тарбанит в дверь. Вздрагиваю, не в состоянии игнорировать сигнал тревоги, полученный от моего истерзанного сознания. — Мы получили новую информацию об этой шлюхе! Её нужно убрать! Немедленно!

Алекс настойчиво стучит в дверь, и он явно не собирается уходить, пока Вова ему не откроет. Но то, что он сказал, заставляет меня судорожно сглотнуть. Я впадаю в ступор, из которого меня выводит очередной крик Алекса:

— Вова, блять! Открой. У тебя там все в порядке?

Вова прочищает горло, а потом рявкает раздражённо:

— Да, сука, было все в порядке, пока ты не припёрся!

Я в удивлении вскидываю брови. Звучало очень убедительно.

— Подожди! — уже спокойнее кричит Вова и кивает, чтобы я подошла и... освободила его.

А мне что-то не очень хочется.

— Придётся импровизировать, — тихо говорит мне мужчина. — Ты мне доверяешь? — он пристально смотрит в мои глаза. Я только неопределённо пожимаю плечами. — Ника! — шипит возмущённо. — Я же сказал, что не отдам тебя. И не позволю тебя обидеть, а тем более убить. До сих пор сомневаешься? — звучит как обвинение.

Я вздыхаю и начинаю освобождать его, но руки дрожат, и получается не так быстро, как хотелось бы. Не скажу, что не верю ему. Вове я доверяю. Начинаю доверять. А вот мужчине за дверью и остальным — ни капли. Но у меня нет выбора. В одиночку мне с ними не справиться. А Вова — он знает, что делать.

Как только я его освобождаю, Вова дарит мне короткий поцелуй, обнимая руками лицо. Затем смотрит в глаза и говорит:

— Всё будет хорошо. Верить? — я киваю в ответ. Тону в его голубом океане и действительно верю, что рядом с этим мужчиной я в безопасности.

Он быстро натягивает на себя одежду, включая ремни с кобурой, из которой торчит оружие. Я успеваю надеть бюстгальтер и пытаюсь справиться с брюками, вывернутыми наизнанку. Только руки не слушаются.

— Оставь и садись. Быстро! — тихо приказывает Вова, указывая мне на стул, на котором только что сидел сам.

Я открываю рот, чтобы возразить, но мужчина сгребает меня в охапку и сам сажает туда.

— Не бойся, но делай вид что тебе чертовски страшно. Ты же умеешь притворяться, я знаю, — улыбается. Чёрт, он знает абсолютно всё. Действительно, прочитал меня, как открытую книгу. — И у тебя идеально получается, поверь. Просто я — такой же, поэтому понял.

Он снова прикасается к моим губам в коротком жадном поцелуе, а потом фиксирует мои конечности. Больно. Особенно там, где остались ожоги. Мужчина нежно проводит пальцами по моей шее, но оставляет её свободной.

— А это чтобы тебя отвлечь, — коварно улыбаясь, он опускается ниже, отодвигает мои трусики в сторону и проводит там языком, втягивает, и я чувствую быстро нарастающее возбуждение, приправленное остротой ситуации. — Ты — моя, — констатирует, поправляя мои трусики.

Вова идёт к двери, не спеша заправляя ремень на ходу. Он открывает дверь и только после этого застёгивает пряжку. Алекс вваливается в помещение. Сначала удивлённо

отмечает действия Вовы, потом натывается взглядом на меня, почти голую и растерянную: я надеваю нужную маску, делаю вид, что я маленькая мышка, жертва, над которой только что издевались.

— Ты что, трахал её? — спрашивает Алекс и морщится, будто я какая-то чумная.

— И? — вскидывает подбородок мой кот, всем своим видом демонстрируя, что ему совершенно наплевать, что по этому поводу думает Алекс.

Вова отходит от двери, чтобы закрыть её. Но не успевает, потому что там появляется ещё и Иван.

— Ты представляешь, этот похотливый ублюдок трахал её, вместо того чтобы допросить, — Алекс смотрит на Ивана в поисках поддержки.

— У меня разные методы допросов, — хмыкает Вова. — И фантазия прекрасно работает, в отличие от некоторых, — бросает пренебрежительный взгляд на Алекса.

О да, фантазия у него уникальная, особенно если речь идёт о сексе...

— Вова, сейчас шутки неуместны, — говорит Иван. В его голосе чувствуется явное раздражение. — Эта девчонка, — кивает в мою сторону, — чирей на заднице, от которого нужно как можно скорее избавиться. Она видела то, что не должна была видеть. И сейчас на неё открыла охоту добрая половина города. Одна половина — наши, потому что Главный узнал, что мы допустили ошибку. Другая — конкуренты, которые планируют использовать её в политических играх и подвинуть нас. Если она окажется в руках конкурентов, думаю, тебе не нужно объяснять, что будет. Если же её найдут люди Главного... мы получим ещё один минус в нашу карму, и он может задуматься, нужны ли ему такие люди. Я, например, не хочу опуститься в его глазах и потерять всё. Думаю, ты тоже. Да ещё и Боря... Ты представляешь, что будет, если Главный узнает? Мы должны убрать её и обставить всё так, чтобы комар носа не подточил, ясно? Допрашивать её уже нет смысла. Поэтому либо ты её сейчас убьёшь сам, или это сделаем мы.

Иван закончил свой монолог. И, честно говоря, страх на моем лице теперь стал подлинным. Жизнь — коварная штука. Ты мечтаешь об одном, получаешь совсем другое, а потом теряешь всё, даже надежду. Я хотела отомстить, влюбилась в того, кого мечтала убить, а теперь должна заплатить жизнью за то, что оказалась не в том месте и не в то время.

Вова думает с мгновение. Я вижу только его напряжённую спину, широкие плечи и чувствую, что он в такой же в ловушке, как и я.

— Хорошо, — говорит мужчина, на которого я возлагала все свои надежды. — Конечно, я сделаю это сам. Вот только... — он делает небольшую паузу, расслабляется и заправляет большой палец за пояс, — у меня есть один незаконченный вопрос... — чувствую его похотливую улыбку. — Дайте мне десять минут — и вы получите труп девчонки.

Не знаю, игра ли это, или он действительно решил меня убить... но я начинаю кричать и плакать. Молю, чтобы меня не убивали. Клянусь, что никому ничего не скажу. Сквозь собственную истерику вижу, как морщатся Алекс и Иван. Затем они смотрят на Вову с непониманием и удивлением и наконец-то сдаются.

— Хорошо, — говорит Иван.

— Нет! Не оставляйте меня с ним! — умоляю я с надрывом.

Мужчины улыбаются, скалятся и уходят, оставляя меня наедине с моим «палачом». Вова закрывает дверь и быстро идёт, но не ко мне, а куда-то вглубь комнаты.

— Что ты делаешь? — тихо спрашиваю, переводя дыхание.

— Малышка, у меня есть план, — объясняет он, роясь в своих вещах. — И ты идеально

мне подыграла. Твоя сирена заставила их принять правильное для нас решение, — говорит он, имея в виду мою истерику. Вот только я не играла, я действительно испугалась и просто направила свой страх в нужное русло. — Я вынесу тебя отсюда, но живой, — говорит Вова, возвращается и останавливается передо мной. В его руках шприц...

Чёрт. Что он задумал? Что-то мне всё это не очень нравится.

— Что ты собираешься делать? — спрашиваю, пока он освобождает мою левую руку. Я её рефлекторно прижимаю к телу.

— Ника, не бойся, — Вова нежно ведёт пальцами свободной руки по моей щеке. — Это безопасно. Под действием этого препарата процессы жизнедеятельности в твоём теле замедлятся настолько, что ты будешь казаться мёртвой. А через несколько часов ты придёшь в себя рядом со мной в полной безопасности. Потому что все будут считать, что ты мертва, — победная улыбка озаряет его лицо. — Дай мне руку.

Вова протягивает ладонь, требуя, чтобы я дала ему ввести себе вещество, о существовании которого я и не догадывалась. Я думала, что это только выдумка из фильмов, а тут...

Я делаю глубокий вдох, шумно выпускаю воздух из лёгких, всё ещё сомневаясь, как мне поступить. Всё же от этого зависит моя жизнь.

— Крошка, не хочу на тебя давить, но у нас мало времени. Препарат ещё должен успеть подействовать, — а я таю от этого “крошка” и его нежности.

С его аргументами не поспоришь. У меня действительно нет выбора. Если бы он хотел меня убить — давно бы это сделал. А так, получается, он действительно пытается меня спасти. Поэтому я должна ему довериться. Я даю ему свою руку.

Вова уверенными движениями вводит мне этот яд в вену. Я морщусь нос. Никогда не любила подобные процедуры.

Мужчина освобождает меня, берёт на руки и опускает на диван. Чувствую лёгкую слабость во всем теле, усталость словно после тяжёлого рабочего дня. Понимаю, что я медленно, но уверенно проваливаюсь в сон.

Вова на мгновение исчезает, а потом возвращается с большим пакетом в руках. Смотрю удивлённо, не понимая, это ещё зачем.

— Я должен симитировать твою смерть максимально правдоподобно, — он улыбается, но я улавливаю горькие нотки в его голосе. А ещё — волнение.

Вова бросает пакет рядом со мной, возле моей головы и... начинает расстёгивать штаны. Я таращусь на него в недоумении.

— Что ты делаешь? — спрашиваю практически шёпотом.

Казалось, я уже пересекла границу, после которой удивляться нечему. Но этот мужчина умудряется подбрасывать сюрприз за сюрпризом, да ещё и такие сюрпризы, от которых у меня глаза на лоб лезут и волосы встают дыбом.

— Как что? — с наглой улыбкой, пожирая меня глазами, он снимает штаны вместе с трусами. — Трахнуть тебя собираюсь.

— Это тоже для правдоподобности? — наивно предполагаю я.

— Нет, глупышка, — смеётся. — Просто потому, что хочу тебя так, что яйца сводит, — подмигивает и нависает надо мной. Спешно стягивает с меня трусики. — И ждать ещё несколько часов я не собираюсь, — ставит меня перед фактом.

А я лежу и не знаю, плакать мне или радоваться, потому что мой мозг ещё работает, а тело практически «умерло». Иными словами, он планирует трахнуть полутруп...

Он больной на голову маньяк.

— Не смотри на меня так, — улыбается Вова, правильно прочитав моё озадаченное выражение лица. — Я просто хочу тебя, любую и в любое время. Только тебя, — шепчет хрипло и готовит мою киску к проникновению, активно мастурбируя мне. — Этот оргазм ты не забудешь никогда, — говорит напоследок.

И это больше напоминает угрозу, чем сладкое обещание...

— Этот оргазм ты не забудешь никогда, — говорит Вова, а у меня такое ощущение, что это скорее угроза, чем сладкое обещание.

Рядом лежит полиэтиленовый пакет, о предназначении которого я даже думать не хочу. Я чувствую, что мой организм медленно «засыпает», но это не мешает мне ощущать приближающийся оргазм. Я тихонько стону, потому что это единственное, на что я сейчас способна. Потом Вова, кусая мою шею и зацеловывая им же оставленные укусы, одним глубоким движением входит в меня.

И в этот момент я понимаю, что он не надел презерватив...

Вот именно в этот проклятый момент, когда он меня в спешке трахает, меня беспокоит то, что он вошёл в меня без резинки. Не то, что он меня имеет почти мёртвую, и даже не то, что он планирует делать дальше, а то, что он во мне, и в этот момент нас ничего не разделяет.

Оргазм накрывает меня, и, кажется, я впервые чувствую не просто физическое удовольствие, отзывающееся животными инстинктами, а моральное, извращённое, нездоровое, противоестественное, феерическое удовлетворение на каком-то другом, духовном уровне, за пределами возможного...

Если я всё же умру — это будет самая счастливая смерть в мире.

— Я люблю тебя, — шепчу, не соображая уже ничего, не отдавая отчёта своим действиям. Язык прикипает к небу, становится вязким, словно он клеём намазан.

Вова рычит, ладонями сжимает моё лицо, поддавшись эмоциям, и покрывает поцелуями. Замирает на мгновение.

— Ты невероятная, — шепчет. — Непревзойдённая. Моя... — и снова жаркие прикосновения, поцелуи по всему лицу, нежное покусывание. — Никому не отдам. Не позволю! — а потом резко выходит из меня и наваливается всем телом. Он кончает на мой живот, сжимая шею зубами, и продолжает рычать.

Сумасшедший...

Как и я.

— Все будет хорошо, — повторяет он, а мои глаза закрываются.

Тихий шорох рядом — и спустя мгновение я понимаю, что куда-то пропал кислород. Мне нечем дышать.

Так вот зачем нужен был пакет...

Вова набрасывает его мне на голову и забирает последние крохи жизни из моего тела. Последнее, что слышу сквозь туман — как открывается дверь, а потом слова:

— Фу-у-у! — восклицает Алекс. — Ну ты и больной извращенец! Сам её понесёшь в автомобиль! И сам зарывать будешь!

— Без проблем, — отвечает Вова и снимает пакет с моей головы. — Ты моя, — тихо шепчет на ухо, заворачивая меня в одеяло...

А дальше наступает темнота...

... — Дело сделано... Да... — будто сквозь сон доносится до меня голос Вовы. — Я что, похож на идиота — говорить об этом по телефону?.. Я не собираюсь никому рассказывать, где именно. Лучше, чтобы никто кроме меня не знал. Так безопаснее. И, да, все согласно рецепту: поджарил, упаковал, приправами посыпал. Не стоит волноваться. Я своё дело

знаю...

Дальше я не слушаю, всё равно ничего не понимаю. Я открываю глаза, но зрение меня подводит, все плывёт перед глазами. Пытаюсь пошевелиться, но конечности тоже не слушаются. Язык присох к небу... Надеюсь, это нормальная реакция, ведь я помню всё, что было до того, как Вова меня «упаковал»...

Чёрт! Так это же обо мне идёт речь! Он разговаривает с кем-то обо мне... ведь все уверены, что он меня убил. А он сумел меня вырвать из лап смерти.

Вова...

А ещё бесстыдно трахнул меня, пока я «умирала». А я призналась ему в любви. Чёрт. И теперь жалею об этом. Кажется, мне тогда совсем мозг отшибло. Не в первый раз, стоит отметить. Конечно, я и в самом деле испытываю к нему нечто... необъяснимое, за пределами понимания, и это нечто точно не подчиняется здравому смыслу. Но зачем было об этом говорить вслух?

Вова заканчивает разговор. Кладёт телефон и смотрит на меня. Видит, что я уже вернулась. Мужчина дарит мне нежную улыбку, изучая тёплым взглядом голубых глаз. Несколько широких шагов — и Вова оказывается рядом со мной. Он опускается коленями на пол возле меня, кладёт руки на кровать, опираясь подбородком на сжатые кулаки, и смотрит на меня. Просто смотрит, а глаза сияют... неистовством. И безграничным счастьем.

Мужчина протягивает руку ко мне, гладит моё лицо кончиками пальцев. Я вижу в его глазах вселенную, центром которой являюсь я. И это выглядит волшебно, удивительно. Он улыбается, думая о чём-то своём. И я начинаю улыбаться. Мышцы постепенно оживают, и я могу выразить свои эмоции. Я не умерла.

Нет, не так: я снова жива. И я снова чувствую.

— Я же говорил, что всё будет хорошо, — самоуверенно заявляет мужчина. Забравшись на кровать, ложится рядом и прижимает моё ещё непослушное тело к себе.

Говорил...

— Совсем скоро ты придёшь в норму, — уверяет Вова, и я ему верю.

Его низкий хриплый голос отзывается вибрациями в моем слабом теле. На душе становится спокойно, уютно. Больше никаких кошмаров, никакой боли, никакой мести...

Острая шпилька пронзает сердце, и лица моих родителей, а за ними и брата всплывают перед глазами. словно напоминание о том, что я за них не отомстила. Я не выполнила обещание. И я не знаю, как с этим дальше жить.

Как жить с ним, с тем, кто убил их? Как делить с ним постель, жизнь, чувства одни на двоих?

Вова прижимается губами к моему виску и будит во мне другие воспоминания: наш последний секс. Который вообще в голове не укладывается... Кажется, я краснею, а мужчина отстраняется на несколько сантиметров и снова рассматривает меня. Я не могу повернуть голову и увидеть его, и меня это раздражает.

— Не смотри на меня так, — шепчу непослушными губами, едва шевеля языком.

— Почему? — удивлённо спрашивает мужчина.

— Потому что ты меня трахнул полуживую, — и хотя стараюсь выразить своё возмущение и вложить силу в свой голос, но получается, будто мышонok пискнул...

— Ещё скажи, что тебе не понравилось, — хмыкает Вова. Он засовывает руку под одеяло, которым я укрыта, и проводит ладонью по моему животу, наблюдая за моей реакцией.

Я молчу, ведь он не спрашивает, а констатирует факт. Мне ведь действительно понравилось, как никогда...

Кажется, способность чувствовать медленно возвращается ко мне. Когда рука мужчины оказывается ниже, между моих ног, мурашки бегут по коже и останавливаются почему-то на моей голове, вызывая ощущение, будто у меня волосы дыбом встают. Я закрываю глаза и глубоко втягиваю носом воздух. Выдыхаю, невольно открывая рот.

Тело реагирует на своего хозяина, «воскресая из мёртвых».

Удовлетворённый моей реакцией, Вова продолжает свой эксперимент, проверяя, насколько мои органы чувств восстановились. Раскрывает пальцами складочки, находит клитор и мягко нажимает. Из моей груди вырывается стон. Я открываю глаза и встречаюсь с его голубой Арктикой, в которую погружаюсь с головой. Вова нависает надо мной, впитывает мои эмоции и возвращает мне их с лихвой.

— Скажи, что тебе понравилось. Признайся, — шепчет в мои открытые жаждой к нему губы. Я не могу ему сопротивляться. Это выше моих сил...

— Мне понравилось, — покорно отвечаю.

Вова, ничего больше не говоря, ныряет под одеяло, и через мгновение я начинаю «воскресать» с новой силой! Он сжимает мою талию и покрывает поцелуями живот, щекочет, пробуждая моё тело, вызывая желание, побуждающее отчаянно выгибаться ему навстречу. О да, моё тело не просто просыпается, оно словно получает разряд тока! Мужчина прокладывает дорожку из поцелуев всё ниже так медленно, что мне хочется взвыть. Хочется подвинуться ближе, подставить заветную точку, где сосредоточено всё моё желание. Но не могу. И не только потому, что тело ещё слабое, а ещё и потому, что Вова крепко меня удерживает.

Я не вижу, что он делает под одеялом, и от этого ощущения ещё более обостряются. Я закрываю глаза и полностью отдаюсь в его власть. Впрочем, как и всегда. Секс с ним — всегда за пределами реального, за пределами понимания, извращённый, странный, аномальный, неожиданный... И от этого неповторимый, горячий, похожий на взрыв звезды, извержение вулкана, цунами... Ибо сердце замирает, хочется увидеть это зрелище вблизи, прикоснуться, но стоит поддаться слабости — и сгоришь дотла, превратишься в песчинку, поглощённую сокрушительной силы волной.

Он — моё сокрушительное пламя, моё цунами, мой вулкан, поглощающий меня до последней клеточки, до последней молекулы, расщепляющий на атомы, которые потом собирает воедино, превращая в узел обнажённых нервов, в марионетку, танцующую по зову своего единственного кукловода особый танец, полный откровенной эротики и страсти. Я забываю обо всём, что было до. Я не думаю, что будет после. Я просто существую здесь и сейчас, и больше ничего не имеет значения.

И пока мужчина играет на струнах моей души, умело манипулируя моим телом, открывает во мне всё новые грани, удовлетворяя меня одним из самых неприличных способов — орально, я набираюсь сил и тянусь к нему руками, запускаю пальцы в его волосы и наконец-то получаю возможность проявить свою благодарность ещё и таким образом. Вова прижимается крепче, приятно колет в чувствительных местах своим небритым подбородком, засасывает клитор, отпускает, ласкает языком, набирает обороты, и вместе с тем становятся громче мои стоны.

Я выгибаюсь ему навстречу. В теле растёт напряжение. Хочется избавиться от него, взорвавшись красочным фейерверком удовольствия. Вова вводит палец в моё влажное лоно,

и мышцы сжимаются вокруг него, жадно захватывая в плен, ведь так мечтали почувствовать хотя бы частичку этого мужчины в себе. Он вводит второй палец, двигаясь внутри словно в поисках чего-то, известного только ему одному. И находит...

Я вскрикиваю в ответ на его действия, а он вжимается языком в узелок наслаждения, усиливая ощущения с помощью пальцев, нажимая и проталкиваясь ими внутрь, творя что-то безумное со мной. Такое ощущение, словно он нашёл клитор с двух сторон — и внутри, и снаружи, и теперь дарит мне двойной оргазм, дарит мне доселе неведомое ощущение... Ощущение наслаждения, ради которого можно и душу продать. И, кажется, я её уже продала. Я продала свою душу дьяволу, моему заклятому врагу, имя которому...

— Вова...

— Вова ... — шепчу, тяжело дыша. — Во-ва, — повторяю протяжно, изнемогая от удовольствия, когда оргазм накрывает меня. Перед закрытыми глазами вспыхивают искры, а горячая кровь пульсирует потоком эндорфинов.

И снова я вынуждена признать, что он довёл меня до такого состояния, что стоит ему попросить в этот момент что угодно — и я это сделаю.

Вова медленно выползает из-под одеяла, хищно глядя на меня. Мне это не очень нравится: такой взгляд не сулит ничего хорошего. Словно лёд в его голубых глазах покрылся острыми опасными шипами. Но... я словно вода, обтекающая этот лёд, и мне не страшно ничего. Не страшно даже стать частью этой вечной мерзлоты.

— Ожила? — спрашивает и накрывает влажным поцелуем по очереди соски, потом шею, а после кусает за плечо. Снова целует. Устраивается между моих ног и дразнится, трётся головкой о мою киску, но не проникает внутрь. Ведёт языком по шее, а меня от этого прикосновения прошибает током.

— Что ты делаешь? — спрашиваю, ведь он без резинки, а я не готова к последствиям. И...

Я вспомнила, что наш последний раз тоже был далёк от безопасного. Ещё не хватало забеременеть!

— Как всегда, солнышко. То, что хочу.

— Во-о-ва! — возмущаюсь и отталкиваю его от себя, смыкая ноги вместе.

Пытаюсь оттолкнуть.

Но куда там... Мужчина, жёстко вжимая меня в кровать своим телом, одной рукой перехватывает мои запястья, а второй хватает за ногу, прижимая её к своему бедру, и в одну секунду ломает всю мою оборону. Он снова в опасной близости, смотрит в мои глаза с вызовом, пронзает взглядом, требуя покорности... Но он не входит. Трётся у входа, скользит медленно, не позволяя мне прийти в себя. И снова этот электрический разряд, проходящий между нами и сжигающий мой мозг, превращающий сознание в кучку пепла.

Я хочу. Сама хочу снова почувствовать его как есть. Без презерватива. Без препятствий и ограничений. Но что дальше? Что я буду делать с последствиями?

Стараюсь сопротивляться, но получается очень вяло.

— Вова, не надо, — шепчу, умоляя.

— Всё будет хорошо, — так же тихо отвечает он, и пока я наслаждаюсь вибрациями его глубокого голоса, от которого мурашки расползаются по коже головы, он резко вгоняет в меня член до самого конца и застывает...

И я исчезаю...

Я взрываюсь. Я больше не я — я часть его вселенной, часть космоса, я падающая звезда. И вместе с тем я незаметный атом. Я молекула. Я микрочастица. Я всё и ничто. Я вне времени и вселенной. Я — безумие.

Я не знаю, как описать это состояние. Я словно чувствую счастье и боль всего мира. Мой коктейль из ненависти и любви готов, и я захлёбываюсь им, но не могу напиться. Я предвкушаю каждый глоток сладко-горького напитка, хотя и знаю, что могу отравиться. Он — мой личный наркотик. Так банально, но факт.

Я ничего нового не придумаю, ведь все сравнения и красивые слова были уже сотни,

миллионы раз сказаны до меня. Но я чувствую то, что чувствую. И я знаю, что ради этого ощущения можно и умереть. И эти ощущения, эти нереальные феерические моменты мне дарит именно этот человек. Только он. Никто и никогда за мою короткую жизнь не превращал секс в действие, от которого зашкаливает пульс и хочется кричать от распирающих эмоций.

Он смотрит в мои обезумевшие от желания глаза и впитывает мои эмоции. Впитывает вздохи и стоны — и выходит. Я сама обхватываю мужчину ногами и притягиваю его к себе. Хочу, чтобы он продолжил. И Вова выполняет моё желание. Чувствую его налитый член в себе. Чувствую пульсации внутри и не знаю, мои они, его, или синхронные...

Моё неистовство нарастает с невероятной силой. Тело сжимается, превращается в пружину, готовую в любой момент выстрелить. В этот момент я счастлива...

... Несколько дней неистовства, страсти и бурного секса пролетают словно одно мгновение. Я забываю обо всём, мозг отключается, остаётся только пылающий между нами огонь. Мы не разговариваем. Все наши попытки поговорить заканчиваются кроватью, ванной, столом, моей прижатой к стене спиной и языком, втиснутым между моих губ.

Раны на теле почти зажили. Настолько, насколько это возможно при ожогах. Так же, как и ссадины на лице. Вова дважды в день, нежно, не позволяя мне это делать самостоятельно, втирает в каждую рану мазь с такой нежностью и заботой, что моментами я даже радуюсь, что у меня есть повод увидеть своего хищника таким.

Наш секс без защиты не мог иметь никаких последствий, ведь моё тело было практически мёртвым. Так мне объяснил Вова. Думаю, он прав. Что же, время покажет...

С помощью секса и заботы обо мне Вова избегает разговора? Возможно. Но сейчас я и сама не слишком настроена на общение. Иногда в моменты слабости мне хочется узнать, почему Вова такой, почему он обо мне беспокоится. Хочется спросить, почему меня спас, и что из его слов — правда. Но... потом я понимаю, что мне это не нужно. Потому что, если разговор коснётся моего признания, я не знаю, что ему сказать.

Потому что я до сих пор не понимаю, что чувствую к нему.

Моё сердце до сих пор разделено пополам. На чёрное и белое. На живое и мёртвое. На две части, пребывающие в постоянной борьбе. И пока ни одна из них не может победить. Одна часть меня желает Владимиру смерти, а другая в не меньшей степени жаждет, чтобы он жил.

И не просто жил. Я хочу, чтобы он жил для меня...

Его последний поступок, его спасение. То, как он это сделал... А я ведь оттолкнула его и ушла, бросила одного с раной в боку. А он всё равно пришёл и спас меня от пыток и смерти. Невозможно ничего не чувствовать. То, что он вообще так поступил и не отдал меня им — это уже задело тонкие струны моей души и сыграло на них новую, до сих пор неизвестную мелодию.

И я боюсь разговора, потому что тогда придётся вспомнить, что я призналась ему в любви. Я не спрашиваю ничего, чтобы ничего не спросил он. Так и текут дни один за другим, где наши сознания молчат, а наши тела кричат от восторга, горят в едином испепеляющем нас двоих огне.

Стою после душа перед зеркалом совершенно голая и смотрю на себя. Не знаю, что я пытаюсь там разглядеть. Возможно, в глазах, что смотрят на меня в отражении, я хочу увидеть истину. Нужна ли мне месть? Могу ли я простить ему смерть своей семьи? Хладнокровное убийство...

Закрываю глаза. Углубляюсь в размышления.

Я не знаю.

Мне кажется, что нет. Несмотря на все, что Вова для меня сделал, я не простила. И не смогу. Я просто дала себе отпуск. Дала себе возможность отдохнуть от ненависти, пожирающей меня изнутри. Дала время разобраться в себе.

Мне говорили, что время лечит. Ни хрена оно не лечит, просто привыкаешь жить с болью. Учишься прятать боль на дальней полочке своего сознания и закрывать на замок. Но она, та самая боль — никуда не исчезает. Она постоянно тихонько стучит в дверь, напоминая о себе, и стремится на волю. А потом в один прекрасный момент выносит напроць дверь и разрушает до основания карточный домик покоя, так старательно построенный за месяцы самообмана.

Я не прощу.

Я не смогу смотреть на него и не вспоминать его с нацеленным оружием. Я не смогу забыть звук выстрелов, навсегда убивших во мне человечность. И никакие новые воспоминания, никакие его благие поступки этого не смогут изменить...

Тёплые ладони на моей талии и горячее дыхание у шеи снова вызывают шторм посреди тихой гавани моих мыслей. Почему я так на него реагирую? Как я могла позволить себе настолько заиграться, чтобы почувствовать то, что чувствую сейчас? Я не знаю, любовь ли это, но зависимость — несомненно.

Я завишу от него, морально и физически. Моё тело реагирует на него против моей воли, как будто оно принадлежит не мне, а ему. Он нагло, не спрашивая моего разрешения, целует и кусает мою шею, вызывая дрожь и мурашки по всей коже. Накрываю ладонями его руки, скользящие с талии вниз, дразнящие меня, искушающие...

Мой дьявол. Моя соблазн. Мой грех, которому я отдалась без остатка.

Он вводит палец в моё влагалище. Тело охотно принимает его ласки, откликаясь сладкими спазмами и избытком влаги. Выпячиваю ягодицы и упираюсь в его возбуждённый член. Вова убирает свои руки и кладёт вместо них мои.

— Сама, — шепчет с надрывом и оставляет влажный след на моем ухе.

Я слушаюсь. Я начинаю ласкать себя сама. Мои глаза до сих пор закрыты. Так ощущения ещё больше обостряются. Слышу звон пряжки на поясе. Мужчина расстёгивает штаны и снимает их. Его руки сжимают мои бедра, а естество трётся о мои ягодицы, пока я сама сдержанно глажу себя между ног.

Одной рукой Вова властно прижимает меня за талию, обнимая второй грудь. Я замираю.

— Не останавливайся, — говорит хриплым голосом. — Я хочу видеть, как ты это делаешь.

Мне немного неловко, но всего лишь на мгновение. С этим мужчиной я могу чувствовать себя естественно. С ним нет никаких табу. С ним секс превращается в искусство, черно-белое, с надрывом и неожиданными вспышками фейерверков.

Отвергая все предрассудки и нормы морали, я опускаю руку вниз и представляю, что я одна и могу не сдерживаться. Я до сих пор держу глаза закрытыми. Мне уже не так стыдно, ведь он сам этого хочет. И я хочу. Хочу всего, что он мне предложит, потому что каждый раз с ним особенный, не похожий на другие, не такой, как предыдущие. Всегда неожиданно, всегда не знаю, что будет дальше, и от этого каждый раз возникает ощущение, будто я взрываюсь словно звезда и превращаюсь в миллион атомов, которые снова объединяются в

одно блаженное целое.

Пока я мастурбирую, полностью отдаваясь ощущениям, он поглаживает моё тело и, уверена, пристально наблюдает за моими действиями. Мне не надо на него смотреть, чтобы почувствовать, как его голубые холодные глаза темнеют и вспыхивают пламенем. Я уже достаточно изучила его за эти дни. Я знаю, чего он хочет... вот только не знаю, как именно и что он придумал в этот раз. Я для него словно полотно — чистое, открытое для экспериментов.

Становится холодно. Я не чувствую жар его тела, но слышу шёпот:

— Продолжай.

И я продолжаю. Шорох за спиной указывает на одно — он распаковывает презерватив. От предчувствия сладкие спазмы сжимают моё лоно. Я замедляюсь, чтобы не закончить без него. Я хочу вместе, одновременно...

Тёплые руки ложатся на мои ягодицы и рисуют на них линии, вызывая мурашки по коже.

— Обопрись о раковину, — приказывает хриплым от возбуждения голосом.

Я нахожу опору и выгибаюсь ему навстречу. Хочу почувствовать его внутри. Его рука поглаживает влажные лепестки, блуждает от киски к ягодицам, размазывает влагу по промежности. Затем то же самое делает его член, трётся возле отверстия, дразнит.

— Ты доверяешь мне? — спрашивает, прижимаясь упругим телом к моей спине, погружаясь лицом в мои волосы.

А я не знаю, что сказать. Доверяю ли я ему? Если речь идёт о сексе, то, думаю, да. Если же о чем-то другом, не могу сказать точно.

Но я принимаю решение и говорю...

Вова спрашивает, доверяю ли я ему? А меня грызут сомнения. Но сейчас речь идёт о сексе, верно?

В конце концов безумное влечение, желание, пронзающее моё тело искрами удовольствия, подталкивает ответить:

— Да...

А дальше происходит то, о чем я думала последние несколько дней и очень хотела попробовать, но боялась.

Вова отрывается от моей спины. Холодок пробегает по моей коже, пока он бережно раздвигает мои ягодицы и в предвкушении проводит пальцем по анусу. Он собирается сделать именно это — заняться со мной анальным сексом. Хочется бежать, но вместо этого я ещё больше оттопыриваю попу, расслабляюсь и полностью отдаюсь в руки своего врага.

Из уст Вовы вырывается довольный рык. Он понимает, что с моей стороны сопротивления больше не будет. Я вся в его власти, растеклась будто желе — делай что хочешь, хоть в жерло вулкана отнеси и там трахни.

Мы в собственном аду. Каждый в своём, но они смешались в единую сладкую агонию. Я не знаю, что будет дальше. И знать не хочу. Сейчас мне хорошо. А потом... потом об этом и подумаю.

Мужчина трётся головкой о мой анус. Хоть я и думала, что расслабилась, но, оказывается, это не так просто. Мышцы всё равно напряжены и не пускают его внутрь.

Опять холод. Слышу только движение сзади. Стою на месте. А потом вдруг меня простреливает от ощущения его языка на моей киске. Выгибаюсь навстречу мужчине до боли в пояснице. Громкий стон срывается с моих губ. Понимаю, что от неожиданности меня мгновенно начинает накрывать взрывной оргазм. И вместе с тем в другую дырочку без малейшего сопротивления проникает палец.

Вова не даёт мне дойти до финала. Встаёт, прижимается членом к анусу, проталкивается совсем чуть-чуть и снова наклоняется, прижимаясь к моей спине и одной рукой опираясь о раковину. Вторая рука мужчины творит умопомрачительное безобразие: большой палец накрывает клитор, а указательный врывается в мою киску. Ноги подкашиваются, когда чувствую, как его зубы сжимают мою шею. Не знаю, от чего именно я кричу: от боли или удовольствия, потому что в то же время его член начинает уверенно проникать внутрь.

И снова рефлекторно ядвигаюсь вперёд, пытаюсь от него уйти. Но нет, он не отпустит. Ладонь Вовы соскальзывает с раковины, ложится между моих грудей от подмышки до противоположного плеча и до боли вжимается пальцами в ключицу.

Я зажата, поймана в ловушку. Слышу рычание слева от себя, пока зубы сжимают мою нежную кожу. Справа пальцы крепко вонзаются в моё плечо и не отпускают. Моё нутро сжимается от новой волны оргазма, пока Вова трахает меня безжалостно пальцем. И теперь, зажата этим властным мужчиной, доведённая до безумия, я получаю новую порцию до сих пор незнакомых ощущений. Несколькими резкими толчками, не приемля сопротивления, он заталкивает свой огромный член в моё узкое анальное отверстие.

Оргазм всё равно настигает меня. Но он с примесью боли, как и наши с Вовой отношения, полные безудержного притяжения и отвращения одновременно. Полные страсти

и ненависти. Чувства на грани лезвия бритвы, которые хочется вырвать с корнем — и одновременно никогда их не потерять.

Как сладкий кофе, отдающий полынью. Как тогда он сказал? «Люблю, чтобы был крепкий, сладкий и оставлял приятный привкус с горчинкой, чтобы не терять связь с реальностью». А у нас он не просто с горчинкой — в наших отношениях это и есть горечь в чистом виде. Горечь, от которой сводит язык и венами течёт лава, сжигающая сознание и оставляющая после себя пепелище.

Я умираю и оживаю в его руках. Я чувствую... Я думала, что потеряла способность чувствовать. Но это не так. Он научил меня отдаваться ему без остатка. Научил пылать словно в последний раз. И сейчас я упиваюсь единением боли с кайфом. Я упиваюсь этим коктейлем.

Я ставлю последнюю точку, сама толкаясь на его член. Мне нравится эта боль. Иначе быть не может. Наши отношения не могут быть другими. Это не сладкая романтика с держанием за ручки. Это жёсткий трах, от которого сносит крышу. Боль возвращает меня в реальность, напоминает, что этот человек — моё личное проклятие. Тот, кого я хотела убить, а вместо этого сгораю от удовольствия в его руках.

Мой крик разрезает острым лезвием тишину. Его рычание и довольные стоны вызывают острые сладкие спазмы внутри. Он упивается мной, а я — его желанием. Я не сдерживаю своих эмоций. Я хочу, чтобы он знал, насколько мне это всё нравится. Последние волны оргазма разливаются по телу. Последние толчки с надрывом заканчиваются болезненной пульсацией внутри меня. Он тоже финиширует, но не спешит меня отпускать. Движения становятся медленными, объятия нежными, рука соскальзывает с моего измученного лона и поддерживает за талию. Будто зверь, он зализывает следы от укусов и покрывает мою кожу поцелуями, такими, от которых мурашки танцуют по коже головы.

Вова выпрямляется, не отпуская меня. Обнимает и прижимает к себе так, словно всю свою жизнь меня ждал, а теперь боится потерять. В этих объятиях столько желания, столько тепла, любви и... боли. Я знаю, что ему тоже больно. Но не я спустила курок. Он сам это сделал. И знаю, что жалеет... но время назад не вернуть, и его поступок ничем не перечеркнуть.

Вова медленно выходит из меня, без особого на то желания. И мне тоже становится пусто. Мне не хватает внутри того ощущения наполненности, щедро приправленной болью. Он снимает презерватив и бросает в урну. Опять прижимает меня к себе. Скользит членом между моих ягодиц, размазывая остатки спермы. Наконец-то я открываю глаза и позволяю себе вернуться в реальность.

Смотрю на наше отражение. Вова прячет лицо в моих волосах, дышит мной, скользит носом по шее и дарит ленивые поцелуи. Вижу нас двоих, таких счастливых и несчастных в то же время. И меня накрывает. Влага катится из глаз и удивляет меня. Я плачу, потому что мне вдруг становится жаль этих двоих в отражении. Жаль, потому что их отношения заранее обречены. Наши отношения обречены...

Не поднимая головы, Вова вдруг поднимает глаза и встречается с моим взглядом. Хочется убежать, спрятаться, но поздно, потому что понимаю, что сейчас он видит не моё лицо, а мою обнажённую душу. Заглядывает в самые потаённые уголки, о существовании которых я и сама не знала.

Я понимаю, что действительно люблю этого человека ...

Я понимаю, что люблю его. А хуже всего, что я вижу, что он тоже это понял. Но

мужчина молчит. Его пронзительный взгляд, просканировав мою душу, лениво опускается вниз. Последний поцелуй обжигает мою кожу. Вова подхватывает меня на руки и несёт в кровать. Он ложится вместе со мной, обнимая меня со спины.

— Я знаю, что отравил твою жизнь, — вдруг говорит хриплым голосом, проникающим на уровне подкорки в сознание.

Я молчу. Мне нечего ему сказать.

— Я сожалею об этом. Я тебе говорил, что если бы мог что-то изменить, то ничего бы не менял. Так вот, это всё ложь. Но это не имеет никакого значения, потому что прошлого не изменить, как бы сильно ни хотелось. И я хочу, чтобы ты знала: я тоже тебя люблю. Люблю настолько сильно, что сердце бы вырвал из своей груди, если бы это хоть как-то могло облегчить твои страдания.

Пока он это говорит, моё сердце едва не выскакивает из груди, хотя мозг и пытается уgomонить глупые эмоции. Это всего лишь слова! Слова человека, убивающего не колеблясь, разрушающего жизни, пытающего других. Он монстр, а монстры не умеют любить. Они могут только владеть и брать то, что, как им кажется, принадлежит им.

Не верь! Не верь ни единому его слову!

Вот в чем я пытаюсь себя убедить.

Но сердце поёт песни, тело не слушает призывов разума, прижимается к мужчине, без ума от его признания. Жгучая слеза то ли счастья, то ли боли, катится по моей щеке и останавливается на его руке, на которой я лежу. Объятия мужчины становятся крепче. Дыхание становится более глубоким, взволнованным.

Вова переворачивает меня на спину, склоняется надо мной и поцелуями забирает мои слезы. Вижу чувство вины в его ледяных глазах. Монстр превратился в нежного котика? Хищник влюбился в мышку? Такого не бывает. Это лишь игра, ставшая для меня проклятием, а для него спасением. Почему? Потому что хищником должна была быть я. Я должна была его убить, а вместо этого превратилась в безвольную игрушку, в его собственность. По доброй воле.

И, кажется, так может продолжаться вечно.

Потому что вряд ли я решусь его убить.

Я думала, причина в том, что я в принципе не могу убить человека. Не имеет значения, кого — просто не могу. Но ситуация с Борисом доказала обратное. Я так же, как Вова, не колеблясь нажала на курок. Убила Бориса — и не просто не сомневалась, но и получила от этого большое удовольствие, примерно сравнимое с оргазмом. Выброс эндорфинов, вызывающих зависимость.

Уверена, что так же легко лишила бы жизни и Алекса, и Ивана.

И так же уверена, что сколько бы ни пыталась, Вову я убить не смогу. Что бы он ни сделал, я не смогу его убить. Я буду ненавидеть, разъедаемая своей ненавистью изнутри, но не смогу довести свою вендетту до конца. Он сломал меня. Покорил. Приручил. Можно придумать много названий тому, что происходит между нами. Но суть остаётся неизменной — он победил.

Мне становится спокойно. Нежность мужчины укрощает бурю внутри. Я обнимаю его за шею, запускаю руки в волосы. Я просто хочу чувствовать его рядом. Вова опирается на одну руку, другой придерживая меня, и перекачивается на спину, а я оказываюсь сверху. Я кладу голову ему на грудь и слушаю ровное, мощное сердцебиение. Мужчина обнимает меня, даря ощущение защищённости и безопасности.

Я полностью потеряла голову. Я хочу быть с тем, кто пустил пулю в мою душу и рассёк сердце пополам.

Я засыпаю. Снова рядом с ним, в его объятиях я сплю спокойно. Даже ужасы не решаются побеспокоить меня, когда я под протекцией этого монстра.

Будит меня навязчивая мелодия мобильного телефона. Оказывается, Вова тоже уснул. Сонными глазами он смотрит на меня. Но у меня сотового нет ровным счётом с того момента, как я попала к Вова в плен, и это его мобильный.

Мужчина тянется к аппарату, придерживая меня одной рукой. Нажимает на зелёную кнопку, глядя в мои глаза, и прикладывает телефон к уху. Чётко слышу каждое слово и перестаю дышать от услышанного.

«Обвиняемый заговорил. Кто-то вписался за него. Нужно решить эту проблему».

И всё. Вова нажимает отбой, откладывает мобильный, а я вопросительно смотрю на мужчину. Он молчит. Но я вижу, как в его глазах бушует ураган. Что-то случилось. Что-то нехорошее.

— Мне нужно отъехать, — говорит Вова. Он не спрашивает, он ставит меня перед фактом, мягко отстраняя меня.

Я поднимаюсь и сажусь на кровати. Мужчина встаёт и направляется в сторону душа. Меня сжимает тисками тревога с ног до головы. Плохое предчувствие требует не отпускать его от себя ни на шаг. Иду за ним.

— Вова, — неуверенно обращаюсь к мужчине, останавливая его на пороге ванной комнаты. Он оглядывается на меня и смотрит то ли удивлённо, то ли растерянно. — Не уходи, — говорю и сама себе удивляюсь. Я переживаю? За него или за себя?

— Я должен уйти, — отвечает и исчезает в душе.

Но я не сдаюсь и захожу к нему в кабинку. Обнимаю Вову и прижимаюсь к нему. Мужчина отвечает на мою нежность, обнимая одной рукой, а второй включает воду. Смотрит на меня, и я вижу в его глазах решимость. Непохоже, что мне удастся его отговорить. Но я должна попытаться. Вдруг получится, может, смогу достучаться. Он сказал, что сделает для меня всё что угодно. Вот и проверим ...

— Ты говорил, что любишь меня, — смотрю в его холодную голубизну. — Говорил, что ради меня сделаешь всё что угодно? — скорее спрашиваю, чем утверждаю.

— Да, — отвечает он и крепче меня обнимает, подставляя свою голову под поток воды. — Говорил.

— Тогда не уходи, — прошу. Знаю, что это примитивные манипуляции, но что мне ещё остаётся делать? — Ради меня.

Я прошу, чтобы он не уходил, а Вова улыбается, но без хитрости, без злости или превосходства. Скорее, снисходительно.

— Именно ради тебя и должен уйти, — говорит и целует меня нежно, так, что трудно противиться и сомневаться, что как он сказал, так оно и есть. — Ради твоей безопасности.

— О чем шла речь? Кто заговорил? Какой вопрос ты должен решить? — срываюсь в потоке вопросов, глядя в его глаза. Хочу услышать правду, но понимаю, что проигрываю ещё до начала битвы.

Вова накрывает ладонью мой затылок, запускает пальцы в волосы, нежно ласкает. В голубом небе собираются грозовые тучи. Он хмурит брови, на лице застывает суровое выражение, а в глазах — искрится холод.

— Тебе не нужно об этом знать, — говорит ледяным тоном.

— Ради моей безопасности? — продолжаю вместо него, недовольно поджимая губы.

Я не хочу быть молчаливой тенью. Я должна быть в эпицентре событий, тем более, если эти события касаются меня непосредственно.

— Да, — отвечает Вова.

Горькая улыбка появляется на его лице. Ещё один поцелуй. Сначала сдержанный, но очень быстро он становится взрывом боли и жажды. Мы не целуемся — мы пьём друг друга, жадно сплетаясь языками, проникая глубоко внутрь. Руки блуждают по телам, рисуют собственные узоры. Мне мало... Ему мало. Нам никогда не насытиться друг другом. Потому что мы оба понимаем, что в любой момент нашему призрачному счастью может прийти конец.

И сейчас, очевидно, именно этого я и боюсь. Я боюсь, что он не вернётся. Я боюсь, что пойду его искать и попаду в ловушку. Я боюсь, что меня найдут. Я боюсь, что я вижу его в последний раз...

Возможно, он чувствует то же самое.

Возможно, он тоже этого боится.

Больше всего я боюсь, что каждое наше мгновение может стать последним.

— Я не готова тебя потерять, — говорю это вслух. Он должен это знать. Возможно, хоть это заставит его остановиться. Или замотивирует вернуться целым и невредимым.

Я не маленькая и прекрасно понимаю, что его жизнь, то, чем он занимается — это постоянный риск. Жизнь на пределе. И я догадываюсь, что сейчас такая же ситуация, когда он должен сделать что-то, что выходит за пределы нормального, безопасного. Если я не могу удержать его рядом, то хотя бы покажу, что ему есть ради чего жить и бороться.

Если я не могу его убить, то и другие не имеют права.

Он — моё наказание, мой сладкий грех, моя адская бездна и моя навсегда утраченная совесть. Он мой.

— Не потеряешь, — говорит уверенно, глубоко вздыхая. Прижимает меня к себе, нежно сжимает зубами шею, затем проводит языком и заканчивает этот ритуал пытки моей шеи поцелуем. Рычит, отпускает меня и выходит из душа, не оглядываясь.

Вижу, что ему тяжело, что он не хочет идти. Почему же тогда уходит? Неужели это настолько важно? Разве действительно не может отказаться, чтобы защитить меня?

Вдруг пазл начинает складываться в картинку, не до конца понятную, но...

Я выключаю воду. Выхожу из кабинки и заворачиваюсь в полотенце. Застаю Вову почти одетым.

— Ты должен кого-то убить? — спрашиваю прямо. — Не того, на кого вы повесили одно из своих преступлений?

Знаю, что такие вопросы задавать не стоит, но я должна знать правду. Спрашиваю резко, смело, хотя и не знаю, какой может быть реакция. Я не боюсь, что он разозлится. Я боюсь больше никогда его не увидеть.

С мгновение он рассматривает меня, будто впервые увидел. Словно он нашёл во мне что-то новое, доселе неведомое, неожиданное, а потом говорит:

— Да. И если я этого не сделаю, не вернусь к ним, у них возникнет логичный вопрос: почему? Почему я вдруг исчез, не хожу на общие встречи, не развлекаюсь с ними, — мужчина медленно приближается ко мне. — А если они начнут задавать себе такие вопросы, то рано или поздно найдут на них ответ, — Вова уже стоит вплотную и смотрит на меня голодными глазами владельца, на имущество которого вдруг позарились. Тянет за край полотенца, и оно падает к моим ногам. Мужчина рассматривает моё обнажённое тело. Громко сглатывает, а я наблюдаю за движением его кадыка. — Они найдут тебя, — говорит на выдохе. — А этого я не могу допустить.

Вова удивляет меня, ведь я вижу в его глазах умело контролируемое желание. Отказывать в своих желаниях не свойственно этому мужчине. Он прикасается пальцем к моему подбородку и прижимается к моим губам. Запускает язык внутрь, а я охотно его принимаю. И вдруг бешеным усилием воли он обрывает поцелуй.

— То есть ты там будешь развлекаться? — смотрю на него с едва скрываемой злостью. — С другими?

И понимаю, что я ревную. И он это понимает...

Криво улыбается.

— Ни-ка, — сладко растягивает моё имя, словно смакуя его. — Меня не интересуют другие женщины. До встречи с тобой у меня больше года не было отношений. И банальный перепихон без обязательств я не люблю. Приелось. Насытился. Возможно, я и похож на того, кто трахает всё, что движется, но это не так. Это трудно объяснить, но... я не хотел. Всё осточертело. Пока не появилась ты. Верить?

— Не знаю.

— Что именно ты не знаешь? Не знаешь, веришь ли мне, или не знаешь, что ревнуешь? — улыбается.

— Я не ревную! — возражаю рефлексивно. Отрицаю очевидное.

— Ника, я должен идти. Не выходи из дома. Ладно? Я оставил тебе пистолет в шкафчике, — указывает взглядом, — уверен, что он тебе не понадобится. Просто для твоего спокойствия.

Целует меня в лоб, застёгивает рубашку и идёт.

Хочется кричать от отчаяния. Вцепиться в него руками и ногами и не отпускать. Я знаю, что он не может поступить иначе. Теперь верю. Но также я знаю, что должно произойти что-то плохое. Называйте это женской интуицией, ведьмовским чутьём — как угодно. Но суть от этого не меняется. Такая внутренняя тревога всегда имеет причину и предвещает беду.

Несколько часов растянулись уже в целые сутки ожидания. Вова не говорил, когда вернётся. Запаса продуктов мне хватит минимум на две недели, но я очень надеюсь, что он

решил свои дела раньше. Кроме пистолета, который я постоянно держу при себе, у меня ничего нет. Я в глуши, вдали от цивилизации, ни транспорта, ни связи. Если с Вовой что-то случится, мне придётся туго. А вот если что-то случится со мной — меня уже не найдут...

Прошло два дня. Два дня одиночества, бессонницы и состояния на грани истерики. Два дня размышлений, сожаления и самоистязания. Мне никогда в жизни не было так плохо, если не считать периода после смерти моих родных. А теперь я волнуюсь об их убийце. Ненормальная. Это все ненормально. И я, очевидно, психически больна.

И вот я слышу шаги за порогом. Дверь открывается. Но это не Вова...

Я нацеливаю дуло пистолета на незнакомца, каким-то образом самостоятельно открывшего дверь. У него есть ключ?

— Эй, эй! Тише! — мужчина поднимает руки вверх, как бы показывая мне, что он не несёт угрозы. — Я друг. Меня послал Вова, — говорит уверенно. Смотрит в глаза, и никаких сомнений на его лице. Сложно понять, врёт он или нет.

— Вова мне ничего не говорил. И не говорил о друзьях, — цежу сквозь зубы и снимаю оружие с предохранителя.

— Воу, притормози, — выставляет перед собой руки, делая полшага назад. Он боится. Понимает, что я могу выстрелить. Это немного успокаивает. — Вовка предупреждал, что ты вспыльчивая. Но подумай сама, откуда бы у меня взялись ключи? Я открыл дверь ключом. Я знаю, что тебя зовут Ника. Знаю, что Вова тебя здесь прячет. Я свой. Я друг, честно! — выпаливает почти на одном дыхании.

Не знаю, верить ли. Но... что если он говорит правду?

— Почему Вова сам не приехал? — спрашиваю очевидное.

— Потому что не может. У него... проблемы.

— Какие ещё, к чёрту, проблемы? Говори как есть! — я нервно взмахиваю пистолетом перед лицом мужчины, отчего он дёргается назад и приседает.

— Да успокойся ты! — восклицает, прикрывая голову руками. — Чёртова психопатка, — добавляет тише.

Хм-м. Так притворяться... Возможно, конечно, но сложно. Изображать страх во взгляде — задача не из простых. Но простого ко мне бы не подсылали. Должен быть способ проверить, действительно ли его отправил Вова.

— Докажи, что ты говоришь правду. И выкладывай всё. Думаю, ты прекрасно понимаешь, что я выстрелю, ни секунды не сомневаясь, если только ты мне не докажешь, что у меня нет веских причин тебя убивать.

— Да вижу, что не шутишь, — отвечает мужчина, немного расслабляясь, но так и остаётся на корточках. — Меня зовут Влад. Повторяю ещё раз, я друг Вовы. Он попал в беду. Он на мушке у Ивана и Алекса, поэтому не может прийти сам, не подвергая тебя опасности. Он отправил меня позаботиться о тебе. На крайний случай — спрятать в другом месте. А по поводу доказательств, что это правда... — Влад делает паузу, опускает глаза и, кажется, даже слегка краснеет. — Он сказал мне, если ты не поверишь, сказать... что его пунктик — это твоя шея. Он... любит... оставлять на ней следы...

Влад смотрит на меня, ожидая моей реакции. А я невольно улыбаюсь. Его пунктик... Так вот почему Вова постоянно кусает меня. Странно и приятно одновременно. И грустно, потому что я осознаю, насколько соскучилась по нему, по его безумной страсти, по ощущению душевной наполненности и спокойствия, дарованному им...

— Заходи, — говорю. Точнее, приказываю. — Закрой дверь и садись на диван.

Возвращаю оружие на предохранитель и прячу за поясом. Влад делает всё, как я ему приказала. Я сажусь напротив него в кресло. Так между нами остаётся достаточное расстояние, чтобы я имела возможность выхватить оружие и выстрелить в случае необходимости. Хотя, думаю, что такой необходимости не возникнет.

Но всё же моя приобретённая с опытом недоверчивость тихонько стучит в дверь, требуя быть настороже. Почему я ему не верю на все сто процентов? Потому что эту информацию можно было получить различными способами, не только услышав от Вовы как аргумент для моего убеждения. Даже не хочу об этом думать, но понимаю, что это возможно.

— А теперь объясни, что означает «Вова у них на мушке»?

Я должна знать наверняка, что с ним все в порядке. Иначе могу снова натворить глупостей.

Влад откидывается на спинку дивана. Очевидно, что пытается скрыть своё напряжение.

— Не в прямом смысле. Я деталей не знаю. Он просто сказал, что пока должен быть с ними. У них какие-то неотложные дела. И если он сейчас исчезнет, сорвётся куда-то, Иван или Алекс могут что-то заподозрить или начать следить за ним.

— Я думала, они друг другу доверяют, — озвучиваю свои мысли вслух.

— Такие люди никогда не доверяют друг другу на сто процентов. Это бизнес. Тем более грязный...

И он прав.

— Отвези меня туда.

— Ты совсем спятила?! — восклицает Влад. — В логово к зверям? Они думают, что ты мертва. И так и должны думать дальше.

— Тогда заведи меня из этой глуши. Я здесь сама скоро озвереею.

Влад смотрит на меня с недоверием, очевидно, обдумывая мою просьбу.

— Вова сам предлагал тебя перепрятать на всякий случай. Что ж, ничего не имею против. Собирай вещи. Сколько тебе нужно времени?

— Пять минут, — отвечаю, а мужчина удивлённо таращится на меня.

Я уже смирилась с тем, что у меня больше нет собственной жизни. Нет семьи, нет дома. Так зачем мне вещи? Я всего лишь переоделась в удобную одежду, чтобы можно было скрыть оружие, завязала волосы в тугий хвост — и я готова.

— Поехали, — выхожу из комнаты.

— Я надеялся, что твои пять минут выльются минимум в пятнадцать, а не три, — Влад поднимается, отрывая взгляд от телефона. — Вот так всегда, когда можно не спешить, вы быстрые, как никогда. Даже отдохнуть с дороги не успел, — ворчит мужчина.

А я отвыкла от такого. Нормальные разговоры о мелочах, обычные люди с обычным, типичным поведением...

Для меня это всё стало чуждым и непонятным.

Мы садимся в его автомобиль. Влад пытается завязать разговор, но я его игнорирую, поэтому в конце концов мы едем в тишине. Не знаю, сколько времени проходит, ведь ни часов, ни телефона у меня нет. По ощущениям — не менее часа. А может, и два.

— Куда ты меня везёшь? — спрашиваю, когда уже и меня начинает напрягать угнетающая тишина.

— Ко мне домой.

— Это далеко от отеля? — единственное, что меня интересует.

— Нет. Недалеко. Но не волнуйся. Ты будешь в безопасности. Новая стратегия Вовы — если они даже что-то и пронюхают, догадаются, что ты жива, никто не подумает искать тебя прямо у них под носом. И ему будет легче навестить тебя при первой же возможности. Главное — сама не высовывайся, — я киваю в знак согласия.

Хорошо, что он так думает, что решил, будто я боюсь. А на самом деле я хочу быть ближе к Вове, чтобы в случае чего помочь ему. Возможно, помощник из меня так себе, но, по крайней мере, осознание того, что он рядом, придаёт мне силы выдержать разлуку и

унять волнение.

Я уже думаю о нем так, как думают о... возлюбленных. О тех, ради кого жизнь готовы отдать. Я не понимаю, что со мной происходит, но, кажется, моя тёмная сторона берет верх. Я отдала душу дьяволу и добровольно следую за ним. Я пропащая. Я переступила через собственные принципы и мораль, утонула в разврате. Это не любовь — это болезнь, разъедающая нутро.

Вскоре мы оказываемся на месте. Маленькая квартира в тихом районе выглядит довольно уютной. Влад живёт один. К счастью, комнаты у него две. Но, к моему большому сожалению, дверь в комнату нельзя запереть. Хотя и в этой ситуации можно выкрутиться — у меня есть оружие, а дверь можно подпереть мебелью.

Влад предлагает мне поужинать, но я отказываюсь. Приняв душ, я закрываюсь в выделенной мне комнате. Так и делаю — подпираю ручку стулом, так что открыть дверь быстро и без шума не получится никак. Сразу ложусь в постель, но уснуть так быстро, как хотелось бы, не получается. Минуты без Вовы тянутся слишком долго, а сон мог бы помочь скоротать время.

Я снова ненавижу себя, потому что постоянно думаю о нем. Иногда волнуюсь, а иногда действительно ревную, думаю, не пошёл ли он с кем-то там развлекаться якобы ради прикрытия. Я то психую, то тоскую, то готова сорваться и побежать к нему. А потом в последний момент себя останавливаю. В конце концов так и засыпаю в тревоге и недобрых предчувствиях, не покидающих меня с того мгновения, когда я в последний раз видела Вову.

Просыпаюсь, когда кто-то пытается открыть дверь. Дверь не поддаётся, а я тем временем успеваю выхватить оружие из-под подушки, перекатиться на спину и снять пистолет с предохранителя. Согнутыми в коленях ногами упираюсь в постель. Между широко расставленными ногами держу обеими руками нацеленное на вход оружие. Сон как рукой сняло, и я готова ко всему.

Но не к тому, что меня ждёт.

Стул ломается под напором, а на пороге возникает... Вова. В свете, падающем на него со спины, мужчина выглядит, мягко говоря, пугающе. Плечи поднимаются в такт частому дыханию. Напряжение чувствуется в воздухе. Он... зол? Или взволнован? Или...

Он медленно идёт в мою сторону. Будто хищник, нашедший свою жертву загнанной в тупик. Я ставлю оружие на предохранитель и откладываю его в сторону. Стрелять в него я точно не собираюсь. Так и лежу, не веря своим глазам. И не знаю, чего ожидать. Вдруг что-то изменилось за эти дни? Возможно, он понял, что я для него не так уж и важна. Что, если наигрался? Но мне всё равно. Главное, что я его вижу целым и невредимым.

Хищник делает рывок в мою сторону, несколькими быстрыми шагами преодолевая расстояние между нами. Опускаясь между моих широко расставленных ног, он ставит ладони на кровать с двух сторон от моей головы и просто рассматривает меня в полумраке. Слышу шаги и вижу Влада на пороге.

— Что случилось? — спрашивает владелец квартиры, застывая в удивлении на проходе. — Что за шум?

— Ничего, — отвечает Вова, не оглядываясь. — Пойди погуляй где-нибудь пару часов.

— В смысле? Но это моя квартира! — возмущается Влад. А после добавляет едва не с отчаянием: — Посреди ночи?

— Влад, не беси меня, — цедит сквозь зубы Вова.

Влад исчезает, раздражённо толкнув дверь. Комната погружается во мрак, а я так хочу

видеть Вову. Прикасаюсь к его лицу руками, глажу пальцами, чтобы хотя бы почувствовать, если не могу увидеть. Шаги и недовольное брюзжание за дверью очень быстро стихают. Влад закрывает входную дверь, яростно ею хлопнув, а мы будто с цепи срываемся.

Мы в спешке раздеваемся, помогая друг другу избавиться от лишних вещей, словно за нами черти гонятся. Жадно гладим друг друга, обнимаем. Губы сливаются в жадном поцелуе, языки сплетаются в страстном танце. Вова на мгновение отрывается от меня, чтобы надеть презерватив, но я забираю у него упаковку. Я хочу сделать это сама.

Сажусь. Достая резинку и игриво толкаю Вову в грудь, заставляя его лечь на спину. Мужчина не сопротивляется, позволяя мне поиграть в свою игру. Знаю, что надолго его не хватит, ведь он должен всё контролировать сам, но мне долго и не нужно. Провожу рукой по его бедру снизу вверх, останавливаясь на яичках. Нежно сжимаю, срывая довольное рычание из горла мужчины. Наклоняюсь и провожу языком по члену от основания к головке, а потом обхватываю его губами и заглатываю полностью. Вова громко выдыхает. Я медленно отпускаю член, наслаждаясь твёрдостью и пульсацией во рту. Натягиваю презерватив на головку руками, а потом растягиваю его губами по всей длине, вкладывая в это движение максимум откровенной страсти.

Вова издаёт нетерпеливый рык, а через мгновение подхватывает меня, и я оказываюсь под ним. Вот и всё, он снова контролирует ситуацию. А я не против, потому что я без ума от его напора, от контроля и удовольствия, которое он дарит мне. Он контролирует не из-за желания поскорее получить удовольствие самому, а потому что лучше знает, как подарить его и мне.

Его губы находят мои. Мои руки оказываются над головой, прижатые его ладонью к постели. Обнимаю его ногами и подаюсь навстречу. Он входит в меня резким толчком, вдыхая мои стоны. Накрывает мой рот очередным поцелуем, от которого кружится голова. Я задыхаюсь от огня, сжигающего нас. Это оазис посреди пустыни. И пусть вода в источнике отравлена, я буду пить её, пока моё сердце не сделает последний отчаянный удар.

Это не секс — это животная страсть, вечное проклятье не иметь возможность утолить потребность друг в друге. Он неистово толкается в меня, заглушая стоны поцелуями. Потом возвращается к своему фетишу — к моей шее, снова оставляя на ней укусы, клеймя меня, смешивая удовольствие с болью.

Вова отстраняется, но лишь для того, чтобы посмотреть на меня в полумраке. Прикасается ладонью к моему лицу. Неконтролируемым движением хватаю его большой палец. Засасываю, обвожу языком, покусываю мягко. Делаю с пальцем то, что хотела бы делать с его членом, который беспощадно истязает меня.

— Ещё... — стону, умоляя.

И он даёт мне то, чего я так жажду. Каждый новый толчок сильнее предыдущего. И ещё быстрее. Быстрее. Быстрее...

Тепло разливается по телу. Мурашки устраивают огненные танцы на коже. Конечности немеют. Я освобождаюсь, взрываюсь оргазмом, от которого в глазах собирается предательская влага. Я боялась, что больше его не увижу, не почувствую страсти, поглотившей меня до конца. Страсти, сжигающей тело и плавящей мой мозг. Я завишу от него, не могу без него, и мне начинает нравиться эта зависимость.

Вова больше не сдерживается и через несколько секунд взрывается волной спазмов, распирающих меня изнутри, усиливающих мой собственный оргазм. Я плачу от удовольствия. Меня накрывает такая буря эмоций, что хочется поставить время на паузу и

остаться в этом мгновении навсегда.

Вова отпускает меня. Оставляет поцелуи на шее, прокладывая дорожку к лицу, и чувствует влагу на моих щеках.

Мужчина замирает в недоумении.

— Почему ты плачешь? — спрашивает взволнованно. — Я сделал тебе больно?

— Нет, — отвечаю. Стараюсь упорядочить мысли, спутавшиеся в тугий узел. — Просто я ненавижу тебя. Должна ненавидеть, — голос предательски дрожит. — Но вместо этого...

Я пытаюсь разобраться в своих чувствах, чтобы ответить на поставленный вопрос.

— Просто я ненавижу тебя. Должна ненавидеть, — говорю ему. — Но вместо этого... чувствую совершенно обратное.

Недоговариваю. Не произношу этого вслух. Не хочу признаваться даже самой себе, что люблю его...

— Не плачь, — он покрывает мои прикрытые веки поцелуями. — Я не хочу, чтобы ты плакала из-за меня.

Если бы всё было так просто и зависело только от его желания.

— Я знаю, что я монстр. Но рядом с тобой я становлюсь лучше. Ты — мой якорь, удерживающий душу в тихой гавани. Только ты не позволяешь мне утонуть во тьме и сгореть в собственном аду.

Эти слова проникают в моё измученное сердце и провоцируют новый поток слез. Я для него якорь? А кто тогда для меня он? Груз, тянущий на дно? Или синее небо, в котором я парю, словно птица? Лекарство против моей боли или яд, разъедающий тело и душу? Свобода или ловушка? Любовь или ненависть?

Пожалуй, не существует однозначного ответа. Он всё и сразу. А какой путь выбрать, я должна решить сама. Отпустить ненависть, послав её к чертям, или позволить дальше травить своё нутро. Знаю точно, что пока я не готова простить ему, как бы этого ни хотела. И простить не могу, и отпустить его тоже. Я не могу без этого яда. Я нуждаюсь в новой порции каждый день, каждую минуту, каждую грёбаную секунду...

Я крепко обнимаю мужчину и даю волю слезам. Я больше не могу держать всю эту боль в себе. Не хочу больше быть одна и одна бороться. Он виноват в моих бедах, так что пусть он и забирает мою боль. Пусть избавит меня от страданий. Пусть вырвет моё сердце и оставит там чёрную пустоту, лишь бы всё это закончилось.

Я больше не могу так жить...

Вова поворачивается на бок, прижимая меня к себе. Гладит и успокаивает, нащёптывая утешительные слова. Я не особо вслушиваюсь и задумываюсь над тем, что он мне говорит, да это и не имеет значения. Главное, что он рядом. Главное, что в его надёжных руках мне становится спокойнее. Он действительно забирает мою боль. Сначала вытащил её тисками из уголков сознания, а теперь по капле забирает, освобождает меня.

И я ему благодарна за это.

Мы так и лежим в объятиях друг друга. Долго. Я уже успокоилась, и Вова берет меня на руки и несёт в душ. Мы смываем следы страсти и моральную усталость, нежно прикасаясь друг к другу. Вместо страсти пришла нежность, тепло, ранее незнакомое. Не знаю, как так произошло, но сейчас мы друг для друга подобно утраченной частичке души, нечто особенно ценное, что-то, что нужно беречь и лелеять.

Я действительно потеряла рассудок.

Как и он.

Мы потерялись друг в друге.

Мы растворились в собственной ненависти и любви. Мы две сломанные души, которые только вместе, объединившись, вернули способность снова жить и чувствовать. Только вместе мы можем выжить и не потерять себя. Но стоит разделить нас — и наш карточный

домик рассыплется от малейшего порыва ветра.

Две искалеченные души, одна искалеченная на двоих жизнь.

Так же нежно вытираем друг друга, впитывая полотенцами влагу. Нет сил оторваться друг от друга. Мы ложимся в кровать, крепко друг к другу прижимаясь, обнимая друг друга.

— Больше не оставляй меня одну, — шепчу.

— Если бы я мог, — отвечает он. — Потерпи. Просто потерпи немного, и я всё улажу. Ты будешь свободной. Я обещаю.

Свободной? Разве такое возможно? Как я могу быть свободной, если моя клетка внутри меня, мною же и создана? Я сама себя загнала в сети ненависти. Чтобы сломать клетку, я должна убить их всех четверых. Но Вову я убить не смогу, а значит, я никогда не стану свободной. Я никогда не смогу вырваться из собственной ловушки.

Я ничего не говорю в ответ. Вова считает, что сможет все уладить? Не буду его разочаровывать. Пусть так думает. Он всего лишь хочет помочь. Он такая же израненная и осквернённая душа, как и я.

Я засыпаю. Его размеренное сердцебиение под ухом успокаивает. Объятия греют и дарят уют. Я не думаю о том, кто он. Моё сердце стремится к Вове, и этого достаточно, чтобы моя больная душа притихла и прекратила меня терзать.

Просыпаюсь, когда Влад слишком громко даёт знать о своём возвращении. Хлопнув дверь, он заходит в квартиру, с кем-то разговаривая... Что за хрень? Он что, пришёл не один?

Какого черта?!..

Вова тоже не спит. Кажется, он даже не дышит. Услышав, что я тоже проснулась, он прижимает палец к моим губам, призывая к тишине. Мужчина садится на кровати, не отпуская меня.

— Одевайся. Тихо и быстро, — шепчет мне на ухо. Он отпускает меня, но такое ощущение, что делает это нехотя, что предпочёл бы и дальше держать в руках, в своих объятиях.

Вова подсвечивает телефоном, пока мы быстро одеваемся. Очень быстро. Вова готовит оружие. Оно всегда при нем. Я своё тоже хватаю. А потом подхожу и кладу ладонь на его руку.

— Вова... — шепчу.

Мой голос дрожит. Страх окутывает нутро. Я не готова к новым испытаниям. Почему судьба ко мне так жестока? Стоило схватить крошки истлевшего счастья, как они рассыпаются в прах в моих руках. И теперь пепел выедает кожу и отравляет кровь.

Вместо слов мой мужчина запускает руку в мои волосы, притягивает к себе за затылок и целует в лоб. Берет меня за руку и ведёт за собой к двери. Сжимает мою руку, останавливаясь. Держит меня сзади, за своей спиной. За надёжной, такой родной спиной...

Нам некуда деваться. Некуда бежать. Только пройти через тех, кто ждёт за дверью. Только так. И понимание приводит к полному диссонансу внутри. Я пытаюсь взять себя в руки, а вместо этого слышу только собственное неистовое сердцебиение, словно молотом бьющее по голове.

Вова прижимает ухо к двери и прислушивается к тому, что происходит в квартире. Я тоже стараюсь разобрать, что там происходит, но слышу только тихий гул мужских голосов. Вдруг Вова резко поворачивается ко мне и сжимает за плечи.

— Будь здесь. Что бы ни случилось. Пока я не позову.

Он не ждёт ответа. Он приказывает. Оставляя меня в стороне от выхода, он решительно оставляет комнату и закрывает за собой дверь. Страх течёт по венам, обжигая и выворачивая сознание. Я не знаю, что делать. Я пытаюсь услышать, понять, что там происходит, но не могу.

Не думала, что я умею так сильно бояться. Ни разу в жизни мне не было так страшно, как сейчас. Это не просто страх, это похоже на паническую атаку, когда не понимаешь, в какой момент тело и разум выходят из-под контроля и начинают жить своей никчёмной жизнью загнанной жертвы.

Я слышу разговор, который становится всё громче. Слышу отдельные слова, брань, слышу голос Вовы... Я не могу уловить смысл слов, не могу собрать их воедино, чтобы понять, о чем они разговаривают. Словно в моих мозгах произошло короткое замыкание. И пошевелиться не могу. Так и стою там, где Вова меня оставил. Только улавливаю интонацию, настроение и понимаю, что Вова на пределе.

А потом слышу шум, короткую стычку, драку. Спустя несколько напряжённых секунд наступает тишина, отзываясь в ушах громким свистом.

Дальше я слышу шаги. В мою сторону.

И пока дверь закрыта, весь тот мир снаружи, всё, что там происходит, проходит вскользь мимо меня. Это просто страшный сон, стоит открыть глаза — и всё закончится. Я буду лежать в объятиях Вовы...

Но это не сон. Дверь открывается. Я стою за ней и дрожащими руками держу оружие. Целюсь, хотя пока не знаю, в кого.

Включается свет. Вижу тень на полу... Держу оружие наготове. На всякий случай. Я не стреляю. Я просто жду.

Вижу, как появляется Влад, ища меня взглядом. Потом оборачивается и находит.

Он медленно поднимает руку, глядя мне прямо в глаза. Кладёт ладонь на мои сжатые кулаки. Только сейчас понимаю, что мои руки дрожат. Пальцы свело, настолько сильно я сжимаю пистолет, а указательный палец прикипел к спусковому крючку. Влад осторожно опускает мои руки с оружием.

Я не хочу слышать то, что он мне сейчас скажет. Если бы всё было хорошо, на его месте был бы Вова. Поэтому я не хочу знать. Не хочу...

Но Влад раскрывает свои губы и выплёвывает в моё лицо эти проклятые слова:

— Опустить оружие. Всё кончено. Мне жаль...

Влад говорит то, что мой мозг отказывается воспринимать:

— Опустит оружие. Всё кончено. Мне жаль...

Не верю. Не хочу верить. Не слышу его слов. Влад отнимает у меня оружие, а я хватаюсь руками за голову и медленно сползаю по стене. Единственное, что осознает мой мозг, хотя и сопротивляется панически — это то, что я могу больше никогда не увидеть Вову ...

— Поднимайся, — говорит Влад, подхватывая меня под плечо. Тянет вверх из моей бездны, а я не могу встать.

Я не хочу выбираться из своей тьмы, чтобы не видеть, как свет вокруг сжигает меня. Моя тьма меня спасала. Мой грех, моё противоречие, моя болезненная любовь, — он стал моим спасением. И я не хочу знать, что мой спасательный круг оказался соломинкой, которая неспособна меня удержаться.

Влад волочит меня за собой, пользуясь моим анабиозным состоянием. Я словно кукла, марионетка, неживой человек. Просто тело, из которого вырвали душу. Уже второй раз. Мужчина сажает меня в машину. Автомобиль срывается с места, а я смотрю в окно. Перед глазами все плывёт, и мне уже всё равно, что будет со мной дальше.

— Что будет с ним? — спрашиваю. Единственное, что меня интересует, ведь он единственный, кто сумел вытащить меня из собственного ада.

Влад поворачивает голову в мою сторону и смотрит так, словно не ожидал, что я вообще могу подать голос. Затем снова возвращается к наблюдению за дорогой. Может, наброситься на него, спровоцировать аварию, и пусть будет, что будет?

— Тебя должно интересовать не что будет с Вовой, а что ждёт тебя, — отвечает через несколько секунд.

Это угроза? Да, угроза.

— И что же ждёт меня? — спрашиваю безразлично.

— Смерть.

Кто бы сомневался, что именно это он и скажет. Интересно, что я ему плохого сделала? И кто он такой? Вова доверял ему, а теперь... Этот человек предал Вову. А меня везёт в неизвестном направлении.

— Знаешь, когда Вова позвонил мне и попросил о помощи, — говорит Влад, — я даже представить не мог, что мне настолько повезёт. Но когда мы встретились, и он попросил о тебе позаботиться, я понял, что это мой шанс. Конечно, я приложил для этого максимум усилий. Я подтолкнул нескольких влиятельных людей в городе к мысли, что время правления четвёрки подходит к своему логическому финалу, что город нуждается в свежей крови. Я заставил их поверить, что нужны изменения, и именно они являются той свежей кровью. Я подсказал, что и как сделать, чтобы четвёрка начала нервничать. Конечно, я долго над этим работал и искал слабые места четвёрки. А тут ещё и ты появилась. С моей подачи началась борьба за власть, и я знаю, что в этой борьбе четвёрка всё равно победит. Да, не удивляйся. За ними стоят ещё более влиятельные люди, поэтому их время пока что не пришло. А я, как их преданный слуга, укажу так называемой четвёрке на предателя — то есть на Вову. А ещё привезу тебя на блюдечке с голубой каёмочкой. Помогу им решить проблемы и наконец-то сам получу место на вершине...

Влад мне всё это рассказывает, хвастаясь, а я не понимаю, зачем? Я могу всё рассказать

Ивану и Алексу. Могу сказать, что Влад — предатель, что это он во всем виноват...

— Почему они должны думать, что Вова — предатель? — спрашиваю, не до конца понимая план Влада.

— Потому что Вова не выполнил задание. Он должен был устранить двух свидетелей — тебя и парня, на которого повесили убийство твоей семьи, — мой мозг вспыхивает от его слов. Так вот о какой задаче говорил Вова. Вот кого он должен был убить. Глотаю болезненный ком, застрявший в горле от услышанного. — Но твою смерть он умело сымитировал, а тот парень, — на лице Влада появляется злорадная ухмылка, — непостижимым образом оказался на свободе и сбежал. И по странному стечению обстоятельств я знаю, где его искать. Будем считать, что это Вова его спрятал, — мужчина поворачивается ко мне и подмигивает.

Получается, Влад всё подстроил. Всё, кроме моего спасения. Но даже это сыграло ему на руку. Влад сделал всё возможное, чтобы уничтожить Вову. А цель — власть и деньги.

— Почему именно Вова? — спрашиваю. Смотрю на самоуверенное лицо мужчины. — Он ведь тебе доверял.

— Именно потому что он мне доверял. А ещё потому, что он мутный, опасный и хитрый. Подставить его... стало моей целью. Я больше года выполняю все его прихоти. Выручаю, прикрываю — и какую за это получаю благодарность? «Влад, не беси меня», — передразнивает Вову. — Я не мальчишка на побегушках. Я хочу карьерного роста. Хочу перспективы и светлого будущего. Пришлось делать всё самому...

Получается, Влад на самом деле ненавидит Вову. А Вова из-за своей самоуверенности не заметил, что пригрел на шее змею. Как опрометчиво с его стороны. А теперь мы оба за это поплатимся.

— Теперь, когда у меня всё чётко спланировано, — продолжает Влад. Похоже, ему просто необходимо хоть перед кем-то похвастаться собственными «достижениями», — я стану новым звеном четвёрки. Я укажу на мятежников. Привезу тебя. Расскажу о злых замыслах Вовы... И то, что его найдут едва живым во вражеском лагере, уже не будет иметь никакого значения. Такое предательство не прощают. А я — я заслужил новую должность. Я так долго, упорно трудился, чтобы выбраться из грязи...

Он ещё что-то рассказывает, хвастается, жестикулирует, а я понимаю, что моя жизнь с каждым его словом теряет смысл. Перед глазами стоит Вова, его взгляд, холодный и нежный одновременно, полный боли и нежности на грани с жестокостью. Его обещание, что всё будет хорошо. Его слова о том, что он сделает так, чтобы я забыла о его поступке. Вытеснит мучительные воспоминания новыми, хорошими...

А теперь болезненные воспоминания отходят на задний план, уступая место новой волне страданий. В этот раз, видимо, уже последней волне, ведь я не вижу смысла бороться дальше. Хочется закрыть глаза и уснуть вечным сном.

Я случайно стала инструментом в игре, в которой договорённости быть не может. Если одна банда стремится подвинуть вторую, победителями станут выжившие. Теневой бизнес, власть в городе — это всё сумасшедшие деньги. Это игра на смерть. Здесь не оставляют свидетелей. Авария, сердечный приступ, отравление, самоубийство — способы не имеют значения. Все, кто что-то знает и может разболтать, умолкнут навсегда.

Мы подъезжаем к гостинице, и я таки задаю глупый вопрос, мучивший меня всё это время:

— А ты не боишься, что я обо всём расскажу? — поворачиваюсь к Владу вполборота.

— А я все ждал, когда же ты спросишь, — мужчина скалится самодовольно. Останавливает автомобиль и тоже поворачивается ко мне лицом. — Ты не расскажешь. Потому что ты умрёшь ещё до того, как попадёшь к ним. Но сначала, — мужчина наклоняется ко мне, — я хочу узнать, что в тебе такого особенного, что Вова готов был рискнуть всем ради тебя — и положением, и даже жизнью.

Мужчина приближается, а я вспоминаю свои старые навыки. Я изображаю испуганную жертву, притворяясь, а сама за мгновение успеваю нарисовать в голове план. Последняя попытка спасти то, что дорого моему сердцу. Последняя попытка не только выжить, но и спасти собранную из обломков душу.

Пока Влад тянется ко мне, я разворачиваюсь к нему всем телом и изо всех сил бью его с двух ног. Дверь использую как точку опоры. Нажимаю кнопку, чтобы разблокировать автомобиль, а через мгновение я уже что есть мочи бегу в направлении отеля.

Именно сейчас, в этот момент приходит осознание, что я не хочу жить без Вовы. И это осознание придаёт мне сил и воскрешает желание бороться. И пусть я продолжаю его ненавидеть, но и люблю в то же время. Кажется, эти два чувства сплелись в одно целое словно два дерева, проросшие слишком близко друг к другу. Поэтому либо мы выйдем из этой ситуации вместе живыми, либо же вместе и умрём.

После смерти моей семьи я научилась ничего не чувствовать. Я жила рефлексами, изображала эмоции по привычке. Но Вова заставил меня снова чувствовать. И хотя вместе с прочими чувствами вернулась и боль, но я хотя бы чувствую себя вновь живой. Он меня заставляет чувствовать себя живой, принять и свет, и тьму в себе, принять реальность, что жизнь бывает жестокой, и с этим нужно учиться мириться. А если я потеряю его, я потеряю и себя. Навсегда.

Я бегу в отель — Влад бежит за мной. Понимает, что я готова на всё? Мужчина кричит, чтобы я остановилась, но я его не слушаю. Или пан, или пропал. На входе охрана, и они меня видят. Решение нужно принимать быстро, поэтому бегу на них с воплями: «Помогите!»

Охранники слегка растеряны, но чётко выполняют свои обязанности: достают оружие и целятся в меня.

— Стоять! — кричит один из них.

Я застываю в нескольких метрах от вооружённых мужчин, поднимая руки вверх. А дальше тараторю быстро, только бы они не прогнали меня либо не пристрелили.

— Иван и Алекс внутри? У меня для них жизненно важная информация. А вот этот позади — его надо задержать. Умоляю, он их подставил, меня хотел убить, а я нужна им живой!

Охранники удивлённо переглядываются.

— Спасибо, ребята, — слышу спокойный голос Влада за спиной. — Эта психопатка ещё и не такое придумает, лишь бы спасти собственную шкуру.

И похоже, что охрана ему верит.

— Нет, — дёргаюсь я, когда Влад тянет ко мне свои лапы. — Не верьте ему! Он в сговоре с врагами четвёрки!

— Кто с кем в сговоре? — слышу голос Алекса, так вовремя возникшего на пороге. На нём костюм. За ним ещё двое охранников. — Что происходит, Влад? — и только после он переводит взгляд на меня. — А она... откуда?..

Алекс, мягко говоря, удивляется. Брови лезут вверх. Замолкает на полуслове.

— Кажется, встречу придётся отменить, — на автомате говорит Алекс.

— Я нашёл её. Привёз к вам. Вова морочил вам голову. Он её не убил, — Влад начинает свою игру. Но трудно не заметить, насколько он напряжён. Ещё один самоуверенный дурак, который недооценил женщину. Если планировал убить, стоило сделать это раньше. Или не надо было мне рассказывать о своих планах. — Кроме того...

— Я вижу, — Алекс приходит в себя, грубо перебивая Влада. Очевидно, Алекс тоже замечает, как тот нервничает. Удивление на лице Алекса сменяется раздражением. — Вот только как, если я видел её труп собственными глазами, — мужчина переводит раздражённый взгляд на Влада, ожидая объяснений.

— Я не знаю, как. Но в том, что Владимир предатель, нет никаких сомнений.

— Алекс, послушай меня, — решаюсь вмешаться. Охранники до сих пор держат меня на прицеле, ожидая приказа, — это не Вова предатель, а Влад. Влад вас предал, предал Вову и подставил его.

Алекс удивлённо меня рассматривает. Влад напряжённо вздыхает. Охранники, будто каменные изваяния, не двигаются и не выражают никаких эмоций.

— Выслушай меня и ты сам все поймёшь, — добавляю, пока Алекс сомневается.

— Она скажет абсолютно всё ради спасения собственной шкуры. Ты же это понимаешь? — То ли утверждает, то ли спрашивает Влад.

— А ты боишься, потому что тебе есть что скрывать? — говорю, глядя Владу в глаза. Перевожу взгляд на Алекса. — Забери меня от него. Я всё расскажу, — говорю уверенно.

— Хорошо, — Алекс вдруг соглашается. В это время на меня даже не смотрит, сканируя Влада, наблюдая за его реакцией. — Или ты против, Влад, потому что тебе действительно есть что скрывать?

Влад поднимает руки, выставляя перед собой ладони в защитном жесте.

— Я чист, как родниковая вода. Пойдём, допросим её.

— Я чист, как родниковая вода. Пойдём, допросим её, — говорит Влад. А я не знаю, что делать дальше. Он будет оспаривать каждое моё слово. И кому Алекс поверит? Владу, с которым они, очевидно, в хороших отношениях, или мне, нежелательному свидетелю, врагу, желающему их смерти?

Влад, опустив руки, делает шаг вперёд. Я стою в стороне под прицелом двух охранников. Но Алекс преграждает путь Владу.

— Ребята, — Алекс кивает своим охранникам, стоящим позади, — проведите Владислава в камеру. Если ты действительно так кристально чист, сопротивляться не будешь, правда? И сам сдашь оружие, — охранники становятся по обе стороны от Влада и бесцеремонно проверяют его, забирая оружие.

А я улыбаюсь победно.

Влад рычит, едва сдерживая свою злость. Буравит меня взглядом. Вижу, что он с удовольствием сомкнул бы свои пальцы на моей шее. Смотрю на Алекса. Вижу лукавый блеск в его глазах. Он получает удовольствие от ситуации, никаких сомнений. Ему нравится унижать других, показывая своё превосходство, власть. Затем Алекс переводит взгляд на меня. Заинтересованно рассматривает с минуту.

— Ты меня удивляешь, крошка. Такая хрупкая девочка, а умудряешься поднять столько шума вокруг своей персоны.

Я молчу. Что поделать, если так складываются обстоятельства. Надеюсь, наступит момент, когда я и этим двоим пушу пулю в лоб.

Влада ведут внутрь. Алекс дарит мне волшебную улыбку, а в глазах пылает хищный блеск. На мгновение успеваю пожалеть о своём поступке, но что сделано, то сделано. Мужчина галантным жестом показывает, чтобы я проходила вперёд. Один из охранников открывает дверь и идёт следом. Другой остаётся на входе. Алекс настигает меня в два шага и берет под руку, чем вызывает недоумение. Откуда такое нежное отношение?

Мы идём по коридорам отеля, подходим к знакомой лестнице, и у меня возникает неприятное ощущение дежавю. Я уже здесь была. И мне не очень понравилось, кроме тех моментов, когда я была с Вовой. Но и они были неоднозначны. Повторить бы не хотелось, если честно.

Алекс заводит меня в помещение, совсем не похожее на те, что я видела в подвале. Я удивлённо рассматриваю уютную комнату. Она больше похожа на маленькие апартаменты для отдыха с двумя кожаными диванами, столиком между ними и несколькими креслами.

Мужчина предлагает мне сесть на один из диванов, тот, что находится дальше от выхода. Охранник становится за моей спиной, а Алекс садится на диван напротив меня. Мужчина, закинув ногу на ногу, откидывается на спинку дивана. Поза расслабленная, открытая. Он сплетает пальцы в замок, заведя руки за голову. Выглядит так, словно на самом деле собирается вести дружескую беседу.

— Внимательно тебя слушаю, — говорит Алекс, а я нервничаю, хотя и стараюсь скрыть своё волнение.

За эти несколько минут я успела всё обдумать и приняла решение, что единственный способ сейчас достучаться до Алекса — это рассказать правду. Пусть не всю, пусть несколько приукрашенную, но правду.

— Насколько хорошо ты знаешь Влада? — спрашиваю вместо объяснений. Ведь чтобы сопоставить факты, я должна сначала кое-что для себя прояснить.

Алекс молчит, очевидно, что-то обдумывая. Меняет положение ног, широко их расставляя. Он опускает руки и снова сплетает пальцы, ставя локти на колени. Наклоняется ближе ко мне, щуря глаза. Пока он играет со мной на равных. Волк в овечьей шкуре. Но и я ведь не овца. Алекс будто проверяет, на что я способна. Он словно боится напасть в открытую. Или же просто растягивает удовольствие...

— Знаю достаточно хорошо, чтобы не доверять на сто процентов. Впрочем, как и любому другому. Я никому не верю — и тем более тебе. И мне будет интересно услышать обе версии. Почему ты утверждаешь, что Влад предатель, а Вова жертва? Объясни.

Я принимаю защитную позу, скрещивая руки на груди. Откидываюсь на спинку дивана. Все это происходит на уровне рефлексов. Мне не нравится Алекс. Я уже молчу о том, что я его ненавижу и желаю ему смерти. Но я должна глубоко затолкать свои чувства, ставя на первое место болезненную потребность спасти Вову.

— Вова не предавал вас. Влад его подставил. Вова доверял ему, а Влад сдал его. И меня Он привёл врагов прямо к нам, хотя должен был помочь и...

— Помочь скрыть тот факт, что ты какого-то черта жива? — интонация становится грубее. Алекс давит на меня. Пока только морально. Но и этого достаточно, чтобы снова почувствовать себя мелким насекомым, над которым навис большой сапог, грозящий раздавить в любое мгновение, оставив только размазанное тёмное пятно.

— Я жива, потому что Вова хотел выяснить, кто именно ставит вам палки в колеса. Я была приманкой. А поскольку среди вас завелась крыса — задача усложнилась. Все должны были думать, что я мертва. Однако теперь ты знаешь, что предатель — Влад. И кто желает занять ваше место, теперь, я так понимаю, тоже выяснить не составит проблемы. Допроси Влада и всё узнаешь.

Конечно же, я импровизирую. Почему Вова меня не убил — это только мои предположения, представленные Алексу в выгодном для меня свете. На меня ведь открыли охоту, потому что я важный свидетель. Конкуренты четвёрки хотели меня заполучить, но кто именно вёл подпольную игру против божков этого города, четвёрка наверняка не знала, иначе бы давно уже избавилась от врагов. Они решили не рисковать и убить меня, а Вова...

Возможно, Вова действительно решил приберечь меня, чтобы сыграть в опасную игру и раскрыть все вражеские карты. Но и сам попал в ловушку, защищая меня. Доверился не тому, кому нужно.

— Кроме того, — продолжаю свой монолог, — Влад сам мне рассказал, что подставил Вову и натравил на вас влиятельных лиц, а все ради того, чтобы потом их выдать и проложить себе дорогу к вершине пищевой цепи. Он затеял эту игру с одной целью — власть и деньги. Всё как всегда. А, и ещё кое-что: Влад поспособствовал тому, чтобы человек, отправленный за решётку за ваши преступления, сбежал. А меня он планировал привезти к вам мёртвый. Поэтому всё рассказал. Хотел хоть перед кем-то похвастаться.

Алекс громко выдыхает. Опять откидывается на диван, в то время как я, наоборот, наклоняюсь к нему ближе.

— Интересная версия. И как все чётко обосновала. Жажда власти и алчность толкают людей на рискованные и весьма необдуманные поступки. Но остаётся один вопрос, который не даёт мне покоя, — Алекс поднимается и идёт ко мне.

Я отклоняюсь назад, наблюдая за мужчиной. Он подходит и садится на стол напротив

меня. Удобно усаживается. Опирается о край стола руками, с интересом изучая мою реакцию. Он слишком близко. Мне некомфортно. Я помню, как смеялась над размером его члена. А сейчас объект моих издевательств находится аккуратно напротив моего лица. Алекс слегка улыбается, словно в предвкушении, словно смакует свою победу. Да, я не в том сейчас положении, чтобы позволять себе что-то лишнее.

— Так вот, — продолжает Алекс, усаживаясь глубже на стол и накрывая свои колени руками, — я так и не понял, а какова твоя цель? Почему ты вдруг решила всё рассказать? Почему тебя так волнует, чтобы я знал, что Вову подставил Влад и что Влад ставит нам палки в колеса? — Алекс хмурится, глядя в моё лицо. Кажется, что мой ответ сейчас может сыграть решающую роль. От этого зависит, поверит он мне или нет.

— Потому что я влюбилась в Вову, — отвечаю без заминки. Говорю правду. И признание далось на удивление легко.

Брови Алекса лезут вверх. Кажется, последними словами я окончательно выбила землю из-под его ног. Не ожидал такого услышать?

— Вот так сюрприз, — хлопает ладонями по коленям, бросая на меня насмешливый взгляд. — Ха! Лучше и не придумаешь. Хочешь сказать, что ты умудрилась влюбиться в палача, в маньяка?! Ну ты даёшь, крошка. Да он же дьявол во плоти! Ты же знаешь, что мы все были там и расстреляли твою семью? И тебя бы убили, если бы знали, что ты все видела. Ты вообще с головой дружишь? — смеётся снисходительно. Наклоняется и стучит указательным пальцем по моему лбу.

Возможно, Вова и дьявол. Но он мой дьявол, а я его грешная судья.

Я молчу. Такое ощущение, словно мне на голову вылили ведро помоев, а я ещё и подставила лицо и поблагодарила. Да, я всё знаю. И не нужно ничего говорить, чтобы Алекс прочитал это на моём лице.

Вдруг мужчина таращится на меня так, словно почувствовал озарение, причиной которого стала я. Соскакивает со стола и опускается на колени передо мной. Берет мои ладони в свои руки.

— Только не говори, что ты хочешь, чтобы мы спасли твоего палача?

Кажется, на его лице сочувствие, а взгляд такой, словно я душевнобольная.

Да, я действительно хочу, чтобы они спасли Вову.

— Вы должны ему помочь. Он не виновен, — говорю, чувствуя, что я обречена.

— Но он виновен в убийстве твоей семьи! — убеждает меня Алекс, сжимая нежно мои пальцы. Я опускаю глаза. Смотрю на его блестящие ботинки и пытаюсь угадать, какой у него размер ноги. Сорок четвёртый? Или сорок пятый? — Виноват так же, как я, Иван, Борис, и кого ты с лёгкостью выпустила пулю. Чем Вова заслужил твоё прощение? Неужели он действительно дьявол во плоти, воплощение Джона Кетча, что смог влюбить в себя ту, кто должна его ненавидеть всем сердцем? Ты действительно хочешь сказать, что ты любишь Вову несмотря на то, что он сделал? Знаешь, но любишь? — спрашивает Алекс, а между его бровей залегает морщинка. Он меня жалеет? Или ему доставляет удовольствие ещё раз окупнуть меня с головой в дерьмо?

Я уже смирилась с этим. Алекс ничего нового мне не сказал. Я живу с этим противоречием внутри. Я живу с этим чёртовым пониманием, что я влюбилась в убийцу моей семьи. В разрушителя моей жизни. Но чем я лучше, если хотела их убить? Хотела вендетты, забрать жизнь за жизнь. Что же, очевидно, я заслужила это проклятие. Заслужила влюбиться в Вову и жить с ненавистью ещё и к самой себе.

Я поднимаю взгляд. Знаю, что сейчас в моих глазах плещется боль, щедро приправленная тоской. Сталкиваюсь с заинтересованным взглядом Алекса и отвечаю:

— Да.

— Вау! — восклицает восторженно Алекс. — Не знаю, кто из вас более больной. Но мне очень интересно, как далеко ты сможешь зайти. И знаю ещё одного человека, который оценит мой энтузиазм. Жди здесь! — говорит он, целует мои сжатые кулаки, встаёт и уходит.

Я остаюсь, растерянная, вместе с охранником в одной комнате. Интересно, а куда я смогу уйти, если за моей спиной амбал, который явно никуда меня не собирается отпускать?

Я остаюсь в комнате с охранником, а Алекс уходит. Ни одного конкретного ответа, никакого результата. Только надежда. Такая призрачная. Бессмысленная. Потому что она живёт даже тогда, когда всё умирает. В момент, когда приходит время сложить руки и сдаться, надежда подло обманывает, смотрит в глаза и нагло врёт, что все будет хорошо.

Я так устала от борьбы...

Ложусь на диван и обнимаю себя руками. И мне все равно, как на это отреагирует охранник. Но он молчит, не возражая. Я его не вижу и могу представить, что здесь больше никого нет. Могу закрыть глаза и представить, что сейчас меня обнимает Вова. Что он рядом со мной и сейчас скажет своё протяжное «Ни-ка», заверит, что я в безопасности и всё будет хорошо. Соврёт, но иногда сладкая ложь лучше горькой правды. Она позволяет немного дольше почувствовать себя счастливой.

Но была ли я когда-нибудь счастливой? Я практически не помню своей жизни до ужасной потери. Да, я помню некоторые события, но каждое воспоминание выстреливает вспышкой боли и ощущением пустоты. В сердце пусто. А когда я думаю про Вову, то наоборот, боль становится сладкой, а тьма внутри желанной. Моё счастье навсегда смешалось с болью. Я действительно сумасшедшая, ведь умудрилась влюбиться в монстра.

Погрузившись в чувство жалости к себе самой, в тоску по человеку, которому я должна желать смерти, я засыпаю. В этой ситуации, полной страха и неизвестности, мозг принимает решение отключиться.

Дверь открывается, заставляя меня подскочить испуганно. Несколько секунд я не могу прийти в себя и понять, где я нахожусь, и что из хаоса, образовавшегося в моей голове, сон, а что — реальность.

В комнату входят двое мужчин. Один из них — Алекс, второго я не знаю. Он ниже Алекса и не такой крепко сложенный. Обычный мужчина. Вот только взгляд его говорит о совершенно обратном. Алекс, который раньше ходил гордый, как павлин, теперь немного притих. Сопоставляя два и два, я начинаю понимать, что этот второй точно стоит рангом выше. А я почему-то думала, что четвёрка существует сама по себе. Получается, за каждой большой силой стоит ещё большая сила?

— Это и есть она? — спрашивает незнакомец, пронзая меня маленькими карими глазами. Его взгляд неприятно давит. Хочется пойти и смыть это ощущение, как будто одним только взглядом мужчина умудряется передать своё пренебрежительное отношение ко всем и всему вокруг.

Оба проходят внутрь. Дверь закрывается, а мужчины останавливаются возле дивана напротив меня. Рассматривают меня, словно экзотическую зверюшку. Или как козу на рынке.

— Ага, — кивает Алекс.

Непривычно видеть, как Алекс нервничает. Знаю, что он побаивается Вову, но это совсем другое. Вову боятся все, потому что один его свирепый взгляд вызывает желание вжаться в стену и стать невидимкой. Но тот вид страха больше вызван уважением к подобному себе, а сейчас же его страх смешан с подхалимством. Почему-то вспомнилось, как ведут себя бездомные псы. Когда слабый морально, не привыкший отстаивать себя случайно сталкивается с уверенным, опытным вожаком стаи, он пытается завоевать

расположение лидера, прижимаясь всем телом к земле, чтобы не быть разорванным.

Среди таких псов Вова был бы волком.

А этот незнакомец... остался бы человеком, дрессировщиком, способным предусмотреть все незамысловатые шаги стаи наперёд.

— Хорошенькая, — говорит незнакомец, рассматривая меня. — Будет ещё интереснее, чем я думал, — бросает взгляд на Алекса. — Если то, что ты сказал, правда, — в его словах чувствуется явная угроза.

— Правда! — возмущается Алекс. — Вы же видели, что всё, что она сказала подтвердилось. Влад раскололся. С её помощью мы теперь в дамках! И Вова...

— Слышать не хочу об этом предателе! — фыркает незнакомец. — Я чётко приказал не оставлять свидетелей, подчищая тщательно за собой. А он, прекрасно зная, кто эта девчонка, думал хером, очевидно, раз не убил её, а приберёт для себя.

И хищные сощуренные глаза цепляются за меня, залезают под кожу и разъедают плоть.

— Где Вова? — одними губами спрашиваю, потому что во рту пересохло от мыслей, вонзающихся в мозг острыми клыками.

— М-м-м, — удовлетворённо выдаёт незнакомец. — Мне нравится, — это он Алексу? Мужчина продолжает неотрывно смотреть на меня, хотя фраза адресована явно не мне. — Ты хочешь знать, где Вова? — спрашивает. Глупый вопрос. Зачем повторять дважды?

Я молчу. Незнакомец подходит к столу и садится на диван напротив меня. Точнее, разваливается, забрасывая ноги на стол. Этот человек вызывает во мне всё более сильное чувство отвращения и пополняет мой список «новогодних желаний». Его я тоже хочу убить. Пустить пулю в лоб и станцевать на его могиле.

Алекс становится рядом с незнакомцем, которого мысленно я окрестила главарём банды. Больше у меня нет сомнений, что здесь он главный.

— Алекс, открой дверь, — говорит главарь. Его губы изгибаются в подлой ухмылке.

Алекс идёт к двери. Открывает. Выглядывает наружу и тихо что-то говорит. С кем он разговаривает, я не вижу.

А после мои глаза застилает тьма. Ощущение, словно меня лишают кислорода, а потом запикивают в чёртово колесо, забывая пристегнуть ремни безопасности. Я падаю в бездну, которой конца края нет. Я мучительно умираю...

Я слышу крики. И эти крики... Я понимаю, что это Вова. Его пытаются. Пытают так, что он не может терпеть. Я знаю, насколько этот мужчина сильный. Я знаю, что заставить его кричать не так просто. И мне страшно представить, что сейчас с ним делают, если он не может молчать.

Не контролируя себя, я бросаюсь к двери. Но наталкиваюсь на чью-то сильную руку. Алекс резко подхватывает меня одной рукой за талию, несёт обратно в комнату и с силой швыряет назад, на диван. Возвращается и закрывает дверь. Опирается о стену у выхода, скрещивая руки на груди.

Я сажусь и обхватываю себя руками. Смотрю с безмолвной мольбой на Алекса, но встречаюсь со стеной равнодушия. Перевожу взгляд на главаря. Он всё решает. Но мой взгляд, застланный влажной пеленой боли, вызывает у него только холодную улыбку.

— Пожалуйста, не надо, — прошу. Умоляю. А в ушах до сих пор звучат эхом крики мужчины, похитившего мою душу. Мужчины, без которого я не хочу существовать дальше. Которого ненавижу, но всё равно люблю.

Главарь сбрасывает ноги на пол и, наклоняясь ко мне, кладёт локти на стол. Он

рассматривает меня, питаюсь моей болью и смакую её.

— Скажи, а на что ты способна ради любви? Как далеко ты сможешь зайти, на какие жертвы пойти, чтобы больше не слышать его криков? Что ты готова сделать, чтобы он жил?

От его вопроса у меня волосы поднимаются дыбом. Что он хочет от меня услышать? Ради мести я готова была отдать себя на растерзание четырём мужчинам, даже одновременно. И если бы пришлось это пережить, я бы выдержала. Я готова была переступить через других, через собственное достоинство и совесть. Я была готова на всё ради мести.

А на что я способна ради любви, приправленной болью и ненавистью?

И вдруг приходит осознание, что ненависть к Воле потеряла свою точку опоры. Боль, пережитая вместе с ним, кажется сладко-солёной карамелью: хоть вкус и странный, но тем он и особый, уникальный. И от этого становится ещё лучше.

Да, я больная.

Я ненормальная, ведь кажется, что я способна на всё, лишь бы избавить его от страданий. Последний раз задаю себе вопрос, что для меня значит Вова? И тут же отвечаю, не сомневаясь ни секунды: всё.

— согласишься стать секс-игрушкой и жить на цепи, как сучка на четвереньках ползать и лизать хозяйские ноги? — это говорит Алекс и начинает хохотать.

Рассказал о своих эротических фантазиях? А ещё говорит, что я больная? Да это он ненормальный на всю голову!

— Заткнись! — рывкает главарь, и Алекс сразу замолкает. Становится тише воды, ниже травы. — Твои примитивные фантазии дальше траха не заходят. Не умеешь мыслить глобально.

Главарь, откинувшись на спинку дивана, достаёт сигару. Алекс сразу же услужливо бросается к нему с зажигалкой, демонстрируя свой уровень. Мне кажется, что главарь это делает специально, чтобы показать Алексу его место. И чтобы я тоже это увидела. Чтобы окончательно убедилась, кто здесь главный. И кто здесь самый страшный монстр...

— Ника, правильно? — обращается ко мне главарь. Я молчу. Смотрю пустыми глазами на него и жду приговора. Но он и не стремится получить от меня ответ. Кажется, ему вообще всё равно, скажу ли я хоть слово. Главное, что скажет он.

Мужчина затягивается и выпускает дым в воздух. Резкий запах никотина ударяет в ноздри и раздражает слизистую.

— Знаешь, — продолжает главарь, рассматривая кольца дыма, выпущенные им, — я никогда не любил и никогда не верил в существование этого чувства. И до сих пор не верю, — смотрит на меня. Он пронзает меня своими темными бездушными безднами. Жуткий взгляд. — Докажи, что любовь существует, и Вова будет жить.

Мужчина говорит, продолжая смотреть на меня цепким взглядом, а я не знаю, что ему ответить. Каким образом я должна ему это доказать? Неужели ему недостаточно боли в моих глазах? Разве моё отчаяние не является достаточным доказательством? Или они хотят определённых действий...

Набираю воздуха в лёгкие и сама предлагаю свою жертву:

— Трахай меня, унижай, сколько угодно. Только отпусти его, — говорю на выдохе, ни секунды не жалея о своих словах.

Мне всё равно, что будет со мной. Я была сломана. Вова исцелил меня, как смог. Возродил несчастную искалеченную душу. Да, им же и искалеченную, но именно он сумел

вернуть мне вкус жизни, горьковатый, но всё же. Сейчас мне больно, потому что я знаю, что больно ему. Если он умрёт — заберёт с собой и мою душу в ад. А тело без души — это всего лишь пустая оболочка. Так что... Зачем оно мне без Вовы? Без разницы, что сделают с моим телом.

Мы с ним оба искалеченные, сломанные. Одной или несколькими травмами больше, как-то справлюсь, переживу. Я не справлюсь, только если потеряю своего палача.

Главарь начинает смеяться. Громко. Заливисто. Даже голову запрокидывает назад. Доволен? Услышал, что хотел? А потом резко обрывает смех и снова пронзает меня хладнокровным взглядом больного на голову маньяка.

— Ты думаешь, что, раздвинув передо мной ноги, ты докажешь, что любишь Вову? — спрашивает мужчина.

Я не понимаю, это вопрос с подвохом? Или риторический вопрос?

Главарь бросает сигару прямо на пол и резко наклоняется ко мне. Резким движением выставляет руки перед собой и практически всем телом ложится на стол.

— Ты же не просишь меня не трахать Вову, правильно? Ты просишь меня сохранить ему жизнь, и плата должна быть равноценной. Жизнь за жизнь.

На губах мужчины появляется кривая ухмылка, а я снова падаю в кровавую бездну.

Нам никогда не быть вместе. Эти отношения были обречены с самого начала, как и мы сами...

— Жизнь за жизнь, — говорит лидер банды. Он морально давит на меня, и я понимаю, что должна принять важное и одновременно самое сложное решение в своей жизни. Я должна решить, чья жизнь для меня дороже: моя или Вовы.

— Я думал, что настоящая любовь побуждает жертвовать всем, — говорит мужчина, пока я обдумываю его слова. — Получается, что любовь — все же вымысел глупцов, наивных романтиков, всего лишь подростковая фантазия...

Если кто-то думает, что отдать жизнь ради того, кого любишь — просто, то глубоко ошибается. Сделать это на уровне рефлексов, броситься на спасение в момент опасности — несложно. А вот принять решение осознанно, обдумав, проанализировав, и сказать «да», понимая все последствия — вот это настоящий подвиг. Сложно сознательно отказаться от собственной жизни в пользу другого человека, каким бы дорогим сердцу он ни был.

Кажется, Вова это решение уже принял, спасая меня. Думаю, он прекрасно знал, чем всё может закончиться для него. Точнее, знал, чем всё рано или поздно должно закончиться. Он понимал — и всё равно спасал, пытался защитить, спрятать, дать мне шанс... зная о пагубных для себя последствиях.

Но всё заканчивается так, как и должно было закончиться. Нас обоих поймали, и теперь кто-то из нас умрёт. И я должна принять решение, чья смерть станет спасением для другого. Честно — я приняла решение сразу, не сомневаясь, не колеблясь ни минуты. Единственная проблема — сказать это вслух. Ведь приходит понимание, что стоит озвучить своё решение — и пути возврата уже не будет.

А я не смерти боюсь — я боюсь разлуки. Я надеялась, что мы встретим вместе своё тёмное будущее. Будем вместе жить или же вместе умрём. Это эгоизм чистой воды, и я это понимаю. Поэтому выбрать вариант было несложно, отбросив пустые надежды на то, что мы с Вовой когда-нибудь будем вместе. Его крики добавили мне уверенности.

— Тогда ты будешь наблюдать, как он медленно умирает на твоих глазах, и жить с мыслью, что...

— Нет, — резко обрываю я главаря и встаю. Вытираю слезы, шмыгаю носом.

Две пары глаз ошарашенно пялятся на меня. Не ожидали?

— Я же вам говорил! — не удерживается Алекс от комментария. — Я говорил, что это особый случай.

Это он обо мне? О нас с Вовой?

А потом Алекс замолкает, очевидно, вспомнив о ранее полученном приказе молчать. Но главарь слишком сосредоточен на мне, поэтому не реагирует и не обращает на Алекса внимания.

— Жертва влюбилась в маньяка, а маньяк — в жертву, — медленно, вдумчиво говорит незнакомец. — Действительно удивительно. Ещё раз хочу услышать это от тебя, — он продолжает меня рассматривать заинтересованно, видя во мне уникальный подопытный экземпляр, словно я с другой планеты, — ты знаешь, кто такой Вова? Знаешь, что он убийца? Что он получает удовольствие, причиняя боль другим? Тебе известно, что твоя семья...

— Знаю! — перебиваю его, потому что мне уже осточертело слушать одно и то же. Прекрасно знаю, что я неправильная, впрочем, как и Вова. Знаю, что так быть не должно. Поэтому говорю сама, чтобы оборвать этот поток повторяющихся вопросов: — Я знаю, кто

он. Я знаю, что он сделал. И всё равно я его люблю, — начинаю жестикулировать на эмоциях. А потом срываюсь на крик. — Это вы хотели услышать?! Люблю его, хоть и ненавижу. Любовь существует. Вам нужно подтверждение? Ладно! Вот вам подтверждение, — тыкаю пальцем себе в грудь. — Я отдам свою жизнь в обмен на его!

На несколько секунд наступает тишина, а в моих ушах эхом звучит собственный крик. Я озвучила своё решение, оборвав все пути для отступления. И я не изменю своего мнения.

Если подумать, смерть — это не так страшно. Все мы рано или поздно умрём. Каждого из нас ожидает одинаковый финал. Нужно с достоинством его встретить. Конечно, хочется насладиться жизнью, получить от неё максимум, прежде чем кануть в адскую бездну. Но... моя жизнь давно потеряла краски, и те несколько ярких всплесков, подаренных мне Вовой — их больше не вернуть и без него не пережить снова.

С самого начала моё тело отреагировало на мужчину так, будто принадлежит ему, а не мне. А потом и моя душа меня предала. Моя душа, моё сердце, все моё естество принадлежит Вове. Даже моя ненависть...

Я не боюсь смерти. Я боюсь жить с болью и не иметь того единственного, кто может забрать мои страдания. И так же я боюсь умирать, испытывая муки. Да, я честно в этом признаюсь: меня до чёртиков пугает боль. И я говорю не о банальных вещах, через которые каждому приходится проходить. Я имею в виду настоящую боль, ту, которую сейчас приходится испытывать Вове. Такое я не выдержу. Я буду умолять о смерти, ползать, унижаться, проклинать и просить, чтобы только это закончилось. Я не настолько сильная, как он. Я просто сломанная кукла.

Я не хочу страдать. И ему этого больше не желаю. И да, это тоже в определённой степени эгоизм. Что выбрать? Жить дальше и страдать, но все же жить, или умереть, но прекратить собственные мучения раз и навсегда? А Вова... он сильнее. Он справится с потерей. Я уверена, что он сможет жить дальше. После меня его жизнь не закончится, а вот моя без него не имеет смысла.

— Какая пылкая речь! — главарь встаёт и взрывается наигранными аплодисментами. — Хочешь сказать, что согласна умереть ради него? Какое самопожертвование! Какие чувства!

Ему весело? Нравится дёргать за ниточки? Это даёт ему возможность почувствовать себя богом?

— А если я скажу, что мне этого мало, чтобы поверить? — мало??? Сколько ещё он будет играть? Чего ему ещё надо, если я и так на всё согласна? Мужчина оглядывается на Алекса и говорит ему: — Давай ещё раз, — после чего спокойно садится на диван и смотрит на меня.

Алекс снова открывает дверь... И меня снова пронзает боль. Боль, которую сейчас испытывает Вова. Стоны разрезают тишину, сердце сбивается с ритма, душа рвётся из клетки, стремясь облегчить его боль, разделить с ним страдания, но она прочно прикована цепями. Я крепко прикована, зажата руками охранника. Сопrotивляюсь, извиваюсь, визжу, но не могу вырваться из его цепких рук. Обессилев от отчаяния, свисаю в руках мужчины. Не вижу ничего. Тьма застилает глаза.

— Прекратите это, умоляю... я сделаю всё что угодно... — говорю, сложившись пополам. Моё тело до сих пор из последних сил тянется туда, где его хозяин нуждается в помощи.

— А мне нравится наблюдать, как птичка бьётся в клетке, — отвечает главарь банды. Он улыбается почти безобидно, а в зрачках бушует тьма. — Мне никогда не узнать, что такое

настоящая любовь. Дай хоть посмотреть, полюбоваться твоими эмоциями.

Больной на голову ублюдок. Убить его — слишком просто. Такой заслуживает сотню медленных мучительных смертей.

— Потому что у тебя нет сердца, жестокая ты тварь! — выплёвываю слова в его сторону. Стараюсь выпрямиться, но охранник и не думает меня отпустить.

— Да, ты права, — спокойно отвечает главарь. Он поднимается, не отрывая от меня взгляда, полного жестокого равнодушия, — у меня нет сердца, — соглашается. — Закрой, — говорит Алексу, и тот закрывает дверь. Главарь снова обращается ко мне: — Что ж, я принимаю твоё условие. Твоя жизнь в обмен на его, так что успокойся и прекрати эту истерику.

Я с трудом успокаиваюсь, хотя назвать этот момент радостным язык не поворачивается. Я чувствую небольшое облегчение только потому, что совсем скоро мучения Вовы прекратятся. Но какая гарантия, что эти подонки сдержат своё слово? А никакой. Остаётся только надеяться, что такие люди... нелюди не бросают слов на ветер.

Охранник меня отпускает. Главарь неотрывно смотрит на меня, а я стою и смотрю в недоумении, как Алекс и охранник начинают передвигать мебель под стены, расчищая пространство посередине комнаты. Когда они заканчивают, психопат, имени которого я до сих пор не знаю и знать не хочу, опять садится на диван. Алекс выходит из комнаты. А я стою и жду своего смертного приговора.

Как они планируют это сделать? Пустят пулю в голову? А может, придумают что-то другое? Или заставят покончить с собой? Не знаю, смогу ли такое сделать и смогу ли терпеть пытки. Но уверена, что они найдут способ «мотивировать» меня. А пока я рисую в воображении картины собственной смерти, за дверью начинается что-то происходить.

Я слышу шум снаружи, а через мгновение дверь открывается. Заходят Иван с Алексом, расходятся в разные стороны, а следом заводят Вову. Я хватаюсь за голову, не зная, как сдержать свои эмоции. Я вижу кровавое месиво. Создаётся впечатление, что на нем живого места не осталось. Хочется броситься ему на помощь, придержать, залечить его раны, зализать, если понадобится. Сделать что угодно, лишь бы ему стало легче.

Вот вам и мотивация...

Я не могу к нему приблизиться — не позволяют. Мои действия легко предугадать — поэтому меня снова держат, заломив руки за спину. Вову отпускают, и он падает на колени. Ему в затылок направляют пистолет. Он не сопротивляется. Не осталось на это сил. Чувствую, как что-то холодное вжимается и в мой висок. Мы оба под прицелом. Главарь расставляет все по своим местам, чтобы убрать одного из нас. А может быть, и обоих.

За спиной Вовы стоит Иван и держит пистолет, нацеленный в голову моего ненавистного — и вместе с тем любимого мужчины. Кроме троих из четвёрки, их главаря и меня, в комнате ещё несколько охранников. И все они готовы расстрелять нас с Вовой, если мы хотя бы попробуем дёрнуться.

— Придётся играть честно, — предупреждает меня главарь банды, держась на расстоянии вытянутой руки и прижимая оружие к моей голове.

Из уст Вовы вырывается стон. Он держит голову опущенной. Иван хватается за волосы и тянет на себя, заставляя смотреть вперёд. Несколько секунд Вова затуманенным взглядом всматривается в меня, будто не понимает, кто перед ним. Потом вижу, как на мгновение в его голубых ледяных глазах вспыхивает свет, подобно солнцу, внезапно выглянувшему во время снежной бури.

А потом снова лёд. Арктика, охватывающая меня и всё вокруг. Мою душу завернули в снежную вьюгу, и эта вьюга теплее самой горячей пустыни. Почему-то мне становится уютно. Бред, знаю. Я знаю, что хорошо уже не будет, но его спокойный, холодный взгляд заставляет и меня потерять интерес к тому, что происходит вокруг. Он обнимает меня, поглощает, затягивая мою душу в свою извечную тьму и пустоту, а я именно этого и хочу. Это именно то, что мне нужно, чтобы почувствовать наконец покой.

Горькая едва заметная улыбка появляется на его лице.

Я знаю, что ему больно. Но в его взгляде я вижу, ради чего он терпит эту боль. Я вижу в его глазах раскаяние и покой. Я вижу его душу. И моя душа сплетается с его, прячась за крылом своего тёмного ангела. Вова смотрит на меня и одним лишь взглядом забирает мою боль, поглощает её, приумножая этим свою собственную. Обезболивающий, исцеляющий холод вырывает меня из ада, затягивая в такую знакомую и желанную голубую бездну.

Он тяжело опускает веки, и меня рывком выбрасывает на поверхность, возвращая в жестокую реальность.

— Вова, — шепчу еле слышно.

Но Вова безвольно опускает голову. Иван резко дёргает его за волосы, поднимая голову вверх.

— Смотри! — приказывает главарь. — Смотри на неё!

Вова смотрит, но уже не так. Наши души потеряли связывающую их нить. И эту нить Вова оборвал сам. Боль и страх снова сжимают меня тисками.

— Зачем ты приволок её сюда? — спрашивает Вова, выплёвывая недовольно, раздражённо слова. — У меня нет настроения для игр, — криво улыбается разбитыми губами. — Она меня больше не интересует.

Вова говорит это таким равнодушным тоном, что я почти верю ему. Но я понимаю, что это игра для лидера и остальных. Я видела правду в его глазах всего несколько секунд назад.

— Почему же тогда ты не убил её? — спрашивает главарь.

— Потому что знал, что среди нас завелась крыса. Потому что знал, что против нас готовят заговор. Я уже всё объяснил. Она была нужна как приманка...

Мысленно улыбаюсь, ведь даже в этом мы мыслили одинаково.

— Так я могу её убить? — спрашивает главарь банды. Его лицо искажается в лукавой гримасе. А я готовлюсь отдать душу то ли богу, то ли дьяволу — как повезёт.

Вова не успевает скрыть всплеск эмоций в своих глазах. Там украдкой проскальзывает страх. Я это вижу, и главарь это видит.

— Нет, Владимир. Я не стану её убивать, — блядская надежда машет мне рукой и пытается запутать, убеждая, что шанс ещё есть. Но я не верю. Я шлю надежду к чертям, потому что понимаю, что это очередной подвох, очередная извращённая игра. — Я позволю тебе исправить свою ошибку и загладить свою вину. Ты достаточно наказан за твою оплошность и беспечность. Тебе нужно сделать сущую мелочь — и я прощу тебя.

Дьявольская улыбка появляется на лице главаря. Меня обдаёт ледяной водой, потому что я начинаю догадываться, что именно он задумал...

— Иван, — кивает главарь, и Иван достаёт свободной рукой ещё один пистолет. — Вова, тебе нужно всего лишь исправить свою ошибку. Ты должен убить последнего свидетеля, и всё будет как прежде. Вот видишь, каким я бываю добрым.

Главарь отходит от меня на шаг, продолжая держать меня на прицеле. Его губы растягиваются в кривой ухмылке. Взгляд психопата в ожидании самого желанного зрелища. А меня охватывает паника. Это слишком жестоко. Сначала я думала, что этот ненормальный хочет, чтобы Вова увидел, как я умру. Но оказывается, его замысел ещё безумнее. Он хочет, чтобы Вова убил меня собственными руками...

Иван протягивает руку слишком медленно, превращая короткий момент в мучительную бесконечность.

— О, и ещё кое-что, — главарь поднимает палец вверх в предостерегающем жесте. Иван застывает. — Там всего лишь одна пуля. А нас здесь, — осматривается вокруг, считая вслух, — раз, два... пять мужчин держат вас на прицеле, и ещё трое готовы присоединиться в любой момент. Надеюсь, ты понимаешь, что малейшее необдуманное действие с твоей стороны — и в то же мгновение вы умрёте оба.

Вова бросает на меня усталый, почти равнодушный взгляд, а потом пронзает взглядом главаря. Иван силой вкладывает оружие в ослабевшую руку Вовы и отходит назад, продолжая держать Вову на прицеле.

— Ты говоришь, что она была приманкой, — продолжает главарь. — Всё выяснили, конкурентов убрали. Она больше не нужна. Убей её — и ты свободен.

Вова закрывает глаза. Он обессиленно опускает руку. У него не осталось сил, либо просто необходимо собраться с мыслями. Вижу позади него Ивана, который смотрит на меня. Чувствую на себе взгляд главаря. Слышу его разочарованный вздох. Понимаю, что ему не нравится развитие событий. Стараюсь в эти последние секунды понять, зачем предводителю понадобился весь этот спектакль. Не легче было просто нас двоих

пристрелить?

А потом, кажется, начинаю понимать...

Это жестокая игра бессердечного чудовища, настолько отвратительного, что он не в состоянии смириться с тем, что кто-то может быть лучше него. Ему не нравится, что кто-то в его окружении чище него душой, сильнее, наделён хорошими чертами, не пресмыкается и не унижается, держась достойно. Игра монстра, вообразившего себя богом, а люди для него — всего лишь марионетки. Ему интересно знать, насколько сильно мы любим друг друга. Интересно выяснить, на какие жертвы мы сможем пойти ради друг друга. Он хочет доказать этим сумасшедшим испытанием, что все люди меркантильные, продажные, думают только о своей шкуре, и гнилое нутро обязательно выползает наружу в случае опасности. Это он пытается доказать? Что каждый сам за себя?

Я не подарю ему такого удовольствия.

— Вова, — говорю тихо и замечаю, как рука моего сломленного дьявола дёрнулась то ли от боли, то ли от моего полного мольбы голоса. — Просто сделай это. Прошу, — настаиваю и вижу, как Вова поднимает на меня тяжёлый взгляд.

Я мышка, влюбившаяся в кота.

Девушка, доверившаяся монстру.

Жертва, подарившая душу своему палачу.

Вова опускает рассеянный взгляд на свою руку, в которой держит пистолет. Поднимает руку и целится в меня. Поднимает взгляд... Я впервые за последнее время не могу понять, что происходит у него на душе. Глухая стена льда. Этого человека достаточно сложно прочитать, если он этого не хочет. Его жесты всегда сдержанны. Его действия отточены. Его взгляд не выражает ровным счётом ничего. Там тьма и пустота. Я не знаю, что к этому привело, но его душа... словно давным-давно поглощена тьмой.

Но я ведь такая же. Возможно, во мне он увидел своё отражение. Или отражение собственных поступков. Поэтому я могу догадаться, что он чувствует сейчас: ровным счётом ничего. Иначе невозможно, невозможно что-то чувствовать в подобной ситуации и пытаться совладать с собственными эмоциями. И не стоит забывать, что он действительно монстр, ставший на определённый, очень короткий промежуток времени моим. А теперь пришло время прощаться.

Мне не страшно. Он должен это сделать. И я хочу, чтобы он это сделал. Я хочу, чтобы Вова меня освободил. И жил за нас двоих.

И сейчас, когда я вижу, как он целится в меня холодным оружием и точно таким же холодным взглядом, я почему-то вспоминаю его слова:

«Люблю, когда кофе крепкий, сладкий, оставляет приятный привкус... но с горчинкой, чтобы не терять связь с реальностью».

... и едва заметно улыбаюсь ...

*** конец первой книги ***

Больше книг на сайте - Knigoed.net